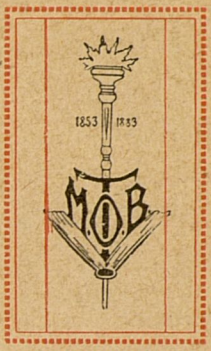
МАЛЮТКА МАРГО

ПОВѢСТЬ
Л. ЧАРСКОЙ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

З. 34.
III. 86.
II. 5.
№ 42.



1853 1883
М.О.В.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетамъ и допущены въ ротныя библіотеки.

Книги отмѣченныя „въ перепл."—переплетены въ цвѣтной коленкоръ, съ золототисненіемъ.

Повѣсти изъ институтской и кавказской жизни.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 5-е. Ц. въ перепл. 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 5-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Съ иллюстр. В. А. Табурина. Изданіе 4-е. Цѣна въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р.

Автобіографическія повѣсти.

○ **ЗА ЧТО? Съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 3-е Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Съ илл. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

Повѣсти для юношества.

○ **СЕСТРА МАРИНА.** Съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской Ц. въ перепл. 3 р.

ЛѢСОВИЧКА. Съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Съ илл. В Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ папочномъ переплетѣ 60 к.

Историческія повѣсти для юношества.

○ **ГАЗАВАТЪ. Съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Съ илл. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Съ илл. И. Гурьева. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова и друг. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Повѣсти для дѣтей.

БИЧО-ДЖАНЪ. Приключенія кавказскаго мальчика. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 4-е. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ. Съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Съ илл. И. И. Гурьева. Изд. 2-е Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Съ иллюстр. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ТАСИНО ГОРЕ. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ТРИНАДЦАТАЯ. Съ рисунк. В. Спасскаго. Ц. въ перепл. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р.

Историческія повѣсти для дѣтей.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

○ **НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 25 к.

Сказки.

○ **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, Э Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Разсказы для малютокъ.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ папочн. пер. 90 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. пер. 1 р. 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Стихи.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношн. съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

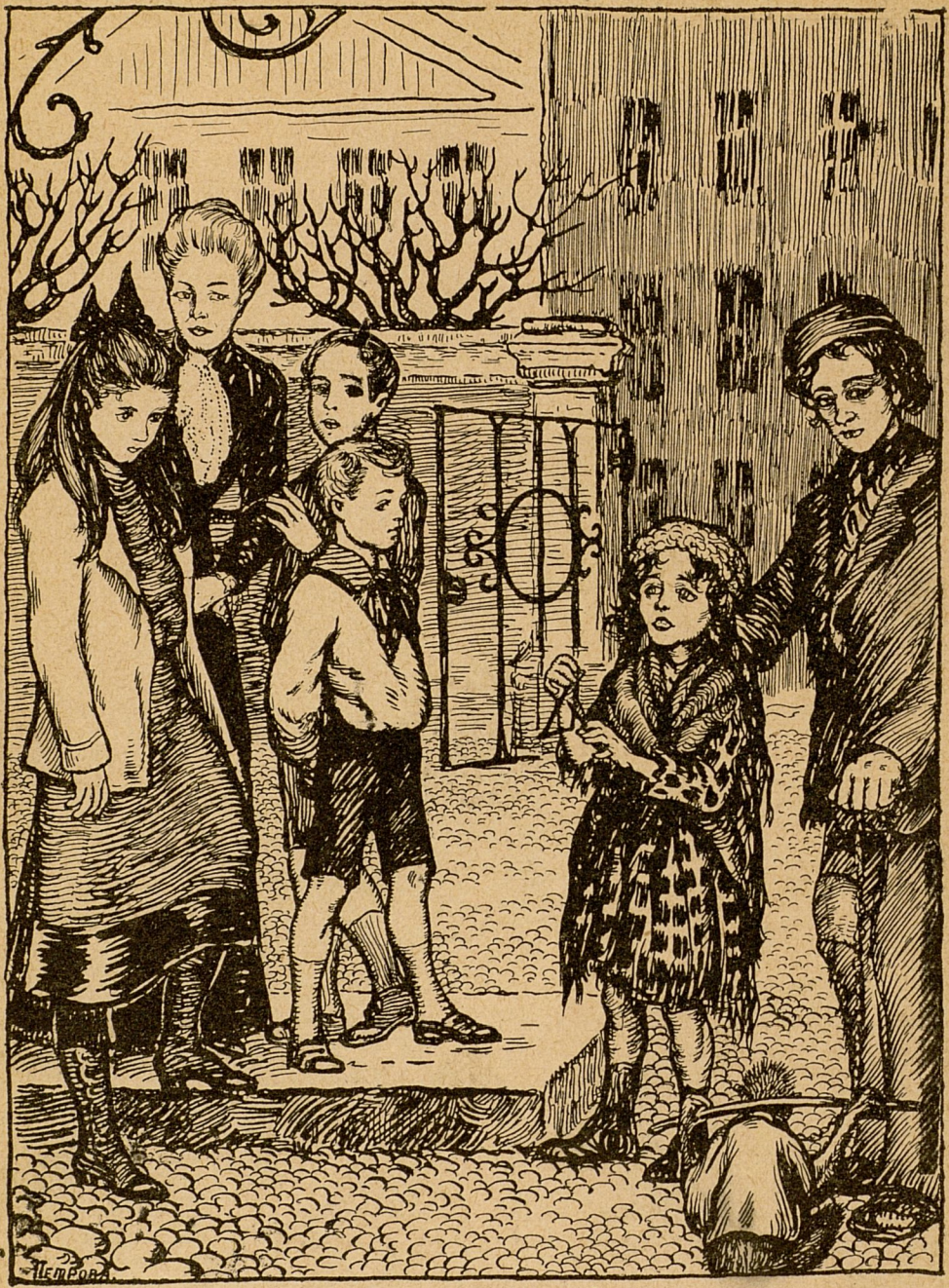
ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

СМѢШНЫЯ МАЛЮТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис. Ц. 30 к.

Пьесы.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

Гос.
Публичная
Б-ка
Женинград



Она пѣла пѣсенку о маленькой принцессѣ...

МАЛЮТКА МАРГО

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисунками А. Петровой

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Петроградъ
Рестин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузнец. М., 12 и Тверская, 21
1916

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
Петроградъ. Вас. остр. 16 линія соб. домъ
1916

ГЛАВА I.

Малютка Марго и ея мама.

— ТУКЪ-тукъ-тукъ-тукъ!.. — стучитъ-постукиваетъ колесами поѣздъ.—Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!..

Маленькая черноглазая дѣвочка съ длинными черными локонами, спускающимися по плечамъ, не отрываясь, смотритъ изъ окна вагона на убѣгающіе въ даль поля, нивы, деревни и зеленые лѣса.

Сейчасъ только поѣздъ отошелъ отъ станціи Вержболово, расположенной на границѣ Россіи и Германіи. Маленькая дѣвочка съ любопытствомъ высовывается въ открытое окно вагона, а горячее іюньское солнце ласкаетъ ея чернокудрую головку.

— Марго, надѣнь шляпу. Смотри, дѣточка, чтобы тебѣ не напекло голову,—слышится позади нея ласковый голосъ молодой на видъ женщины, говорящей по-французски.

Это ея мама, только что бесѣдовавшая со своей сосѣдкой по вагону, русской учительницей, ѣхавшей съ ними отъ самаго Берлина.

Марго живо оборачивается, улыбается мамѣ и

протягиваетъ нехотя руку за шляпой, которую та ей подаетъ. Но тутъ же, не выдержавъ, стремительно кидается на шею матери, обвиваетъ ручонками ея шею и осыпаетъ градомъ поцѣлуевъ ея лицо.

— Я тебя люблю. Я тебя обожаю. Куколка ты моя! Роднуля ты моя!—лепечетъ по-французски дѣвочка и цѣлуетъ безъ конца милое мамино лицо.

Мама Марго очень похожа на свою дочку: съ такими же черными глазами и локонами, какъ у малютки. Она кажется скорѣе старшей сестрой, нежели матерью этой дѣвчурки. И мама никогда не прочь пошутить и посмѣяться со своей дѣвочкой.

— Ну-ну, будетъ, отстань... Довольно. Развѣ можно такъ вести себя при чужихъ людяхъ!—притворно сердится мама и какъ будто отгоняетъ Марго. А у самой лицо—такое счастливое, такое довольное и улыбающееся, въ то время, какъ она держитъ на колѣняхъ свою малютку.

Марго, дѣйствительно, малютка—не даромъ же и называютъ ее всѣ «малюткой Марго». Хотя дѣвочкѣ уже восемь лѣтъ, она кажется пятилѣтней крошкой.

— Вотъ,—обращается мама къ сосѣдкѣ, русской учительницѣ, имя которой Марго никакъ не можетъ запомнить,—не могу отдѣлаться отъ этой маленькой шалуньи. Подумайте, m-elle, я предполагала оставить ее въ Парижѣ, когда получила мѣсто у васъ, въ Россіи... Да не тутъ-то было. Вцѣпилась она въ меня и не отпускаетъ никуда.

— Ты бы все равно безъ меня никуда не поѣхала. Ни за что бы не поѣхала, никогда!—дѣлая плу-

Дѣвочка, не отрываясь, смотритъ изъ окна вагона...

Гос.
Ленинград

товатую рожицу, шепчетъ Марго и звонко смѣется. Потомъ она умудряется чмокнуть мать въ самый кончикъ носа, отчего къ смѣху Марго примѣшивается немногимъ менѣе звонкій смѣхъ ея мамы.

— Куколка моя,—снова съ неизъяснимою нѣжностью шепчетъ дѣвочка мамѣ на ушко свое любимое ласкательное слово.

— Ангелочекъ мой!—такъ же тихо и нѣжно отвѣчаетъ мама и, опять обращаясь къ сосѣдкѣ, продолжаетъ разсказывать:

— Да вотъ, представьте себѣ, m-elle, жила я всю свою жизнь безвыѣздно въ Парижѣ. Была, какъ и вы, учительницей, давала уроки музыки, а мужъ мой служилъ въ большомъ торговомъ домѣ. Жили мы скромно, но безбѣдно... Но вотъ умираетъ внезапно мужъ,— о, ужасное это было несчастіе!—и мы съ малюткой Марго остаемся вдвоемъ на свѣтѣ. Марго въ то время едва минуло три года... Надо было ее поднимать на ноги, растить, учить... Къ урокамъ музыки я прибавила себѣ новый заработокъ: стала дѣлать бумажные цвѣты для продажи... Но вѣдь за это платятъ немного. Лѣтъ пять такъ билась. И, наконецъ, рискнула принять предложенное мнѣ мѣсто гувернантки въ Россіи, въ домѣ одного русскаго сановника. Этотъ сановникъ былъ какъ-то съ семьею въ Парижѣ, тамъ мы и познакомились. Семья прекрасная. Люди очень добрые и великодушные. Они разрѣшили мнѣ взять съ собою и малютку Марго въ ихъ домъ, предложили воспитывать ее совмѣстно съ ихъ дѣтьми. Говорили, что присутствіе въ домѣ моей маленькой дочурки можетъ

только принести пользу ихъ дѣтямъ, такъ какъ она будетъ постоянно говорить съ ними по-французски.

— Вамъ, я думаю, было очень тяжело уѣзжать изъ Парижа?—обратилась къ малюткѣ Марго ихъ русская попутчица и добрыми сѣрыми глазами взглянула въ миловидное личико маленькой француженки.

— Ужасно тяжело!—вздохнувъ, отвѣчала за дочь madame Алиса Бернаръ.—Мы такъ привыкли къ нашему городу, къ нашей маленькой квартиркѣ въ шестомъ этажѣ, къ нашимъ немногимъ знакомымъ. Родныхъ у насъ нѣтъ почти, родители мои и моего мужа давно умерли, а болѣе далекіе родные разсѣяны по всему свѣту. Намъ обѣимъ было очень тяжело оставлять Парижъ.

Madame Бернаръ снова вздохнула.

ГЛАВА II.

Виновата земляника.

ПОѢЗДЪ все мчится и мчится впередъ...

Малютка Марго попрежнему смотритъ въ окно, покрывъ свою черную голову шляпой отъ ласкъ назойливаго солнышка. Мимо бѣгутъ поля, мчатся нивы, стремительно пролетаютъ деревни. Ахъ, какъ весело и интересно провожать ихъ глазами! Какъ вообще интересно ѣхать въ эту далекую, чужую Россію, о которой она, малютка Марго, слышала такъ много всякихъ разсказовъ.

Малюткѣ Марго съ поразительною ясностью припомнилась ихъ крошечная, уютная квартирка въ Парижѣ: двѣ маленькія комнатки съ чистою кухнею, гдѣ постоянно хлопотала ихъ служанка, толстушка Бланшетта, съ румяными, какъ два спѣлые помидора, щеками. Припоминались ей прогулки съ Бланшеттой на рынокъ, куда добрая дѣвушка каждое утро брала съ собою малютку-барышню; затѣмъ старая ворчливая привратница Сюзанна и веселый разносчикъ молока, навѣдывавшійся къ нимъ ежедневно. Всѣ они были

хорошими пріятелями Марго и искренно горевали при прощаньѣ съ нею. Но больше всѣхъ горевалъ маленькій Поль, большой другъ и пріятель Марго съ самаго ранняго ея дѣтства.

Маленькій Поль приходился внукомъ сосѣду по квартирѣ—старому доброму monsieur Ришару. Всѣ дни, съ утра до вечера, дѣти проводили вмѣстѣ; они даже посѣщали одну и ту же школу по сосѣдству съ ихъ кварталомъ.

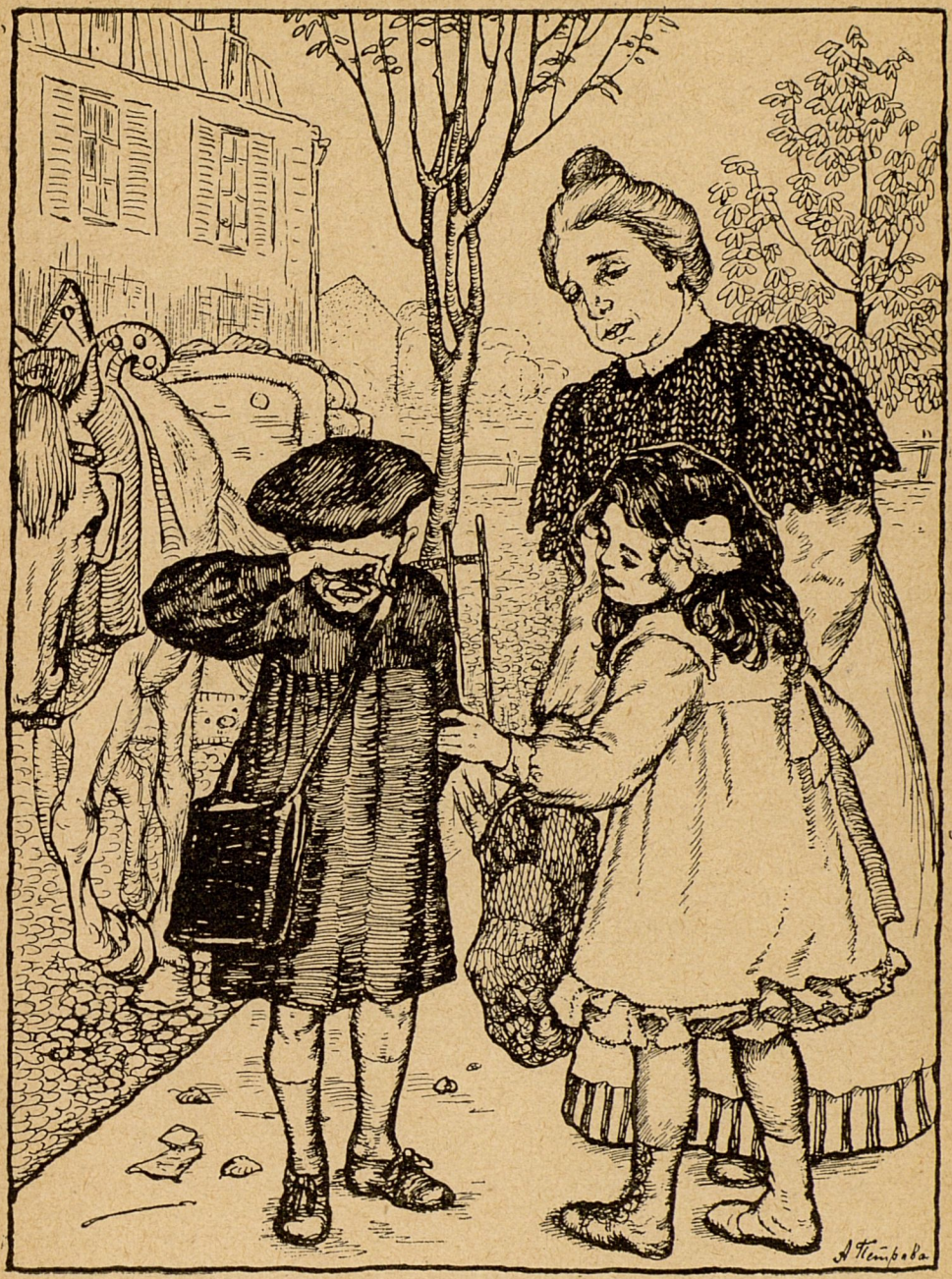
Когда отъѣздъ малютки Марго въ Россію былъ уже рѣшенъ вполнѣ, Поль чуть не заплакалъ съ горя. Но какъ настоящій маленькій мужчина, онъ сумѣлъ подавить свои слезы. Сжавъ кулачки, онъ энергично погрозилъ ими въ ту сторону, гдѣ, по его предположенію, должна была находиться эта противная Россія, отнимавшая у него его маленькую подругу.

— Ужъ этотъ Петербургъ... Если бы онъ былъ не городомъ, а мальчишкой, показалъ бы я ему,— пробурчалъ Поль сердито и послѣ небольшой паузы тѣмъ же недовольнымъ тономъ обратился къ Марго:

— И куда ты только поѣдешь, малютка? Вѣдь въ Россіи, говорятъ, круглый годъ зима и снѣгъ, а по улицамъ бѣгаютъ голодные волки. И меня не будетъ тамъ, чтобы спасти тебя отъ нихъ. Оставайся-ка лучше съ нами.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты говоришь глупости, Поль. Какъ же я отпущу туда одну мою маму. Я поѣду съ нею всюду, даже къ волкамъ!—горячо возразила Марго.

Ахъ, какъ было грустно имъ, когда наступилъ



Но больше всѣхъ горевалъ маленькій Поль...

Гос.
Ленинград

часъ разлуки. Тутъ ужъ Поль совершенно забылъ о томъ, что онъ мальчикъ, будущій мужчина, и что мужчинѣ плакать не полагается, и рыдалъ навзрыдъ. Марго въ свою очередь обливалась слезами.

Дѣти условились писать другъ другу. Поль подарилъ своей маленькой подругѣ все, что считалъ самымъ дорогимъ изъ своихъ вещей: небольшую записную книжку съ переведенными имъ собственноручно на ея страничкахъ картинками. Марго не осталась въ долгу и отдала маленькому пріятелю крошку-куколку съ отбитымъ носомъ, которую она любила почему-то больше всѣхъ остальныхъ своихъ игрушекъ и вещей.

И сейчасъ, думая въ вагонѣ объ этомъ послѣднемъ прощаньѣ, Марго снова захотѣлось поплакать. Теперь уже убѣгающія куда-то мимо оконъ вагона картины не интересуютъ дѣвочку. Ея мысли были заняты воспоминаніями о недавнемъ прошломъ.

Но вотъ все тише и тише сталъ идти поѣздъ. Сейчасъ, очевидно, должна быть остановка.

Малютка Марго высовывается изъ окна.

Такъ и есть—станція. Какая-то небольшая станція. На платформѣ толпа пестро одѣтыхъ босоногихъ крестьянскихъ ребятишекъ. Въ рукахъ они держатъ пакетики, сдѣланные изъ древесной коры, и небольшія самодѣльныя корзиночки, гдѣ алѣетъ вкусная, спѣлая и сочная на видъ лѣсная земляника.

— Мамочка! Мамочка! Смотри, какія смѣшныя дѣти. Въ Парижѣ я никогда не видѣла босыхъ ребятишекъ. Смотри, эти босоножки продаютъ ягоды...

Можно мнѣ купить ягодъ, мамочка?—весело и оживленно затараторила малютка Марго, то бросаясь къ матери и ластясь къ ней, то снова кидаясь къ окну.

Поѣздъ подошелъ къ платформѣ станціи и остановился.

— Мамочка, дай мнѣ немножечко денегъ, я куплю ягодъ. Кстати, разсмотрю поближе этихъ потѣшныхъ дѣтей. Изъ окна ихъ трудно разглядѣть хорошенько,—вся красная отъ волненія продолжала малютка Марго.

— Смотри, только не сходи на платформу,—доставая деньги и подавая ихъ дѣвочкѣ, произнесла madame Алиса Бернаръ.—Поѣздъ простоитъ на этой станціи самое короткое время.

— Да, да, мамочка, хорошо!—едва дослышавъ послѣднія слова матери и выпархивая птичкой изъ вагона, крикнула Марго.

Со ступенекъ вагонной площадки было трудно объясняться съ дѣтьми, кинувшимися веселой толпою навстрѣчу маленькой француженкѣ. А тутъ еще вышло новое затрудненіе. Крестьянскіе ребятишки ничего, разумѣется, не понимали изъ того, что имъ говорила Марго. Марго же, ни слова не знавшая по-русски, не понимала дѣтей.

Произошла забавная сценка. Марго показывала пальцемъ на приглянувшуюся ей корзиночку земляники и жестами допытывалась у дѣвочки-торговки, сколько стоятъ ягоды.

Та растопырила передъ маленькой француженкой всѣ свои десять пальцевъ на рукахъ, что должно было означать десять копеекъ.

Тогда малютка Марго возмутилась.

«Какъ! Такая маленькая корзиночка стоитъ цѣлыхъ десять копеекъ? Не можетъ быть»,—подумала она.

И, мотая своей черной головкой и сверкая черными же, какъ угольки, глазками, Марго спрыгнула въ пылу спора на платформу и принялась торговаться, показывая пальцами пять.

Публика изъ поѣзда тоже занялась покупкою ягодъ, и никто не замѣтилъ затруднительнаго положенія маленькой пассажирки, и никто не помогъ дѣтямъ объясниться.

А дѣвочка-торговка, видя, что лопочущая что-то на своемъ непонятномъ языкѣ маленькая барышня уже взяла у нея корзинку, энергично протянула руку, почти вырвала ее у Марго и бѣгомъ бросилась отъ вагона.

— Какъ! Вѣдь я же купила эти ягоды. Оставалось только сговориться о цѣнѣ. Какая глупенькая дѣвочка. Надо ей это растолковать во что бы то ни стало,—подумала Марго, вспыхнувъ отъ негодованія.

И забывъ въ эту минуту про запрещеніе матери сходить на платформу и про короткую остановку поѣзда на этой станціи, малютка Марго бросилась догонять дѣвочку, чтобы убѣдить ее продать ягоды.

Маленькая же крестьяночка, увѣренная, что черноволосая «нездѣшняя» барышня гонится за нею съ тѣмъ, чтобы взять землянику даромъ, прибавила ходу и стрѣлой полетѣла по дорогѣ, ведущей отъ станціи къ деревнѣ, гдѣ она жила.

Малютка Марго помчалась за нею.

Остальныя дѣти, продавщики и продавщицы ягодъ, сновали по прежнему по платформѣ, предлагая пассажирамъ свой товаръ. А пассажиры, занятые кто чѣмъ, и не замѣтили двухъ удалявшихся отъ платформы маленькихъ дѣвочекъ.

— Остановись! Остановись!—кричала крестьяночкѣ малютка Марго по-французски, совершенно забывая, что дѣвочка не можетъ понять ее.—Я куплю у тебя ягоды. Но у меня не хватитъ денегъ... Я сбѣгаю въ вагонъ, возьму у мамы еще... Ты говоришь, ягоды стоятъ десять копеекъ, а у меня всего только пять. Сейчасъ я...

Малютка не договорила...

Что это? Кто это свистнулъ тамъ позади?

Марго живо обернулась...

Отъ платформы, съ которой она только что убѣжала, отходилъ поѣздъ. Сѣрый дымъ, выскакивая клубами изъ трубы, вился повыше вагоновъ, какъ огромная сѣрая змѣя. Снова, но уже значительно тише, заглушенныя разстояніемъ, застучали колеса:

— Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!

Поѣздъ пошелъ скорѣе...

Ужасъ охватилъ маленькую француженку. Сердце Марго дрогнуло и замерло отъ испуга и неожиданности. Даже потъ выступилъ у нея на лбу, и вся она похолодѣла.

— Поѣздъ ушелъ, пока я гналась за дѣвочкой,— съ поразительной ясностью промелькнуло ужасное сознаніе въ ея маленькой головкѣ. И сразу малютка

Марго поняла всю безвыходность, все отчаяніе своего положенія.

— Мама! Мама!—рыдая навзрыдъ, закричала дѣвочка.—Гдѣ моя мама? Я хочу къ моей мамѣ. Отведите меня къ ней.

И она помчалась, испуская отчаянные крики, съ лицомъ, залитымъ слезами, обратно къ станціи.

ГЛАВА III.

Неожиданное утѣшеніе.

ПОѢЗДА на станціи, конечно, уже не было. Онъ былъ уже далеко. Только слѣдъ его—сѣрый дымокъ—еще глубился надъ группою мелькавшихъ вдали деревьевъ. А на самой платформѣ, гдѣ еще за нѣсколько минутъ до этого было такъ оживленно и людно, теперь не оказалось почти никого. Одинъ только господинъ въ бѣломъ кителѣ съ блестящими пуговицами и въ красной фуражкѣ, въ сопровожденіи двухъ желѣзнодорожныхъ сторожей, ходилъ по платформѣ, что-то внимательно высматривая.

Малютка Марго остановилась передъ нимъ съ громкимъ плачемъ:

— Гдѣ моя мама? Гдѣ поѣздъ? Верните мнѣ маму!

Начальникъ станціи, не обучавшійся никогда французскому языку, ничего не понялъ и лишь пожалъ плечами!—Что говоритъ дѣвочка? Откуда она взялась?

Малютка Марго бросилась догонять дѣвочку...

Гос. Публ. Б. Ленинград

И чѣмъ больше старалась растолковать ему свое горе Марго, тѣмъ менѣе онъ понималъ ее.

Сторожа только руками разводили, уже совсѣмъ не соображая, что могло случиться. Вдругъ одинъ изъ нихъ вспомнилъ что-то:

— Ваше благородіе,—обратился онъ къ начальнику станціи,—телеграфистка у насъ есть, Марья Демидовна, она и французскому и нѣмецкому обучена. Прикажите попросить ее сюда. Авось, она пойметъ дѣвчонку эту самую и растолкуетъ, чего она отъ насъ хочетъ.

— Да, да, вѣрно. Проси ее сюда,—приказалъ начальникъ.

Сторожъ скрылся на минуту и снова появился на платформѣ, уже въ сопровожденіи худенькой небольшого роста женщины.

Увидѣвъ дѣвочку, телеграфистка подошла къ ней, ласково обняла и стала ее разспрашивать.

Услышавъ свой родной языкъ, Марго немного пріободрилась и разсказала обо всемъ, что случилось съ ней, разсказала, какъ она не послушалась матери, какъ по разсѣянности удалилась отъ платформы и какъ за это время ушелъ поѣздъ вмѣстѣ съ мамой, которую зовутъ мадамъ Бернаръ.

— О!—крикнула въ заключеніе дѣвочка, снова заливши слезами,—верните меня къ мамѣ, поскорѣе верните! Она, навѣрное, очень безпокоится.

— Успокойся, моя дѣвочка,—гладя черную головку малютки, произнесла телеграфистка,—мы сейчасъ же пошлемъ твоей мамѣ телеграмму на слѣдую-

щую станцію, чтобы она не безпокоилась и подождала тебя тамъ. А завтра утромъ мы отправимъ тебя съ поѣздомъ къ ней. Тебѣ придется только одну ночь провести здѣсь безъ мамы. Но домой къ себѣ я взять тебя не могу, такъ какъ буду дежурить сегодня ночью на станціи, въ телеграфной конторѣ. Пойдемъ же туда, дѣвочка, я уложу тебя на диванъ, и ты отлично выспишься за ночь. А завтра я разбужу тебя, и, какъ только пойдетъ слѣдующій поѣздъ, мы вмѣстѣ отправимся на станцію, гдѣ твоя мама.

Что-то спокойное и увѣренное было въ тонѣ и голосѣ телеграфистки Марьи Демидовны, и не повѣрить ей нельзя было. И малютка Марго успокоилась сразу. Слезы ея высохли. Она уже улыбалась.

Поговоривъ съ начальникомъ станціи и заручившись его согласіемъ, Марья Демидовна повела къ себѣ въ телеграфное отдѣленіе маленькую француженку, напоила ее молокомъ, накормила ее скромнымъ холоднымъ ужиномъ и уложила дѣвочку спать на широкомъ кожаномъ диванѣ.

— Постарайся уснуть какъ можно скорѣе, чтобы проснуться бодрой и веселой, когда подойдетъ утренній поѣздъ,—цѣлуя малютку, проговорила добрая женщина.

Марго чувствовала себя прекрасно и если волновалась еще, то только изъ-за причиненнаго ею матери безпокойства; если она еще боялась, то только за свою дорогую маму, которая, навѣрное, измучилась безъ своей маленькой, непослушной Марго.

Но самой малюткѣ было здѣсь хорошо и уютно

на мягкомъ диванѣ, подъ теплымъ платкомъ, которымъ ее заботливо накрыла Марья Демидовна.

Мѣрно постукивалъ телеграфный аппаратъ. Пріятнымъ мягкимъ свѣтомъ свѣтила лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Ласково улыбалась малюткѣ ея новая пріятельница-телеграфистка, частенько оборачиваясь къ дивану лицомъ. И, незамѣтно для самой себя, малютка Марго крѣпко заснула.

ГЛАВА IV.

Испугъ madame Бернаръ.—Катастрофа.

ГДѢ Марго? Что это она не возвращается такъ долго въ вагонъ?—безпокоилась между тѣмъ madame Бернаръ въ то самое время, когда малютка бѣжала по дорогѣ отъ станціи, гоняясь за дѣвочкой-торговкой.

— О, не волнуйтесь, сударыня,—поспѣшила успокоить ее учительница,—она, вѣроятно, давно уже въ вагонѣ и разговариваетъ съ кѣмъ-нибудь въ сосѣднемъ отдѣленіи. Ваша дѣвочка такъ мила, что невольно обращаетъ на себя всеобщее вниманіе.

— Вы очень любезны, m-elle...—съ благодарной улыбкой произнесла madame Бернаръ.—Однако она не возвращается... Надо пойти взглянуть въ сосѣдній вагонъ...

Сказавъ это, madame Бернаръ порывисто встала со своего мѣста и направилась къ двери.

Но въ сосѣднемъ отдѣленіи вагона Марго не оказалось.

Тогда взволнованная женщина направилась дальше,

Блѣдная, какъ полотно, госпожа Бернаръ металась по всему поѣзду, дрожа отъ волненія...

Гос.
Публ. ная
Б-ка
Ленинград

въ слѣдующія отдѣленія. Сильное безпокойство охватило ее.

— Вы не видѣли моей дочери, маленькой черноволосой дѣвочки въ большой соломенной шляпѣ?— обращалась она съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ ко всѣмъ пассажирамъ по-французски.

Нѣкоторые изъ нихъ только пожимали плечами, не понимая французской рѣчи; другіе же, которые понимали по-французски, отвѣчали отрицательно: никто изъ нихъ не видѣлъ черноглазой маленькой француженки.

Тогда, взволнованная и испуганная, мать бросилась разспрашивать кондуктора, проводника и остальную поѣздную прислугу. Но никто опять не понималъ ея.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, блѣдная, какъ полотно, госпожа Бернаръ металась по всему поѣзду, дрожа отъ волненія.

— Марго! Марго! Гдѣ ты, моя малютка? Отзовись!—громко звала она дѣвочку.

Но знакомый звонкій голосъ Марго не отзывался въ отвѣтъ.

Только какая-то дама, увидѣвъ растерянное, взволнованное лицо француженки, объяснила ей на ломанномъ французскомъ языкѣ, что видѣла на станціи маленькую дѣвочку, говорившую что-то по-французски крестьянскимъ дѣтямъ, которыя никакъ не могли понять.

— Кажется, она покупала землянику... А потомъ побѣжала въ сторону отъ платформы,—закончила свои свѣдѣнія дама.

— Побѣжала въ сторону? Значитъ, она опоздала вернуться, и поѣздъ ушелъ безъ нея... А вдругъ она попала подъ поѣздъ! Моя Марго подъ колесами! Она раздавлена поѣздомъ!.. Она погибла!—вскричала madame Бернаръ и съ совершенно бѣлымъ отъ страха лицомъ упала безъ чувствъ на руки подоспѣвшихъ къ ней пассажировъ.

Въ то время, какъ молодая женщина лежала безъ чувствъ на скамейкѣ вагона, а ея попутчица, русская учительница, хлопотала около нея вмѣстѣ съ другими пассажирами, поѣздъ, въ которомъ они ѣхали, сталъ замедлять ходъ... Послышались тревожные свистки, крики... Кто-то закричалъ испуганнымъ голосомъ, что навстрѣчу по тому же пути мчится другой поѣздъ, что всѣхъ ждетъ неминуемая гибель...

Вдругъ и свистки, и крики,—все это покрылось отчаяннымъ шумомъ и грохотомъ. Что-то сильно ударило въ стѣнку вагона... Люди попадали со своихъ мѣстъ, и самые вагоны, тяжело грохнувшись на бокъ, стали сползать внизъ по откосу насыпи желѣзной дороги...

ГЛАВА V.

Затруднительное положеніе.

ДЗИНННЬ-дзиннь...—протяжно зазвенѣлъ звонокъ телефона въ дежурной комнатѣ начальника станціи.

Начальникъ станціи въ бѣломъ кителѣ и красной фуражкѣ, тотъ самый, которому наканунѣ вечеромъ съ плачемъ повѣряла свое горе малютка Марго, бросился къ телефону.

— Алло! Я слушаю. Говорите.

Взволнованный голосъ глухо зазвучалъ въ трубкѣ аппарата.

— Случилось ужасное несчастіе... Пассажирскій поѣздъ № 27 потерпѣлъ крушеніе, столкнувшись съ поѣздомъ № 26, шедшимъ изъ Петербурга... Нѣсколько вагоновъ разбито въ щепки... Особенно пострадалъ третій классъ... Есть человѣческія жертвы... Нѣсколько убитыхъ и раненыхъ...

— № 27 съ № 26? Какой ужасъ! На какомъ мѣстѣ? Посланъ ли вспомогательный поѣздъ за ранеными? Сколько убитыхъ?—трепетнымъ, прерывав-

шимся голосомъ переспрашивалъ по телефону начальникъ станціи.

Ему отвѣчали подробнѣе. Однако онъ не могъ оставаться у телефона: такъ какъ подходилъ утренній поѣздъ, присутствіе начальника станціи на платформѣ было необходимо.

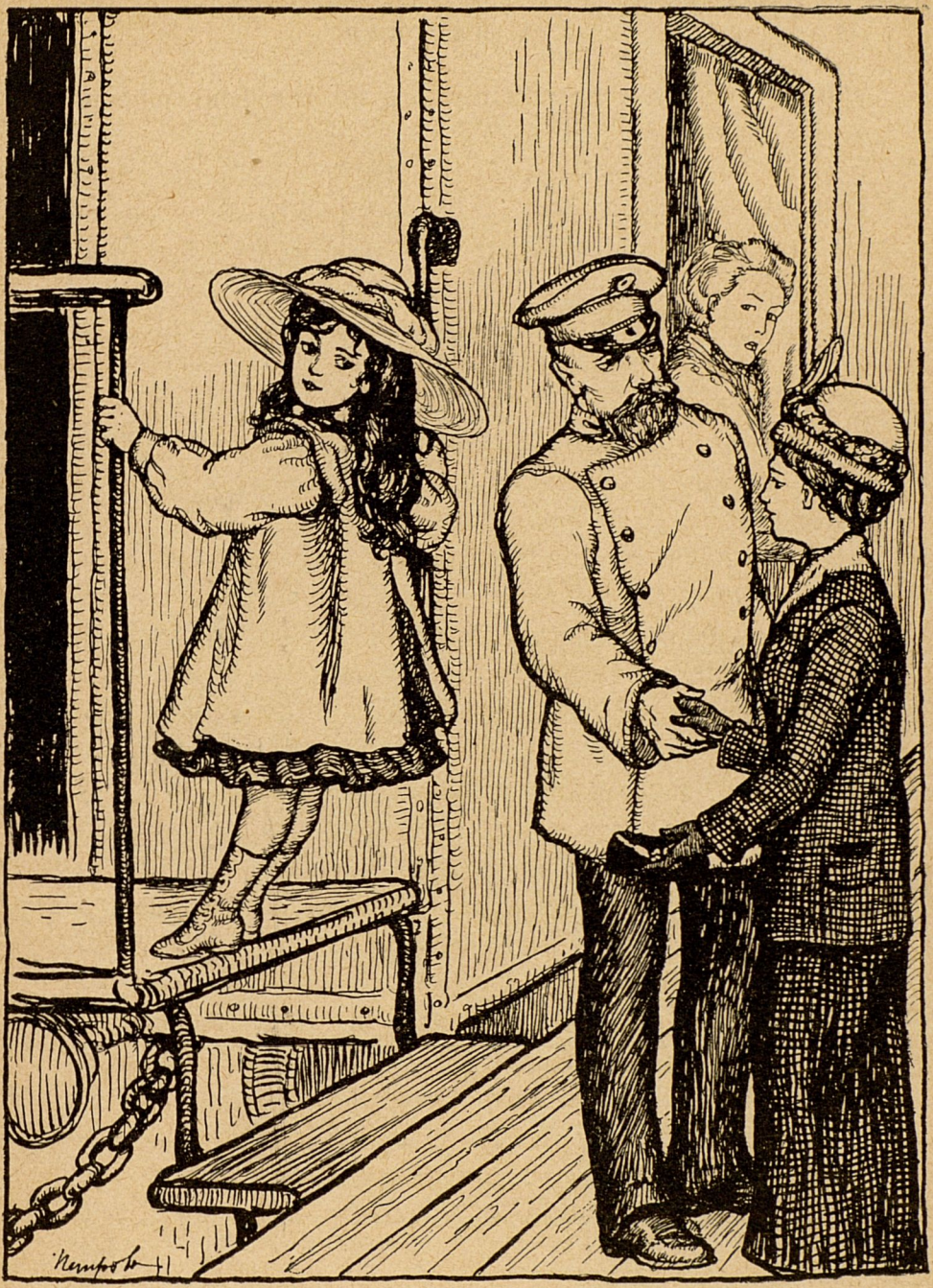
Блѣдный и взволнованный, прошелъ онъ туда. И первое, что ему бросилось въ глаза, была маленькая дѣвочка, которую вела за руку телеграфистка.

Малютка Марго, отдохнувшая и выспавшаяся за ночь, теперь, къ пяти часамъ утра, была свѣжа, какъ бутонъ розы.

Начальникъ станціи подошелъ къ телеграфисткѣ.

— Марья Демидовна,—сказалъ онъ своей сослуживицѣ,—вы хотите отправить дѣвочку на слѣдующую станцію? Но не лучше ли ее оставить здѣсь? Вы слышали, конечно, о крушеніи поѣзда... Кто знаетъ, можетъ быть, и ея мать сдѣлалась жертвою катастрофы. Не лучше ли раньше выяснить... подождать... снестись по телефону съ той станціей. Можетъ быть, тамъ уже извѣстны имена всѣхъ погибшихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Дѣвочка черезчуръ взволнована и безъ того,—горячо запротестовала телеграфистка.— Она такъ и рвется къ матери... Я лучше отвезу ее туда, если путь уже расчищенъ. Если ея мать попала, не приведи Господи, въ число погибшихъ, навѣрное, найдется кто-либо, кто знаетъ дѣвочку. Она разсказывала мнѣ о какой-то русской учительницѣ, ѣхавшей вмѣстѣ съ нею. Можетъ быть, та довезетъ ее до мѣста. Въ крайнемъ же случаѣ я ее привезу обратно сюда и оставлю у



Малютка Марго радостно впорхнула въ вагонъ...

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

себя. Пока, до свиданья. Сегодня у меня свободный по службѣ день, а къ завтрашнему утру я вернусь одна или съ дѣвочкой. Вѣдь вы отпустите меня, не правда-ли? Не отправлять же дѣвочку одну съ поѣздной прислугой.

— Конечно, конечно, поѣзжайте, Марья Демидовна, съ Богомъ,—поспѣшилъ согласиться начальникъ станціи.

Малютка Марго, не понимавшая ни слова изъ того, что говорилось, и не подозрѣвавшая о крушеніи поѣзда, въ которомъ ѣхала ея мать, была весела, какъ птичка.

Легко и радостно впорхнула Марго въ вагонъ, болтая безумолку, стараясь разсѣять сосредоточенное настроеніе своей новой знакомой и удивляясь ея озабоченному виду.

— Я васъ познакомлю съ моей мамой,—безпечно болтала дѣвочка.—Вы увидите, какая она у меня хорошая... Мнѣ очень совѣстно, что я не послушалась ея вчера... Но я сразу брошусь къ ней на шею, буду цѣловать ее и хорошенько попрошу у нея прощенія. И мамочка, вы увидите, непремѣнно проститъ меня... Вы не знаете, какъ добра она, моя мамочка. А я гадкая, скверная Марго, постоянно причиняю ей много заботъ и огорченій... Но, увѣряю васъ, это дѣлается нечаянно. Я ужасно разсѣянная и всегда забываю то, что мнѣ говорятъ.

И малютка Марго снова весело и беззаботно разсмѣялась своимъ звонкимъ смѣхомъ.

Между тѣмъ поѣздъ быстро подвигался впередъ,

Около двѣнадцати часовъ Марья Демидовна и Марго уже подъѣзжали къ слѣдующей станціи.

Странная картина представилась теперь глазамъ смотрѣвшей въ окошко дѣвочки. Всюду по скату полотна валялись куски и обломки вагоновъ, скамеекъ, диванов, оконъ, дверей разбитаго, потерпѣвшаго крушеніе, поѣзда.

Сердечко Марго внезапно сжалось невольнымъ предчувствіемъ.

— Здѣсь, кажется, произошло какое-то несчастье?—робкимъ, дрожащимъ голосомъ обратилась она къ своей спутницѣ.—Навѣрное, такъ. Я видѣла на картинкѣ въ журналѣ изображеніе катастрофы на желѣзной дорогѣ, и это очень похоже на ту картинку.

Марья Демидовна старалась всячески успокоить дѣвочку, но ей это не удавалось. Теперь Марго дрожала всѣмъ тѣломъ.

— А что, m-elle,—обратилась она къ своей спутницѣ тѣмъ же замирающимъ отъ волненія голосомъ,—что, если произошло крушеніе съ тѣмъ самымъ поѣздомъ, въ которомъ ѣхала моя мама?

Тутъ дрожащій голосъ сразу пресѣкся. И сердечко Марго стало тревожнѣе биться.

— Но почему же это не можетъ быть другой поѣздъ, моя крошка?—избѣгая прямого отвѣта, вопросомъ на вопросъ отвѣчала Марья Демидовна.

Малютка Марго промолчала. Больше она не разспрашивала ни о чемъ. Бѣдняжка совсѣмъ затихла, печально поникнувъ головкой.

Поѣздъ подошелъ къ станціи. Марья Демидовна взяла дѣвочку за руку и повела ее изъ вагона.

Печальная картина представилась ихъ глазамъ.

ГЛАВА VI.

Несчастіе.

И на самой платформѣ, и въ станціонной комнатѣ царила ужасная суматоха. Люди бѣгали и суетились, разыскивая свои вещи, свой багажъ.

Въ залахъ перваго, второго и третьяго классовъ лежали больные и раненые. Много тяжело ушибленныхъ во время крушенія уже отправили въ больницу. Здѣсь оставались болѣе или менѣе легко раненые. Они ожидали слѣдующаго поѣзда, съ которымъ должны были ѣхать дальше.

При появленіи Марьи Демидовны и дѣвочки съ ближайшей скамейки поднялась молодая дѣвушка съ забинтованной головою и пошла навстрѣчу Марго.

— Здравствуй, моя малютка...—произнесла она пофранцузски слабымъ разбитымъ голосомъ,—наконецъто я вижу тебя.

— А мама? Гдѣ моя мама? Вы знаете, гдѣ она, вы должны знать, вы были вмѣстѣ съ нею!—закричала съ плачемъ Марго, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Доброе некрасивое лицо учительницы сразу измѣнилось. Въ глазахъ у нея блеснули крупныя слезы.

— Бѣдная моя дѣвочка!—прошептала она и, наклоняясь къ Марго, нѣжно прижала ее къ своей груди,—тебѣ не придется скоро увидѣть твою милую маму: она больна, она тяжело пострадала во время кру...

Молодая дѣвушка не договорила...

Съ дикимъ крикомъ отчаянія, Марго упала на полъ и забилась, изступленно рыдая, на каменныхъ плитахъ.

Марья Демидовна и Олимпіада Львовна бросились къ ней.

— Неправда! Неправда!—рыдая, кричала Марго.— Моя мама здорова... Ведите меня къ ней!.. Я хочу ее видѣть!.. Я должна ее видѣть непремѣнно!..

— Дѣточка моя, нельзя этого. Мама твоя сейчасъ далеко...—съ грустной улыбкой произнесла въ отвѣтъ учительница.

— Она въ больницѣ?—задыхаясь, кричала Марго.

— Нѣтъ, еще дальше... Бѣдная малютка, твоя мама теперь у Бога.

— Умерла!—вырвалось изъ груди дѣвочки, и она лишилась чувствъ.

Обѣ женщины подняли ребенка и отнесли на диванъ.

— Что же намъ теперь дѣлать съ нею? Я еще утромъ, узнавъ о крушеніи, рѣшила взять ее къ себѣ въ случаѣ несчастія съ ея матерью,—обратилась телеграфистка къ учительницѣ.

Олимпіада Львовна произнесла въ отвѣтъ, покачивая головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, ея мать поручила мнѣ малютку. Она умерла отъ ранъ и ушибовъ въ этой самой комнатѣ у меня на рукахъ. Мнѣ она и поручила свою дочурку. Пока просила оставить дѣвочку у себя, потомъ помѣстить въ домъ генерала Гордовцева, куда она ѣхала вмѣстѣ съ дѣвочкой изъ Парижа... Онъ не откажется взять къ себѣ въ домъ дѣвочку. Пока она не успокоится, я подержу ее у себя въ селѣ. У меня довольно сносное помѣщеніе при школѣ. Живу я тамъ одна; Марго никому не помѣшаетъ. Воздухъ у насъ чистый и прекрасный, и дѣвочка отдохнетъ и окрѣпнетъ немного до отъѣзда осенью въ Петербургъ.

— Гдѣ вы живете, далеко отсюда?—освѣдомилась Марья Демидовна.

— Надо выйти на слѣдующей станціи. Село находится подъ Вильною, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ оттуда, называется оно—Дерябкино.

— Желаю вамъ успѣха въ вашемъ добромъ дѣлѣ,—съ чувствомъ, пожимая руку своей новой знакомой произнесла Марья Демидовна.

— Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы хоть немного успокоить горе дѣвочки,—отвѣтила молодая учительница. И, забывая весь ужасъ только что пережитаго ею самою крушенія, забывая свою сильно ушибленную голову, она стала ласкать и успокоивать пришедшую въ себя Марго, рыдавшую на диванѣ.

Марго то звала мать, награждая ее самыми ласковыми, самыми нѣжными именами, то бранила себя за

то, что не послушалась ея, то билась головой о подушки дивана, то замирала, теряя послѣднія силы, и только тихо, жалобно стонала.

Между тѣмъ поѣздъ не ждалъ. Надо было ѣхать дальше.

Опять обѣ женщины подняли измученную слезами дѣвочку и перенесли ее въ вагонъ. Здѣсь попрощавшись съ Марьей Демидовной, Олимпіада Львовна обняла малютку, взяла ее къ себѣ на колѣни и, прижавъ къ груди, стала баюкать, какъ маленькаго ребенка.

Отчаянныя рыданія Марго стали постепенно стихать отъ этой ласки и перешли въ тихія жалобныя слезы. Слезы смѣнились легкимъ забытьемъ. Теперь она лежала на колѣняхъ Олимпіады Львовны, прижавшись головой къ ея плечу, и только изрѣдка вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Потомъ и это прекратилось. Малютка Марго затихла, довѣрчиво отдавшись подъ покровительство незнакомой ей молодой дѣвушки.

ГЛАВА VII.

Маленькій домикъ.

Ну, малютка Марго, входи... Вотъ твое новое жилище. Нравится тебѣ оно?

И стараясь своимъ тономъ подбодрить дѣвочку, Олимпіада Львовна спустила изъ брички на землю свою маленькую гостью и, держа ее за руку, вбѣжала съ нею на крыльцо школьнаго домика.

Сейчасъ онѣ съ Марго сдѣлали около тридцати верстъ отъ ближайшей станціи на лошадяхъ и подъ оглушительный лай деревенскихъ собакъ въѣхали въ село, гдѣ Олимпіада Львовна служила учительницей въ сельской школѣ.

По дорогѣ имъ встрѣчались крестьяне и низко кланялись молодой учительницѣ. Они два мѣсяца ея не видѣли и теперь встрѣчали съ радостными улыбками. Олимпіаду Львовну очень любили за ея доброе отношеніе къ ученикамъ и ученицамъ.

Она никогда не наказывала дѣтей, не говорила съ ними грубо. И дѣти слушались ее, понимали съ одного слова, съ одного взгляда.

— Что же намъ теперь дѣлать съ нею?—сказала телеграфистка...

Гос.
Публичная
Б-ка
Ленинграде

Не выпуская ручки Марго изъ своей руки, Олимпіада Львовна ввела дѣвочку въ свой маленькій домикъ.

Бо́льшая половина этого домика была отведена подъ школу. Тамъ стояли столы и скамейки, висѣли географическія карты на стѣнахъ, стоялъ большой книжный шкапъ. Меньшая половина домика составляла квартиру учительницы. Въ квартирѣ была всего одна небольшая комната и чистенькая кухня.

— Ну, вотъ, малютка, ты и поселишься здѣсь до поры до времени,—радушно обратилась хозяйка крохотной квартирки къ своей печальной, грустной маленькой гостьѣ.

Бѣдная Марго ничего не отвѣтила, только всплеснула ручонками и снова залилась горькими слезами.

Ахъ, не такой жизни ожидала она, бѣдненькая Марго, не съ чужой, хотя и доброй и милой m-elle Липой,—такъ она, съ трудомъ произнося русское имя, называла свою благодѣтельницу, а съ ненаглядной мамочкой, которой, увы! уже нѣтъ больше съ нею и никогда уже не будетъ...

Замѣтивъ, что Марго стало тяжело на душѣ, Олимпіада Львовна дала ей выплакаться и молча ласкала и гладила ея черную головку. Потомъ она накормила и напоила молокомъ и уложила въ свою постель. Сама же улеглась подлѣ на диванѣ.

Въ эту ночь долго не могла уснуть молодая учительница села Дерябкина. Она думала о томъ, какъ тяжело ей будетъ успокоить несчастную дѣвочку,

какъ трудно будетъ ухаживать за избалованной Марго. Къ счастью, лѣтомъ не бывало уроковъ въ школѣ, и Олимпіада Львовна могла на досугѣ заняться своей маленькой воспитанницей.

— Пусть успокоится хоть немного, а тамъ я отправлю ее въ семью генерала Гордовцева,—рѣшила молодая учительница.—На людяхъ, въ новой обстановкѣ она скорѣе свыкнется со своей тяжелой потерей. Бѣдная дѣвочка! Не легко ей будетъ теперь. Одна-одинешенька, безъ родныхъ, да еще въ чужой, незнакомой ей странѣ. Бѣдная, бѣдная крошка!

ГЛАВА VIII.

Малютка Марго вступаетъ въ новую жизнь.

ПРОСНИСЬ, Марго, къ намъ пришли гости. Они принесли тебѣ цвѣты и ягоды. Просыпайся поскорѣе, моя ласточка, смотри, какъ свѣтитъ солнышко, какой чудесный нынче денекъ.

Съ этими словами Олимпіада Львовна нѣжнымъ прикосновеніемъ руки разбудила свою маленькую гостью.

Черные заспанные глаза француженки широко раскрылись. Вмѣстѣ съ нею тотчасъ же проснулось и ея горе. Нѣтъ съ нею мамы! Ея мама, ея ненаглядная куколка умерла. Сердечко Марго забилось въ груди. Рыданія подступили къ горлу. Дѣвочка слегка зашаталась.

Подоспѣвшая Олимпіаде Львовна, видя тяжелое настроеніе дѣвочки, стала развлекать ее, какъ могла. Помогая одѣваться дѣвочкѣ, подавая ей умываться изъ глинянаго кувшина, добрая дѣвушка говорила Марго:

— Смотри, малютка, какое нынче красивое небо...

А бѣлыя облака... какъ они прекрасны. Они бѣгутъ, точно торопятся, спѣшатъ куда-то. У насъ за селомъ сейчасъ же начинается лѣсъ, густой, таинственный, красивый. Тамъ много ягодъ и цвѣтовъ. Крестьянскія дѣти постоянно ходятъ туда за цвѣтами и ягодами. И ты будешь тоже гулять тамъ. А теперь выпей молока и выйди въ садъ. Ребятишки ждутъ тебя тамъ давно.

* *
*

Какой хорошенькій садъ былъ при школьномъ домѣ. Густо разрослись въ немъ кусты смородины и бузины. Желтые подсолнечники кичливо красовались на грядкахъ. И душистый горошекъ застѣнчиво улыбался съ маленькой куртины, разбитой посреди палисадника.

Марго подъ руку со своей новой пріятельницей Олимпіадой Львовной выходитъ сюда.

Толпа крестьянскихъ ребятишекъ весело встрѣчаетъ ее съ цвѣтами и корзиночками ягодъ.

— Здравствуйте, Олимпіада Львовна! Съ пріѣздомъ васъ!—звонко раздаются ихъ привѣтствія.

— Здравствуйте, незнакомая барышня!—вслѣдъ за тѣмъ обращаются они къ Марго, равнодушно кивнувшей имъ своей черненькой головкой.

— Здравствуйте, дѣти!—съ привѣтливой улыбкой отвѣчаетъ учительница.—А я привезла къ вамъ гостью. Будьте какъ можно ласковѣе съ нею. Эго очень несчастная маленькая дѣвочка. Ея мать убита во время крушенія поѣзда, и малютка осталась круг-

лой сиротой, одна-одинешенька въ цѣломъ мірѣ. Она—маленькая француженка и ни слова не говоритъ по-русски. Постарайтесь, дѣти, сдѣлать ея жизнь здѣсь пріятной. Развлекайте ее играми, гуляйте съ нею, покажите ей лѣсъ, поле, деревню. Не давайте ей быть одной, плакать и грустить. Ты, Ванюша, какъ самый старшій, возьми на себя заботу о маленькой дѣвочкѣ,—обратилась Олимпіада Львовна къ бѣлокурому мальчику лѣтъ двѣнадцати, смотрѣвшему на нее своими большими добрыми глазами и на лету подхватывавшему каждое слово учительницы.

— Хорошо, Олимпіада Львовна, будемъ стараться, не безпокойтесь!—съ готовностью отвѣтилъ Ванюша, лучшій ученикъ и гордость Дерябкинской школы.

— А ты, Груня,—обратилась Олимпіада Львовна къ миловидной, черненькой, загорѣвшей, какъ цыганочка, дѣвочкѣ лѣтъ девяти,—ты тоже не давай никому въ обиду нашу маленькую гостью.

— Ладно, не дамъ,—отозвалась и Груня, застѣнчиво потупя глазки и помолчавъ немного, добавила.—А я вамъ, Олимпіада Львовна, ягодъ принесла, такъ ужъ не сердитесь, отдамъ ихъ гостьѣ.

— Спасибо, милушка,—погладивъ черненькую головку, произнесла учительница и, чтобы не мѣшать дѣтямъ познакомиться, сама направилась въ домъ.

ГЛАВА IX.

Непредвидѣнная выходка.

ДѢТИ остались одни. Толпа крестьянскихъ ребятишекъ окружила Марго и разсматривала ее, какъ какого-нибудь диковиннаго звѣря. Маленькая француженка, въ свою очередь, не отрываясь, смотрѣла на дѣтей.

Ихъ было человѣкъ двѣнадцать. Кромѣ Ванюши и Груни, пришли еще Сенька-большой и Сенька-маленькій, Мишутка-чернявый, Алексаша, сынъ мельника, его двѣ сестрички, Ганя и Анюта, рябой Митюха, двое сыновей лавочника да Никитка шалунъ, самый большой проказникъ изо всей сельской школы, гдѣ онъ обучался.

Дѣти продолжали долго и молча разсматривать Марго, Марго—дѣтей. Наконецъ, Никитка-шалунъ не выдержалъ и сказалъ, первый прервавъ молчаніе:

— Французинка... Ишь ты, глаза-то какіе черные. Издалеча пріѣхали, видать... На картѣ географической я Парижъ ихній видалъ. Какъ поѣдешь въ этотъ

Парижъ, такъ и угоришь. Важно!—заключилъ онъ свою рѣчь смѣхомъ.

— Ты-то не поѣдешь. Не угоришь, не бойся,—засмѣялся Ванюша.

— Въ исторіи мы учили въ классѣ, что шибко съ французами въ 1812 году наши дрались...—вставилъ Алексаша, желая хвастнуть своими познаніями передъ дѣтьми.

— У нея мамка померла... бѣдна-а-я,—произнесла съ чувствомъ жалостливая Груня.—Я ей землянику отдамъ, что для Олимпіады Львовны насбирала.

— А мы цвѣты!

— Я ей гнѣздышко съ яичками зябликовыми подарю!—торжественно произнесъ Митюха, некрасивый, рябой, застѣнчивый мальчикъ, вытащивъ изъ кармана птичье гнѣздо съ прелестными крошечными яичками, и протянулъ его Марго.

За нимъ потянулись къ Марго и другія дѣтскія ручонки, съ большими лѣсными букетами дикой гвоздики, ромашки, куриной слѣпоты, кашки... Маленькая Груня, потупившись, подала Марго свою корзиночку съ земляникой.

И тутъ внезапно произошло нѣчто, чего менѣе всего ожидали дѣти.

Лишь только Марго увидѣла ягоды, вся картина недавно пережитаго несчастья воскресла передъ ея глазами. Вспомнилась сразу маленькой француженкѣ другая точно такая же крестьянская русская дѣвочка съ ягодами на станціи желѣзной дороги... Вспомнилось съ поразительной ясностью, какъ покупала она у той

дѣвочки землянику, какъ та отняла корзинку обратно... какъ она, Марго, побѣжала за крестьянской дѣвочкой вдогонку и осталась изъ-за этого на станціи... какъ поѣздъ ушелъ безъ нея... Мама уѣхала и... погибла... Если бы не дѣвочка съ ягодами, гадкая, скверная дѣвчонка, она, Марго, во-время вернулась бы въ вагонъ и не разлучилась бы уже съ мамой... Не разлучилась бы ни за что... Вмѣстѣ умерли бы онѣ съ мамой... подъ обломками поѣзда. Это было бы во сто разъ лучше, нежели жить такой одинокой на свѣтѣ. А теперь... теперь... О, какъ ненавидитъ она всѣхъ этихъ гадкихъ дѣвочекъ съ ягодами, всѣхъ до одной, изъ-за той дѣвчонки, которая ее сдѣлала такой несчастной. И эта такая же, какъ та: босая, загорѣлая, грязноватая.

И Марго съ такой ненавистью и злобой взглянула на ни въ чемъ неповинную Груню, что той въ первую минуту даже страшно стало.

Однако Груня все-таки поборола свое смущеніе и, протягивая корзиночку съ ягодами маленькой француженкѣ, произнесла робко:

— На... возьми, барышня. Кушай на здоровье... Сама утромъ собирала свѣженькія въ лѣсу. Возьми же, кушай...

Марго показалось, что дѣвочка дразнитъ ее и нарочно напоминаетъ ей о томъ, что случилось вчера. Маленькая француженка еще больше разсердилась, поблѣднѣла отъ злости и, рѣзко вырвавъ изъ рукъ Груни корзинку, размахнулась ею и изо всей силы швырнула ее за изгородь сада.

Марго размахнулась корзинкой и изо всей силы швырнула ее за изгородь сада...

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград

— Ахъ!—вырвалось дружно у недоумѣвавшихъ дѣтей.

Но Марго уже не могла сдержать своего волненія и начала вырывать изъ рукъ ребятишекъ цвѣты и букеты и швырять ихъ на траву.

— Вотъ, вотъ, куда ихъ надо,—лепетала она по-французски, блѣдная, съ горящими глазами, топча цвѣты ногами,—мнѣ никого не надо и ничего не надо теперь... Только маму. Только маму. Верните мнѣ ее. Верните сейчасъ.

— Ну, и барышня! Ну, и гостья!—первый опомнился Никитка.—Звѣрь какой-то, а не барышня. Развѣ можно такъ злиться?

— И свирѣпая же она, братцы,—протянулъ Алексаша, испуганно глядя на взволнованную Марго.

— Гляди, гляди, глазищами-то какъ ворочаетъ,—крикнулъ Сенька-большой.

— А лопочетъ-то, лопочетъ по-свойски, ровно горохомъ сыплетъ,—вставилъ другой Сенька, маленькій.—Такая невеличка, ростомъ отъ земли не видать, поди-ка, а сердитая, ровно большая.

— Полно, братцы, пущай ее. Слышали, мать у нея померла въ крушеніи... такъ мудрено ли...—примиряюще произнесъ Ванюша и, прикрикнувъ на плачущую отъ обиды Груню, рѣшительно подошелъ къ Марго.

— Перестань сердиться, барышня,—кладя ей руку на плечо, произнесъ мальчикъ.—Мы къ тебѣ всей душой, то-есть... а ты это въ толкъ себѣ не возьмешь

никакъ... Эхъ, жалость какая, по-нашему ты говорить не можешь. А вотъ мы...

Ванюша не успѣлъ докончить начатой фразы.. Малютка Марго съ новымъ приливомъ отчаянія и тоски взглянула на него своими черными глазами и, внезапно сбросивъ съ плеча руку мальчика, стрѣлою кинулась изъ школьнаго палисадника по направленію къ лѣсу...

Куда и зачѣмъ она бѣжитъ—Марго и сама не знала хорошенько, сами ноги, казалось, несли ее.

Олимпіады Львовны, которая одна могла бы остановить дѣвочку, не было подлѣ; ребятишки растерялись и, выпучивъ глаза отъ изумленія, смотрѣли вслѣдъ маленькой француженкѣ...

А малютка Марго все бѣжала, все мчалась, какъ на крыльяхъ. Вотъ и лѣсъ близко... Вотъ добѣжала она до его опушки... Вотъ привѣтливо накрыли ее шатромъ его тѣнистыя деревья. Дѣвочка вбѣжала подъ ихъ гостепріимную сѣнь, взяла вправо, потомъ влѣво и, измученная, изнеможенная, бросилась на мягкій мохъ, на согрѣтую іюньскимъ солнышкомъ траву. И тутъ только она дала полную волю слезамъ, полную волю своему горю...

ГЛАВА X.

Утѣшительница.

МАРГО плакала навзрыдъ, громко повторяя:

— Мама! Мамочка! Зачѣмъ ты ушла отъ меня! Зачѣмъ оставила одну... Боже мой! Какъ мнѣ тяжело безъ тебя, безъ твоей ласки. Никто не будетъ любить меня такъ, какъ ты. Никто, какъ ты, не пожалѣетъ меня. Всѣ здѣсь чужіе... далекіе... Мнѣ не надо отъ нихъ ничего, мнѣ только тебя нужно, мамочка! Я такъ одинока, такъ одинока...

— Ты ошибаешься, милая дѣвочка. Ты вовсе не такъ одинока, какъ думаешь. У тебя есть и будутъ друзья, которые не дадутъ тебя въ обиду,—неожиданно услышала Марго надъ собою чей-то нѣжный голосъ, чью-то довольно правильную французскую рѣчь.

Сначала Марго показалось, что она слышитъ все это во снѣ, что стоитъ ей только проснуться и тотъ, кто заговорилъ съ нею на ея родномъ языкѣ, исчезнетъ какъ дымъ. Она вскочила на ноги и перестала плакать.

Передъ нею стояла дѣвочка, одѣтая въ простенькое платье, съ широкополой шляпой на головѣ. Дѣвочкѣ было на видъ лѣтъ 13. Она смотрѣла на изумленную Марго большими сѣрыми глазами и ласково улыбалась ей.

— Кто ты?—вырвалось у Марго, не переставшей съ удивленіемъ смотрѣть на дѣвочку.

— Я—Нюра, дочь здѣшняго священника, отца Паисія,—отвѣтила та и, взявъ руку Марго, задержала ее ласково въ своей.

— А почему же ты умѣешь говорить по-французски?—снова обратилась Марго къ дѣвочкѣ.

— А потому, что я учусь зимою въ городѣ, въ пансіонѣ. Въ пансіонѣ насъ обучаютъ и французскому, и нѣмецкому языку. Сюда же домой къ отцу я пріѣхала на каникулы. А развѣ я говорю сносно по-французски, и ты меня понимаешь?

— О, да! Ты прекрасно говоришь,—поспѣшила ее увѣрить Марго, и слезы, постепенно высыхавшія на глазахъ маленькой француженки, совсѣмъ исчезли.

— Я гуляла въ лѣсу,—продолжала по-французски Нюра,—и услышала плачъ. Я догадалась сразу, что плачетъ осиротѣвшая бѣдная дѣвочка, съ матерью которой случилось такое ужасное несчастіе. Учительница, съ которой ты ѣхала, сегодня рано утромъ была у насъ и разсказала о тебѣ. Намъ было тебя такъ жаль, такъ ужасно жаль...

При этомъ Нюра обняла дѣвочку и прижала ее къ себѣ.

Марго опять жалобно заплакала.

Нюра дала ей выплакаться, потомъ заговорила снова:

— Знаешь что, миленькая? Я врядъ ли сумѣю тебя утѣшить. Но если бы ты знала, какъ хорошо умѣетъ утишать людское горе мой папа! Хочешь, я отведу тебя къ нему? Онъ тебя научитъ, какъ переносить несчастіе. Но онъ не понимаетъ по-французски и говоритъ только по-русски. Но все, что онъ будетъ говорить, я тотчасъ же переведу тебѣ. И ты увидишь, какъ тебѣ сразу станетъ легче на душѣ. Пойдемъ сейчасъ къ нему, да?

Вмѣсто отвѣта Марго протянула Нюрѣ ручку.

Нюра крѣпко и нѣжно сжала ея пальчики, и обѣ дѣвочки бѣгомъ направились въ деревню.

ГЛАВА XI.

Отецъ Паисій.—Сонъ малютки Марго.

ДОМИКЪ священника стоялъ близъ ограды церкви и кладбища. Онъ былъ окруженъ деревьями и весь утопалъ въ зелени.

Когда Нюра, объ руку съ Марго, приближалась къ крыльцу домика, на порогѣ его, защищая рукою глаза отъ солнца, стоялъ священникъ, отецъ Паисій, Нюринъ отецъ. При появленіи малютки Марго, онъ положилъ ей на голову свою большую тяжелую руку и, сдѣлавъ знакъ дочери, чтобы она переводила его слова, ласково заговорилъ:

— Я знаю, ужасное горе случилось съ тобою, крошка. Но ты должна постараться стойко перенести его. Ты должна стараться не горевать. Господь Богъ любитъ дѣтей. Онъ поддержитъ тебя, маленькую, въ твоемъ несчастіи и успокоитъ тебя. Твоя мама ушла отъ тебя навсегда. Но и теперь твоя мать видитъ тебя, слѣдитъ за тобой. Каждое твое доброе дѣло, хорошій, свѣтлый поступокъ будутъ радовать ее... Все же дурное съ твоей стороны—огорчитъ твою

маму... Помни это, малютка, и старайся добрымъ поведеніемъ утѣшать и радовать ее.

Пока отецъ Паисій говорилъ все это, а Нюра переводила, Марго чувствовала, какъ съ каждымъ новымъ словомъ, произносимымъ мягкимъ голосомъ священника, ей становилось все легче и легче.

Отецъ Паисій, закончивъ свою рѣчь, благословилъ Марго и, нагнувшись, поцѣловалъ ея черную кудрявую головку. Потомъ дѣвочку оставили обѣдать въ гостепріимномъ домѣ священника.

Пришла Олимпіада Львовна, за которой сбѣгала Нюра.

Ей Марго чистосердечно разсказала объ утренней своей ссорѣ съ дѣтьми.

— Мнѣ очень жаль, что я была такъ несправедлива,—произнесла Марго, краснѣя.—Я съ удовольствіемъ подарила бы что-нибудь той маленькой дѣвочкѣ, которую я такъ обидѣла сегодня.

Увы! У француженки-сиротки ничего не было, что бы можно было подарить Грунѣ: всѣ вещи Марго пропали во время крушенія поѣзда. Но примиреніе обошлось и безъ подарка. Послѣ обѣда позвали маленькую Груню, и Марго, смущенная, протянула ей руку. Груня ласково посмотрѣла на француженку и дала понять, что забыла свою обиду.

Прибѣжали послѣ обѣда къ домику священника и остальныя дѣти и, какъ ни въ чемъ не бывало, всею гурьбою, съ Марго и Нюрой, отправились въ лѣсъ...

Странный сонъ приснился маленькой Марго въ ту ночь.

Она увидѣла роскошный садъ; въ немъ цвѣли дивныя розы, нарциссы, левкои; въ кустахъ порхали хорошенькія птички съ блестящими крылышками и яркими глазками. Въ срединѣ сада была бесѣдка. Марго, гуляя среди цвѣтовъ, направилась къ этой бесѣдкѣ и увидѣла тамъ сидѣвшую на скамьѣ молодую женщину... Женщина обернулась къ ней, и Марго радостно вскрикнула:

— Мама!

Мама взяла на руки свою малютку, обнимала, цѣловала ее и повторила ей то же самое, отъ слова до слова, что говорилъ сегодня отецъ Паисій. Она объяснила Марго, что хотя она далеко-далеко отъ нея, но все-таки видитъ ее каждый часъ, каждый мигъ...

Какъ горячи были мамины поцѣлуи! Какъ нѣжны были ея ласки! Вся обвѣянная ими, проснулась на слѣдующее утро Марго.

Сиротка сейчасъ же сообразила, что все это былъ только сонъ, но сердечко ея билось ровно и спокойно. Тяжелое горе разсѣялось, осталась лишь тихая грусть...

Малютка Марго вступила въ новую жизнь...

Дни бѣжали за днями. Незамѣтно проходило время. Малютка Марго успокаивалась мало-по-малу. Теперь она уже не плакала и не горевала, какъ раньше.

По утрамъ Олимпіада Львовна занималась съ ма-

ленькой француженкой цѣлый часъ: она учила дѣвочку говорить по-русски.

Марго оказалась смѣтливой и способной ученицей. Къ удивленію учительницы, она уже черезъ 2—3 недѣли довольно хорошо понимала по-русски и даже немного говорила на этомъ чужомъ ей языкѣ.

Послѣ уроковъ приходила Нюра, прибѣгали деревенскіе ребятишки, тѣ, что были помоложе (старшіе работали въ полѣ вмѣстѣ со взрослыми), и всѣ они гурьбою бѣжали въ лѣсъ.

Славно было въ лѣсу, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ. Тамъ затѣвались самыя разнообразныя игры, при чемъ Нюра служила переводчицей между Марго и ея новыми друзьями. Потомъ, послѣ полудня, они спѣшили къ обѣду въ деревню, чтобы взять приготовленную тамъ для старшихъ незатѣйливую ѣду и отнести обѣдъ въ поле работникамъ.

Малютка Марго бѣжала туда вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми.

Все Дерябкино — такъ называлось село — знало дѣвочку. Ее жалѣли, ей сочувствовали. Часто какая-нибудь старая крестьянка гладила ее по головкѣ и утѣшала:

— Ишь ты, сиротинка... болѣзная. Ну, Господь съ тобой, живи съ Богомъ. Онъ, Милостивецъ, сиротокъ любитъ, не оставитъ и тебя.

Теперь Марго уже не дичилась людей, не стѣснялась ихъ ласки. Она отлично понимала, какъ къ ней относятся всѣ эти добрые люди, и сама привыкла къ нимъ.

Нерѣдко на полѣ, пока обѣдали крестьяне, кто-нибудь изъ нихъ давалъ малюткѣ грабли, и она сгребала ими съ самымъ серьезнымъ видомъ сѣно.

Марго уже мало походила на прежнюю маленькую барышню изъ Парижа. Она сильно загорѣла, не меньше Груни и другихъ ребятишекъ.

Олимпіада Львовна сшила ей сарафанъ ярко-краснаго цвѣта, подарила ей платочекъ на голову, заплела ея локоны въ черную косу, и этотъ костюмъ, какъ нельзя болѣе, шелъ къ черненькой головкѣ и большимъ, какъ черныя сливы, глазамъ Марго.

— Вишь, наша-то француженка ровно никогда француженкой и не была... Совсѣмъ какъ своя сестра-крестьянка стала у насъ,—поглядывая на Марго, говорили ея деревенскіе знакомые.

Малютка понимала ихъ, кивала головой и улыбалась, показывая бѣлые, какъ жемчугъ, зубы.

Больше чѣмъ къ кому-либо, Марго привязалась къ доброй Олимпіадѣ Львовнѣ, заботившейся о ней точно родная мать. Теперь уже малютка не называла молодую учительницу какъ прежде «m-elle Липа», а просто «тетіей», странно выговаривая на французскій ладъ это русское слово. И первая фраза, выученная по-русски Марго, была:

— Я люблю тіебя, тетія Липа.

Марго часто говорила о матери съ тетей Липой, разспрашивала ее о томъ, что дѣлала мама передъ катастрофой. Добрая дѣвушка разсказывала малюткѣ чуть не въ сотый разъ всѣ подробности послѣднихъ минутъ госпожи Бернаръ.

— Я въ первый моментъ крушенія поѣзда была такъ оглушена, что ничего не могла понять,—разсказывала ей Олимпіада Львовна.—Слышала только ужасный трескъ, шумъ и грохотъ. Потомъ что-то сильно надавило мнѣ на грудь, и я потеряла сознаніе. Когда же я очнулась подъ обломками вагона, первое, что я услышала, былъ голосъ твоей мамы. Она была сильно изувѣчена и стонала, хотя находилась въ безчувственномъ состояніи. Не помню, какъ насъ извлекли изъ-подъ обломковъ и отнесли на станцію. Я оправилась довольно скоро и уже не отходила отъ твоей мамы до самой ея кончины. Послѣднія ея слова передъ смертью были о тебѣ. Она поручила тебя мнѣ на время и указала адресъ семьи Гордовцевыхъ, куда просила отправить тебя потомъ.

— Милая мама!.. Милая моя мамочка!—тихо шептала Марго.

Она уже не плакала больше при этихъ разсказахъ. Она понимала, что слезы не помогутъ, не вернуть ей мамы.

Кромѣ тети Липы Марго привязалась и къ отцу Паисію, и къ его дочери Нюрѣ. Ежедневно бѣгала она въ домикъ священника, гдѣ вдовый отецъ Паисій жилъ со своей дѣвочкой Нюрой. Теперь малютка Марго уже понимала по-русски настолько, что Нюрѣ не приходилось больше быть переводчицей при разговорахъ со священникомъ. И много хорошаго, свѣтлаго почерпнула изъ этихъ разговоровъ Марго.

Черезъ мѣсяцъ малютка должна была ѣхать въ далекій Петроградъ, въ семью генерала Гордовцева, съ

письмомъ отъ Олимпіады Львовны, въ сопровожденіи Ванюши, котораго добрая учительница отправляла въ столицу для дальнѣйшаго обученія.

Способный, прилежный и умный мальчикъ очень заинтересовалъ Олимпіаду Львовну, и она уговорила Ванюшиныхъ родителей отправить сына въ Петроградъ.

Съ нимъ и должна была ѣхать малютка Марго въ августѣ. А пока отецъ Паисій наставлялъ маленькую француженку, какъ жить, какъ вести себя у чужихъ людей.

ГЛАВА XII.

Диковинная птица.

Жаркій іюльскій полдень.

Горячее солнце страшно печетъ. Но въ тѣни лѣса хорошо и прохладно.

На лѣсной полянкѣ собрались дѣти. Нюры нѣтъ съ ними, но зато Ванюша остался за старшаго. Малютка Марго только что набрала всевозможныхъ цвѣтовъ и плететъ изъ нихъ красивыя гирлянды. Груня, Анюта и Ганя помогаютъ ей въ этомъ. Мальчики сидятъ отдѣльною группою. Они чѣмъ-то сильно заинтересованы сейчасъ. Никитка и Алексаша поминутно поглядываютъ на небо и какъ будто таинственно совѣщаются. Къ нимъ подошли Ванюша, Сенька-большой и Сенька-маленькій. Всѣ они указываютъ пальцами вверхъ, въ далекое небо... О чемъ-то оживленно болтаютъ, чему-то смѣются.

— А я тебѣ говорю—орелъ это!—кричитъ Никитка-шалунъ и такъ энергично запрокидываетъ голову, что засаленный картузъ валится у него съ головы.

— Никитка, голову потеряешь. Гляди, другая не вырастетъ!—остритъ Алексаша.

— Братцы, глядите, да это вовсе не птица,—вставляетъ свое слово Ванюша.

— Не птица, такъ что же? Кошка али корова, по-твоему, по небу бѣжитъ?—усмѣхается Сенька-большой.

— Корова по небу... Скажешь тоже,—хихикаетъ Митюха.

Марго, заинтересованная разговоромъ мальчиковъ, поднимаетъ голову, смотритъ на небо и видитъ: какой-то черный предметъ съ большими крыльями летитъ подъ самыми облаками. Марго всматривается пристальнѣе. Птица? Нѣтъ, не птица... Крылья бѣлыя... Въ серединѣ темно... Ну, да, конечно, это—аэропланъ. Марго даже знаетъ, какой аэропланъ. Она столько разъ бывала съ мамой на полетахъ воздушныхъ машинъ въ Парижѣ, такъ интересовалась всегда узнавать, какъ называются эти машины-аэропланы—монопланами или бипланами, что умѣетъ отличить ихъ одинъ отъ другого. И теперь, гордая своей опытностью въ этомъ дѣлѣ, она весело сообщаетъ окружающимъ ее дѣтямъ на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, поднимая пальчикъ надъ головою и указывая имъ въ небо:

— Этая... аэроплянъ... Я знай... Это въ Парижъ видаль... Oui, Oui! C'est ça. C'est ça! Да, да!—и она даже подпрыгнула отъ удовольствія и забила въ ладоши.

— И впрямь аэропланъ, братцы... Француженка

наша правду говоритъ,—первый произнесъ умненькій Ванюша.

— Вѣрно, вѣрно!—подхватили и остальные ребята.

Теперь всѣ головы задрались кверху. Загорѣвшіеся жаднымъ любопытствомъ глазенки впились въ бѣло-черную диковинную птицу, парившую высоко подъ облаками.

— Гляди, гляди, спускается ниже, братцы! На низъ идетъ. Никакъ къ намъ сюда?.. — захлебываясь отъ волненія, кричали, перебивая другъ друга, ребятишки.

Дѣйствительно, описывая правильные и красивые круги въ воздухѣ, воздушная машина приближалась къ землѣ.

Замирая отъ нетерпѣнія, дѣти ждали.

Вотъ все ниже и ниже спускается аэропланъ... Теперь уже ясно слышенъ шумъ машины. Яснѣе видны бѣлыя крылья и самъ авіаторъ.

Въ деревнѣ и на полѣ его замѣтили тоже. Крестьяне прекратили работы и смотрѣли на спускъ машины.

Вотъ зашумѣла еще сильнѣе диковинная птица. Еще немного и человѣкъ въ теплой кожаной курткѣ и такой же фуражкѣ замахалъ платкомъ, сидя въ своемъ крошечномъ помѣщеніи посреди бѣлыхъ крыльевъ.

— Ура!—закричалъ Ванюша, первый привѣтствуя появленіе авіатора.

— Ура!—подхватили за нимъ остальные школьники.

— Ура, русскія дѣти! — ломанымъ языкомъ крикнулъ со своей машины авіаторъ.

Еще нѣсколько минутъ, и воздушная машина опустилась среди поляны.

ГЛАВА XIII.

Авіаторъ.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, добрые люди. Эта желѣзная птица занесла меня къ вамъ, — очутившись на землѣ и раскланиваясь направо и налѣво, сказалъ сбѣжавшимся со всѣхъ сторонъ крестьянамъ невысокій молодой авіаторъ.

Всѣ жители села Дерябкина оказались вскорѣ въ полѣ, посреди котораго опустилась невиданная еще ими до сихъ поръ машина. Женщины ахали, причитали, удивлялись. Мужчины самымъ подробнымъ образомъ разсматривали машину и самого авіатора, смѣлаго человѣка, примчавшагося къ нимъ съ облаковъ.

— Добрые люди, — на плохомъ русскомъ языкѣ произнесъ авіаторъ,—я спустился къ вамъ потому, что у меня вышли всѣ съѣстные припасы. И я твердо надѣюсь, что вы дадите мнѣ, конечно, за деньги, кое-чего съѣстного, чтобы я могъ летѣть дальше. Мой путь далекій,—я лечу изъ Петербурга въ Парижъ.

Черноглазая маленькая дѣвочка протиснулась впередъ изъ толпы дѣтей и бросилась къ авіатору.

— Вы въ Парижъ? Вы—французъ? Парижанинъ?—залепетала дѣвочка по-французски, хватая незнакомца за руку и глядя на него съ восторгомъ.

— Да, я—парижанинъ, авіаторъ Жанъ Дюи. Но ты откуда взялась, малютка-француженка?—удивляясь этой необыкновенной встрѣчѣ, произнесъ авіаторъ.

— О, — громко и быстро защебетала Марго,—какъ я счастлива!.. Какъ я счастлива!... Вы мой соотечественникъ, вы тоже парижанинъ... Вы летите на мою родину... Вы завтра уже будете тамъ... Ради Бога, возьмите меня съ собой... Я не хочу ѣхать въ Петербургъ... У меня тамъ никого нѣтъ... Чужая семья ждала тамъ меня съ моей мамой. Но моя мама погибла во время крушенія поѣзда. А я не хочу туда ѣхать одна... Я хочу на родину, въ Парижъ... У меня тамъ есть близкіе, Поль и его дѣдушка Ришаръ. Вы ихъ не знаете? Господинъ Ришаръ служитъ на одной фабрикѣ. Я имъ писала, что умерла мама, что я одинока... Они отвѣтили мнѣ, что хотѣли бы пріютить меня у себя, что покойная мама, навѣрно, ничего не имѣла бы противъ этого. Я недавно только получила отъ нихъ письмо... Такъ возьмите же меня къ нимъ въ Парижъ, прошу васъ, возьмите! Тутъ я такъ одинока!..

Марго сложила ручки и молящими глазами смотрѣла авіатору въ лицо. А онъ молчалъ, не зная, что ей отвѣтить, что сказать.

— У кого живетъ теперь эта дѣвочка?—обратился онъ къ окружавшимъ его крестьянамъ.

— У учительницы Олимпіады Львовны... Да вотъ она и сама бѣжитъ сюда,—отвѣтили крестьяне.

Дѣйствительно, сюда быстро приближалась Олимпіада Львовна. Появленіе аэроплана заинтересовало молодую учительницу, и она поспѣшила на мѣсто спуска авіатора.

Марго, завидя ее, кинулась ей навстрѣчу.

— Тетя Липа... Тетя Липа... — лепетала она, — отпустите меня съ этимъ господиномъ на родину въ Парижъ... Къ Полю... и его дѣдушкѣ Ришару... Я хочу на родину... Я хочу въ Парижъ... Я не хочу ѣхать къ Гордовцевымъ... Я ихъ не знаю... Они чужіе... А дѣдушка Поля хорошій и добрый... Онъ всегда такъ добръ былъ ко мнѣ. О самомъ Полѣ и говорить нечего. Вы же читали ихъ письмо, присланное на прошлой недѣлѣ. Они зовутъ меня туда, вы же знаете. Отпустите же меня... Богъ вамъ пошлетъ счастье за это...—со слезами на глазахъ молила Марго.

Олимпіада Львовна ничего не поняла въ первую минуту. Она видѣла только, какъ волнуется дѣвочка, и сама взволновалась не менѣе Марго.

Объяснилъ все Жанъ Дюи. Онъ подошелъ къ учительницѣ, назвалъ себя. Его имя уже гремѣло по свѣту. Это былъ знаменитый, извѣстный всему міру авіаторъ.

Онъ разсказалъ Олимпіадѣ Львовнѣ, зачѣмъ онъ спустился тутъ, съ какой просьбой обратился къ крестьянамъ и о чемъ хлопочетъ маленькая француженка.

Учительница то краснѣла, то блѣднѣла отъ волненія и, наконецъ, собравшись съ мыслями, произнесла, обращаясь къ Марго:

— Ты хочешь оставить насъ, малютка, и возвратиться на родину?.. Это вполнѣ понятное желаніе. Но... твоя мама распорядилась иначе, она поручила тебя мнѣ, моимъ заботамъ. Правда, она передъ смертью сожалѣла, что взяла тебя съ собой, сожалѣла, что не оставила тебя у старика Ришара и Поля въ Парижѣ. Значитъ, твоя мама, если бы жила, была бы рада твоему возвращенію въ Парижъ. Но пустить тебя летѣть на аэропланѣ я не могу. Ты знаешь, что воздушный путь очень опасенъ. Авіаторы часто падаютъ со своими машинами и разбиваются на-смерть.

— О, что касается этого, — вмѣшался Жанъ Дюи, — вы не безпокойтесь... Я достаточно опытенъ, чтобы не подвергнуть малютку опасности воздушнаго пути. Я уже совершилъ два такихъ полета съ пассажирами и, увѣряю васъ, малютка будетъ въ полной безопасности среди облаковъ.

— Да, но вѣдь могутъ быть случайности, — возразила Олимпіада Львовна.

— Но развѣ не можетъ быть случайностей и въ поѣздѣ, и на пароходѣ?.. Сама малютка сообщила мнѣ о случайной гибели въ поѣздѣ. Не такъ ли? Вотъ идетъ сюда вашъ русскій священникъ, посовѣтуйтесь съ нимъ, пусть онъ скажетъ, отпустить со мной дѣвочку или нѣтъ...

Послѣднія слова Жанъ Дюи произнесъ уже въ присутствіи отца Паисія, подошедшаго со своей дочкой

Нюрой. Авіаторъ почтительно поклонился ему, разсказалъ вкратцѣ о просьбѣ дѣвочки, показалъ имѣвшіяся при немъ бумаги и документы, изъ которыхъ видно было, что онъ—опытный авіаторъ, совершившій на своей машинѣ много полетовъ.

Отецъ Паисій пригласилъ авіатора къ себѣ отдохнуть и закусить передъ дорогой.

Пригласилъ туда же и Олимпіаду Львовну и нѣкоторыхъ старыхъ крестьянъ, чтобы обсудить совмѣстно — отпустить въ Парижъ съ Жаномъ Дюи маленькую француженку или нѣтъ.

Долго длилась бесѣда въ домикѣ отца Паисія. Дѣти и сама Марго ждали рѣшенія своей судьбы въ палисадникѣ.

Но вотъ на крылечкѣ показалась Олимпіада Львовна. Глаза ея были заплаканы. Лицо разстроено. Она подошла къ дѣвочкѣ и крѣпко обняла ее.

— Мы рѣшили отпустить тебя, крошка... — произнесла она далеко неспокойнымъ голосомъ. — Жанъ Дюи — надежный человѣкъ и прекрасный опытный авіаторъ. Только слушайся его во всемъ во время пути... Когда вы достигнете Парижа, онъ обѣщалъ увѣдомить насъ тотчасъ же телеграммой о благополучномъ вашемъ прибытіи. Пиши почаще, малютка, и помни, что и въ бѣдномъ русскомъ селеніи у тебя есть большіе друзья, которые тебя будутъ всегда любить и помнить. А теперь ступай къ отцу Паисію. Онъ хочетъ благословить тебя передъ дорогой.

Поцѣловавъ отъ всего сердца обрадованную дѣ-

вочку, Олимпіада Львовна взяла ее за руку и повела въ домъ.

Отъѣздъ Жана Дюи съ Марго былъ назначенъ чрезъ нѣсколько часовъ.

ГЛАВА XV.

Малютка Марго поднимается за облака.

ВСЕ село высыпало на большую поляну провожать маленькую француженку.

Каждый принесъ ей что-нибудь на дорогу: кто парочку печеныхъ яицъ, кто жаренаго цыпленка, кто просто свѣжаго домашняго хлѣба.

Олимпіада Львовна плакала. Бабы тоже вытирали слезы на глазахъ, жалѣя дѣвочку.

Дѣти съ жаднымъ любопытствомъ ловили каждое движеніе авіатора, заканчивавшаго послѣднія приготовленія къ отлету.

Марго же была очень весела. Она то ластилась къ Олимпіадѣ Львовнѣ, къ которой она уже успѣла сильно привязаться, то подходила къ отцу Паисію и Нюрѣ и выслушивала совѣты священника.

Тутъ же собрались всѣ ея друзья: Ванюша, Груня, Никитка и другіе.

Вотъ, наконецъ, все готово. Жанъ Дюи подошелъ къ собравшейся на полянѣ толпѣ и, снявъ свою кожаную

фуражку, сталъ прощаться со священникомъ, Олимпіадой Львовной и крестьянами.

— Ну, малютка, пора садиться, — сказалъ онъ Марго.

Послѣднія объятія, поцѣлуи, наставленія, совѣты...

— Сиди смирно, Марго, не высовывайся черезъ край машины. Будетъ холодно тамъ высоко въ небѣ, дай, я укутаю тебя платкомъ,—говорилъ летчикъ своей маленькой спутницѣ, усѣвшейся у него въ ногахъ.

Олимпіада Львовна еще разъ бросилась къ малюткѣ и поцѣловала ее.

— Будь умницей, Марго, не забывай насъ... пиши! —прошептала она сквозь слезы.

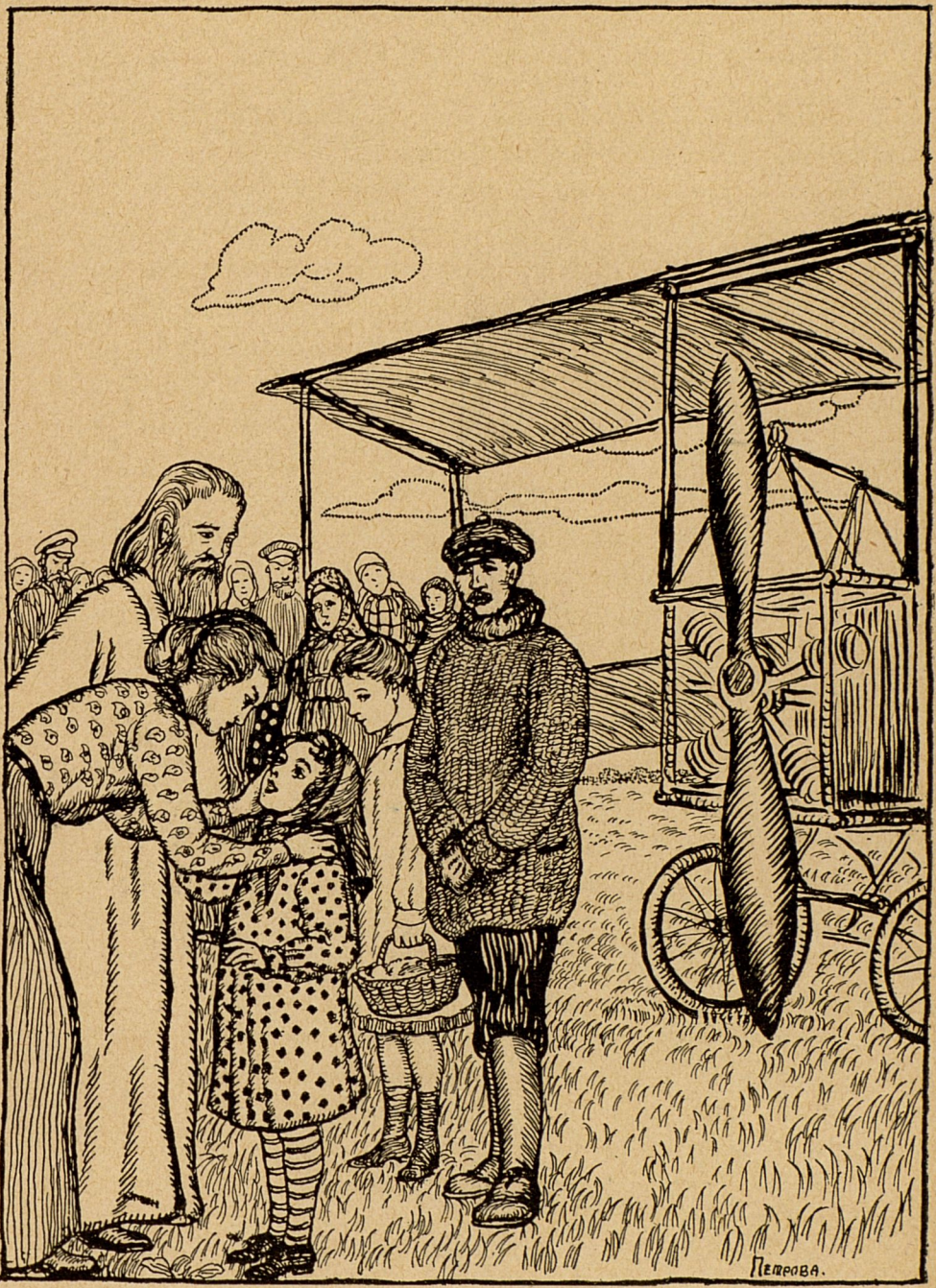
— Какъ прилетите въ Парижъ—телеграфируйте тотчасъ же. Я записалъ адресъ въ вашу записную книжку,—сказалъ отецъ Паисій.

— Да, да!—поспѣшилъ отвѣтить Жанъ Дюи.— Тотчасъ же, какъ прилетимъ, дадимъ вамъ депешу сюда.

Зашумѣла машина аппарата, и воздушная птица, пробѣжавъ по полю, стала плавно подниматься въ воздухъ. Вотъ все выше и выше паритъ она надъ Дерябкинскимъ полемъ, вотъ все меньше и меньше дѣлается она въ глазахъ людей.

Мальчики кричатъ «ура!» и машутъ шапками.

Еще выше взлетѣла къ облакамъ воздушная птица. Жанъ Дюи управлялъ машиной. Малютка Марго притихла на своемъ мѣстѣ, не отрывая глазъ отъ бѣгущихъ впереди облаковъ. Хорошо было на душѣ Марго.



Послѣднія объятія, поцѣлуи, наставленія, совѣты...

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Аэропланъ несся съ быстротой вѣтра высоко-высоко надъ землей, надъ домами и деревьями, полями, оврагами и холмами... Надъ головою дѣвочки синѣло небо... Внизу клубились облака.

Скоро стало холодно. Марго съежилась на своемъ мѣстѣ.

— Закутайся хорошенько, малютка, и сиди смирно. Черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ Берлинѣ,— произнесъ летчикъ, продолжая управлять машиною.

Дѣвочка немедленно исполнила то, что посовѣтовалъ ей авіаторъ. У нея на душѣ было очень хорошо. Она только и думала о томъ, что скоро-скоро увидитъ маленькаго Поля, родину, Парижъ...

Далеко внизу извивалась широкая синяя полоса.

— Это—рѣка,—пояснилъ Жанъ Дюи малюткѣ.

Но Марго уже не видѣла ничего. Глаза ея слипались... Легкій вѣтерокъ, лаская лицо, навѣвалъ сладкія грезы. И дѣвочка, мѣрно укачиваемая движеніями машины, крѣпко уснула на своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА XVI.

Опасность.

МАРГО проснулась отъ какихъ-то толчковъ. Что-то сердито шумѣло передъ самыми ея ушами.

Она открыла глаза. Былъ вечеръ, когда она уснула, а теперь стояло сѣрое холодное утро. Значитъ, она проспала безпробудно всю ночь.

«Почему, однако, машина идетъ не такъ плавно, какъ вчера, а толчками?.. Почему у авіатора такое блѣдное, разстроенное лицо?» — подумала вдругъ Марго.

Вокругъ гудитъ и воетъ вѣтеръ... Носятся черныя, черныя тучи... Ничего, кромѣ тучъ, не видно, ни вблизи, ни вдали.

— Куда мы летимъ?—съ испугомъ спрашиваетъ Марго.

— Мы летимъ обратно, малютка... слишкомъ силенъ встрѣчный вѣтеръ... Крѣпнетъ съ каждой минутой. Нельзя бороться противъ него. Приходится повернуть назадъ.

— Ахъ! Значитъ, мы не скоро попадемъ въ Парижъ? — вздохнувъ, произноситъ дѣвочка, и у нея становится на душѣ тяжело-тяжело.

— Закуси хорошенько, подкрѣпи свои силы,—совѣтуетъ ей Жанъ Дюи,—да закутайся, теперь холодно... Настоящая зимняя стужа... Бррр...

Въ корзинкѣ заботливыми руками Олимпіады Львовны уложена провизія: холодный цыпленокъ, тартинки, хлѣбъ. Марго, не шевелясь, протягиваетъ руку къ летчику, кладетъ ему что-то въ ротъ и ѣстъ сама.

А машина все больше и больше качается въ воздухѣ, дѣлаетъ скачки прыгаетъ и дрожитъ, словно живая.

Жанъ Дюи безъ устали слѣдитъ за работой машины... Лицо у него сосредоточеннѣе и блѣднѣе прежняго. Онъ давно уже раскаивается въ томъ, что взялъ дѣвочку съ собой.

А вѣтеръ все крѣпчаетъ и крѣпчаетъ. Далеко назадъ отнесло машину.

Еще нѣсколько часовъ проходитъ въ мучительной борьбѣ человѣка съ вѣтромъ...

— Надо спуститься на землю...—говоритъ Жанъ Дюи, когда наступилъ второй вечеръ ихъ воздушнаго путешествія.

Марго, затихшая въ своемъ уголку, вся дрожитъ, чувствуя опасность.

Жанъ Дюи направляетъ машину такъ, чтобы она спустилась на землю. Но это не удается. Аэропланъ то ныряетъ, то подскакиваетъ... Вѣтеръ относитъ его

все больше въ сторону, гдѣ внизу шумитъ море... прыгаютъ волны...

Отважный летчикъ старается всѣми силами направить аппаратъ къ берегу, но вѣтеръ, точно на зло, увлекаетъ воздушную птицу къ водѣ, къ морю...

Съ ужасомъ видитъ авіаторъ, что его аэропланъ несется прямо туда... Теперь онъ ничѣмъ не можетъ уже его остановить...

— Молись Богу, малютка, мы можемъ погибнуть,— говоритъ онъ, обращаясь къ Марго.

И лицо его становится печальнымъ и торжественнымъ въ эту минуту.

Вдругъ отчаянный трескъ раздается въ машинѣ... сначала на одинъ бокъ, потомъ на другой сильно наклоняется она и летитъ вмѣстѣ съ пассажирами въ темныя, бушующія волны моря.

Въ первую минуту Марго теряетъ сознаніе... Но прикосновеніе холодной воды заставляетъ дѣвочку очнуться... Она чувствуетъ, какъ, крѣпко прижимая ее одной рукой къ груди, Жанъ Дюи другой упорно и сильно борется съ волнами. Оглушенная паданіемъ, Марго чуть жива... Откуда-то издалека доносятся до нея крики... Кричитъ не одинъ человѣкъ—много людей. Она ничего не понимаетъ, не можетъ различить, что имъ кричатъ люди изъ большой черной лодки, плывущей навстрѣчу.

А ея спутникъ, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, борется съ волнами, не выпуская ее изъ рукъ... Но вотъ его движенія все тише, все слабѣе...

«Сейчасъ мы утонемъ»... — проносится быстрая

мысль въ головѣ дѣвочки, и она снова теряетъ сознаніе...

Когда Марго опять приходитъ въ себя, то съ удивленіемъ озирается вокругъ.

— Гдѣ я? Что со мной?—шепчетъ она тихо.

Большая, свѣтлая комната... Цѣлый рядъ чистыхъ бѣлыхъ кроватей... Какія-то дѣвушки, въ бѣлыхъ передникахъ съ красными крестами на груди и съ бѣлыми косынками на головахъ, скользятъ между кроватями, на которыхъ лежатъ дѣти всѣхъ возрастовъ.

Марго хочетъ приподнять голову съ подушки и не можетъ: голова такая тяжелая, точно налита свинцомъ; хочетъ Марго двинуть рукой и тоже не можетъ—ужасная слабость сковываетъ все тѣло... Въ усталой головкѣ ползетъ цѣлая вереница мыслей... Какіе-то обрывки воспоминаній. Страшная картина гибели...

— Гдѣ я?—снова шепчетъ Марго, испуганная новой обстановкой, въ которую она попала.

Къ ней подходитъ дѣвушка въ передникѣ, съ краснымъ крестомъ на груди.

— Милая малютка,—говоритъ она по-французски, наклоняясь надъ нею,—не бойся ничего. Ты среди друзей, въ дѣтской больницѣ. Ты не совсѣмъ здорова... Поправишься, тогда я объясню тебѣ, какъ ты попала сюда.

— A monsieur Жанъ? Гдѣ онъ?—съ усиліемъ спрашиваетъ Марго.—Онъ умеръ? Утонулъ въ морѣ?

— О, нѣтъ. Онъ навѣщаетъ тебя ежедневно всѣ эти двѣ недѣли, что ты лежишь у насъ. Придетъ и завтра утромъ, ты его увидишь.

— Такъ, значитъ, я здѣсь уже двѣ недѣли? Значитъ, я была серьезно больна? Но какъ же я сюда попала?—слабымъ голосомъ допрашиваетъ дѣвушку Марго.

Но той было строго запрещено разговаривать съ серьезно больными. Она только прикладываетъ палецъ къ губамъ, приглашая Марго молчать.

Да и сама малютка не можетъ говорить больше, хотя ей еще хочется разспросить о многомъ. Снова непреодолимая слабость сковываетъ ея руки и ноги. И снова Марго впадаетъ въ забытье.

ГЛАВА XVII.

Выздоровленіе. Опять Жанъ Дюи. Порученіе въ Парижъ.

—Ну, вотъ, мы, кажется, поправляемся. Здравствуй, крошка,—говоритъ вошедшій только что въ большую палату дѣтской больницы Жанъ Дюи.

Марго сидитъ на своей кровати, обложенная подушками. Она такъ похудѣла за время болѣзни, что ее трудно узнать. Глаза, и безъ того большіе, стали прямо огромными.

Жанъ Дюи не можетъ безъ тоски смотрѣть на больную дѣвочку. Онъ уже далъ знать въ село Дерябкино о происшествіи съ ними и ждалъ оттуда письма, куда доставить дѣвочку. Сегодня письмо это получено отъ Олимпіады Львовны.

Чтобы какъ-нибудь порадовать малютку, онъ приноситъ ей ежедневно то апельсинъ, то плитку шоколада, то хорошенькія открытки или книжку съ картинками.

Сегодня онъ издали протягиваетъ ей небольшую коробку для бумаги съ изображеніемъ парижской улицы.

— Ахъ, Парижъ! — вскрикиваетъ Марго радостно, увидя знакомый видъ, и хлопаетъ въ ладоши.

Жанъ Дюи опускаетъ руку въ боковой карманъ и извлекаетъ изъ него цѣлый рядъ открытокъ съ другими видами Парижа.

Малютка Марго задыхается отъ восторга. Вотъ и ихъ улица... Здѣсь она ходила въ школу съ Полемъ... Тамъ—на рынокъ съ Бланшетой... По этому кварталу въ церковь съ Полемъ и мамочкой.

Дѣвочка въ восторгѣ. Ея щечки порозовѣли, глазенки горятъ.

Жанъ Дюи, видя, что настроеніе больной улучшилось, приступилъ къ Марго съ давно заготовленнымъ имъ разговоромъ.

— Ну, что малютка, ты чувствуешь себя лучше?

— О, да! Я снова могу летѣть въ Парижъ, хоть сейчасъ.

— Но ты развѣ не знаешь, что моя машина разбилась и потонула въ морѣ... Если бы не подоспѣвшіе рыбаки, которые вытащили насъ съ тобой и взяли въ лодку, мы бы давно лежали на морскомъ днѣ. Нѣтъ, малютка, вторично подвергнуть тебя такой опасности я не смѣю. Да и машина у меня теперь другая, на ней одно только мѣсто. Я же долженъ летѣть снова въ Парижъ. Завтра же я улетаю отсюда... Въ Парижѣ я разыщу стараго Ришара и Поля, твоихъ друзей, и

разскажу имъ все случившееся съ тобой. Они пріѣдутъ за тобой и возьмутъ тебя къ себѣ. Я получилъ отъ твоихъ друзей изъ Дерябкина указанія, что дѣлать. А пока ты останешься здѣсь, сначала въ дѣтской больницѣ, потомъ тебя отвезутъ въ домъ генерала Гродовцева, о которомъ говорила мнѣ твоя учительница. Будь же умницей, малютка, и жди твоихъ друзей со спокойнымъ сердцемъ. Они скоро пріѣдутъ за тобой.

— О, да... конечно... я сдѣлаю все, что вы желаете, если Поль со своимъ дѣдушкой возьмутъ меня отсюда!—крикнула въ отвѣтъ Марго.

— Разумѣется, малютка, возьмутъ... А пока, что мнѣ передать имъ отъ тебя?

— Передайте Полю, что я жду его... Что я не забыла его, что хотя подаренная имъ мнѣ на память книжечка и пропала во время крушенія поѣзда со всѣми моими вещами, но я и безъ этого подарка о немъ буду помнить всегда, всегда.

Черные глазки Марго взглянули печально на авіатора.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось съ вами въ Парижъ!—чуть слышно произнесла малютка.

Но Жанъ Дюи не могъ согласиться на это. Онъ боялся вторично подвергнуть опасности дѣвочку. Утѣшивъ ее, онъ сталъ прощаться. Съ отеческой нѣжностью обнялъ онъ малютку.

— Вотъ тебѣ отъ меня маленькій подарочекъ, Марго,—произнесъ онъ и сунулъ подъ подушку больной нѣсколько золотыхъ монетъ. Затѣмъ, поручивъ

малютку заботамъ сестеръ милосердія дѣтской больницы, онъ поспѣшно вышелъ изъ палаты, провожаемый до порога печальнымъ взоромъ Марго.

ГЛАВА XVIII.

Новые знакомые.

ГКХЫ... Гкхы... Гкхы... У меня болитъ грудь... Гкхы... Гкхы... Гкхы...

— У меня ломитъ ногу... Ай, какъ ломитъ!.. Ай-ай-ай!..

— Пить, дайте мнѣ пить...

— Не могу больше терпѣть—больно. Голова болитъ... Положите мнѣ что-нибудь на голову...

Съ самаго ранняго утра эти стоны и крики будятъ Марго, не даютъ ей спать. У нея самой ничего не болитъ, она выздоравливаетъ. Зато вокругъ нея, на сосѣднихъ койкахъ, лежатъ маленькія больныя дѣти.

Ближе всѣхъ Петька. Онъ сильно простуженъ и страшно кашляетъ. Онъ не даетъ покоя здѣсь никому. Петька — очень раздражительный больной. Всѣ его считаютъ капризнымъ и несноснымъ. Всегда онъ всѣми и всѣмъ недоволенъ, ноетъ и ворчитъ цѣлый день. Сестра милосердія изъ силъ выбилась съ нимъ. Петька замолкаетъ только въ то время, когда у него во рту есть что-нибудь сладкое. Онъ всѣмъ надоѣлъ

своимъ нытьемъ и капризами, и никто его не любитъ въ больницѣ.

Зато по другую сторону Марго лежитъ милая терпѣливая десятилѣтняя дѣвочка. У нея постоянно болитъ голова. Но дѣвочка не жалуется. Это—маленькая цвѣточница, то-есть ученица изъ мастерской, гдѣ дѣлаютъ бумажные цвѣты. Ее зовутъ Маша.

Маша видѣла, какъ привезли полуживую Марго въ больницу. Почему-то Марго ей съ перваго же дня очень понравилась, и Маша полюбила маленькую француженку. Когда Марго стала понемногу приходить въ себя и поправляться, Маша, сама еще больная и слабая, трогательно ухаживала за бѣдной француженкой, у которой тутъ не было родныхъ.

Марго уже умѣла довольно сносно говорить по-русски; она разсказала товарищамъ и подругамъ по больницѣ обо всемъ, что съ ней случилось. Разсказала о крушеніи поѣзда, о смерти мамы, объ учительницѣ села Дерябкино, объ авіаторѣ Жанѣ Дюи, о воздушномъ путешествіи и объ ихъ паденіи въ море. Все это было такъ необыкновенно, что маленькая француженка сразу заинтересовала своей судьбой всѣхъ находившихся въ палатѣ дѣтей.

Ее упрашивали повторить всѣ ея приключенія. Марго разсказывала безъ конца, а дѣти жадно слушали ее.

Одинъ Петька насмѣшливо улыбался и недовѣрчиво покачивалъ головою.

— Все-то она вретъ! А вы развѣсили уши, глупые!— сказалъ онъ, однажды, когда дѣти обступили малень-

кую француженку, разспрашивая о подробностяхъ всего происшедшаго.

— Я никогда не вру,—покраснѣвъ, замѣтила строго Марго.

— Ну-ну. Скажешь тоже. Соврешь — недорого возьмешь,—поддразнивалъ ее Петька.

— Ты—злой, Петръ! Марго еще маленькая, гдѣ было ей придумать то, что она разсказываетъ?—заступилась за дѣвочку цвѣточница Маша.

— Ну, да, не придумать! Дѣвчонки сумѣютъ выдумать все, что хотятъ,—сердито проворчалъ мальчуганъ.

— Знаешь, почему онъ сердится? — обратилась послѣ этого Маша къ Марго:—потому, что ты никогда не угощаешь его конфетами, а мы всѣ всегда дѣлимся съ нимъ тѣмъ, что у насъ есть.

— Но... у меня нѣтъ конфетъ,—вздохнула Марго.

— Зато у тебя есть деньги... Твой знакомый оставилъ тебѣ. Попроси сидѣлку купить шоколаду или мармеладу и угости Петьку. Онъ только тогда и бываетъ спокоенъ, когда ѣстъ что-нибудь.

— Хорошо, я попробую,—согласилась Марго.

Въ тотъ же вечеръ она попросила сидѣлку сходить за леденцами и пастилой, давъ ей на это одну изъ золотыхъ монетъ, которыя ей оставилъ Жанъ Дюи.

Петька изъ-подъ одѣяла слѣдилъ за Марго и замѣтилъ, откуда она взяла деньги. Замѣтилъ онъ также, сколько у нея осталось подъ подушкой золотыхъ монетъ... Петька былъ маленькій уличный бродяжка. Родители его давно умерли, и некому было воспитывать мальчика и удерживать его отъ дурныхъ поступ-

ковъ. Онъ жилъ одно время у сапожника въ ученьѣ, но убѣжалъ оттуда и слонялся по улицамъ, нищенствуя съ другими несчастными уличными дѣтьми.

Оборванный, почти босой, проводилъ онъ цѣлые дни безъ пріюта, а ночевалъ гдѣ-нибудь на глухой, безлюдной улицѣ подъ заборомъ. Зимой, во время сильныхъ морозовъ, Петька простудился и заболѣлъ. Онъ сидѣлъ на улицѣ и весь трясся. Прохожіе его замѣтили, стали разспрашивать, что съ нимъ, и отправили въ дѣтскую больницу.

Здѣсь Петька, поправившись немного, велъ себя не лучше, чѣмъ на улицѣ, бранился, ругался и даже кралъ мелкія вещи у другихъ больныхъ и сидѣлокъ.

Какъ больного, Петьку нельзя было слишкомъ волновать выговорами и замѣчаніями: его здоровье было очень слабо. Но не было также никакой возможности терпѣть его выходки и ссоры со всѣми другими дѣтьми.

— Если ты впредь будешь накидываться на дѣтей,—грозила Петькѣ не разъ сестра милосердія, ухаживавшая за больными дѣтьми,—то я переведу тебя въ отдѣльную палату. Ты будешь лежать и скучать тамъ совсѣмъ одинъ.

Этой угрозы Петька боялся больше всего. Въ отдѣльной комнатѣ ему было бы ужасно скучно. Въ общей палатѣ онъ развлекался, дразня того или другого ребенка, или наслаждался сластями, которыя дѣти, помимо своего желанія, давали ему, лишь бы онъ не мучилъ ихъ. А тамъ, въ одинокой комнатѣ, некому давать ему гостинцы. Вотъ почему Петька

утихалъ при такой угрозѣ сестры милосердія и старался хоть нѣкоторое время держать себя прилично.

Увидѣвъ деньги подъ подушкой Марго, онъ весь такъ и загорѣлся.—Откуда у тебя золото?—жадно глядя на блестящія новенькія монетки, спросилъ Петька Марго.

— Мнѣ ихъ принесъ господинъ Жанъ въ подарокъ,—отвѣчала дѣвочка.

— Значитъ, съ неба упало такое богатство?—засмѣялся Петька.—А мнѣ ничего не дашь?

— Эти деньги мнѣ нужны на дорогу, я ѣду въ Парижъ,—поблѣднѣвъ отъ испуга, залепетала Марго.—Я не могу ихъ раздать и растратить. Я уже размѣняла одинъ золотой, чтобы купить тебѣ конфетъ... Больше не могу...

— Ну отдай мнѣ хотя сдачу, что принесла тебѣ сидѣлка,—настаивалъ Петька.

— Это я могу тебѣ отдать, возьми...—и Марго протянула ему деньги.

Петька жадно схватилъ ихъ и засунулъ подъ подушку.

Пришла сестра милосердія и велѣла всѣмъ укладываться спать. Огонь въ лампѣ потухъ, вмѣсто него сидѣлка зажгла ночникъ. Полная тишина воцарилась въ дѣтской больничной палатѣ.

ГЛАВА XIX.

Ночное происшествіе.—Угроза приводится въ исполненіе.—Петька наказанъ.

УЖЕ поздно, но Марго не смыкаетъ глазъ.. Бредъ и стоны проснувшагося больного ребенка мѣшаютъ ей заснуть. Марго вспоминаетъ все то, что произошло съ нею недавно... Мечты ея улетаютъ въ далекій Парижъ. «Теперь уже, навѣрное, авіаторъ Жанъ передалъ ея порученіе Полю,—думаетъ Марго,—Поль переговорилъ съ дѣдушкой, и, можетъ быть, они оба скоро пріѣдутъ сюда, такъ скоро, что мнѣ и не придется даже вступить въ незнакомый домъ Гродовцевыхъ. Ахъ, какъ это было-бы хорошо»!

Марго закрываетъ глаза, и ей кажется, что она уже видитъ и стараго господина Ришара, котораго она, какъ и Поль, называла дѣдушкой, и самого Поля, милаго-милаго и любимаго теперь, послѣ смерти матери, больше всѣхъ на свѣтѣ. Вотъ онъ, какъ живой вырисовывается передъ ней. Да, это онъ, это его глаза, улыбка, остриженные короткимъ ежикомъ волосы...

— Поль, ты?.. Наконецъ-то, я тебя вижу!—шепчетъ Марго, повѣривъ тому, что ей только показалось.

Но, странное дѣло, этотъ Поль, стоящій сейчасъ передъ ея кроватью, много выше ростомъ того Поля, котораго она знала въ Парижѣ. Почему Поль закутанъ въ одѣяло и говоритъ совсѣмъ хорошо по-русски? Какъ это странно!.. Гдѣ онъ могъ научиться русскому языку? Марго не понимаетъ, что случилось, и спрашиваетъ еще разъ:.. Это ты Поль?—Да, да, это я, Марго. Спи, пожалуйста, уже поздно,—отвѣтилъ ей какой-то голосъ.

Удивленная, она приподнимается немного въ постели. Въ тотъ же мигъ чья-то костлявая рука, совсѣмъ не похожая на маленькую пухлую ручонку Поля, скользитъ мимо ея лица и что-то шаритъ у нея подъ подушкой...

Невольный страхъ прокрадывается въ душу Марго.

— Ай—ай!—кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ на всю палату, хватая пальцами костлявую руку.—Кто это? Ай—ай—ай—ай—ай—ай...

— Ай—ай—ай—ай!—отзываются проснувшіяся отъ крика Марго больныя дѣти.

И вся палата вмигъ наполняется шумомъ... Раздаются во всѣхъ углахъ испуганные крики, плачъ, визгъ. Просыпается и сидѣлка и зажигаетъ лампу. Вбѣгаетъ сестра милосердія, дежурившая ночью въ сосѣдней комнатѣ.

— Что такое? Что за крики? Кто это кричитъ? Ты, Марго.

При свѣтѣ зажженной лампы все стало ясно и понятно.

Петька, закутанный въ одѣяло, стоитъ у постели Марго. Дѣвочка, сидя на кровати, крѣпко держитъ его за правую руку... Мальчуганъ старается вырвать свой кулакъ. Въ кулакѣ у него зажаты золотыя монеты, которыя онъ хотѣлъ утащить у Марго изъ-подъ подушки.

Испуганная, блѣдная малютка крѣпко вцѣпилась ему въ руку и не выпускаетъ ее.

— Онъ хотѣлъ... онъ взялъ деньги... Онъ просилъ вечеромъ еще... Я отказалась дать ему... Онъ хотѣлъ взять тихонько... безъ спросу... О, Боже. Я услыхала... и... закричала...—лепетала она, мѣшая въ волненіи русскія и французскія слова.

Сестра милосердія сразу поняла, въ чемъ дѣло. Она строго взглянула на Петьку и суровымъ голосомъ произнесла:

— Воровать грѣшно и стыдно. Ты долженъ быть за это наказанъ. Маленькому воришкѣ нѣтъ мѣста между порядочными дѣтьми. Сейчасъ же я переведу тебя въ отдѣльную палату. Ты не останешься здѣсь ни часа. Но прежде отдай дѣвочки деньги, которыя ты взялъ отъ нея.

Красный, какъ ракъ, Петька швырнулъ на постель Марго золото и злобно прошипѣлъ.

— Ну, ладно же, когда такъ... Я тебѣ этого не забуду... Еще встрѣтимся какъ-нибудь. Вспомнишь ты тогда меня, Петьку.

И сердитый и злобный пошелъ онъ за уводившей его сестрой милосердія.

Устроивъ Петьку въ отдѣльной палатѣ, сестра милосердія снова вернулась къ Марго.

— У насъ въ больницѣ больнымъ нельзя держать у себя деньги, дѣвочка,—обратилась она къ маленькой француженкѣ,—ты должна была передать ихъ мнѣ. Тогда ничего этого и не случилось бы. Отдай мнѣ все, что у тебя осталось. Когда выпишешься изъ больницы, получишь обратно всѣ свои деньги.

Малютка Марго тотчасъ же исполнила это требованіе и довѣрчиво вручила сестрѣ свое богатство. Ей было очень непріятно все, что случилось. Жаль было наказаннаго Петьку, досадно было и за свою неосторожность и за неумѣнье хранить деньги. Объ угрозѣ же Петьки Марго не думала вовсе. Какое зло могъ ей причинить мальчикъ, съ которымъ она, по всей вѣроятности, и не увидится больше никогда?

Все же неспокойная уснула въ эту ночь Марго.

ГЛАВА XX.

Марго выздоровѣла.

ПЛАТЬЕ... платокъ... ботинки... кофта... Все одѣто. Готово. Ну, съ Богомъ! Сидѣлка Авдотья отведетъ тебя къ господамъ Гродовцевымъ. Счастливый путь, Марго!—сказала сестра милосердія, выписавъ и провожая маленькую француженку изъ больницы.

— Смотри, больше никогда не возвращайся къ намъ сюда,—шутливо закончила она, когда Марго уже была на порогѣ.

Совсѣмъ уже одѣтая и готовая въ путь, малютка Марго прощалась съ больными дѣтьми своей палаты. Особенно нѣжно она разставалась съ Машей.

— Послушай, Маргоша,—говорила ей на прощанье маленькая цвѣточница,—если тебѣ покажется тяжело жить въ генеральскомъ домѣ, приходи ко мнѣ... Я тебѣ написала мой адресъ. Жаль только, что ты по-нашему не умѣешь читать. Приходи прямо въ цвѣточную мастерскую, гдѣ я живу. Хотя наша хозяйка и очень сердитая бываетъ порою, да на тебя она

злиться не посмѣетъ. Ты будешь у насъ жить временно, пока за тобой не пріѣдутъ изъ Парижа. И ты къ тому же умѣешь дѣлать цвѣты...

— Да, мамочка моя учила меня вырѣзывать изъ бумаги и склеивать розы, Иванъ-да-Марья, и другіе цвѣты, когда сама дѣлала ихъ для продажи въ Парижѣ,—сказала Марго.

— Ну, вотъ... Ну, вотъ... Стало быть, не поживется въ генеральскомъ домѣ—прямо иди къ намъ.

— Хорошо, приду,—согласилась француженка.

Дѣвочки обнялись крѣпко на прощанье и поцѣловались.

Потомъ малютка Марго вышла слѣдомъ за Авдотьей изъ больницы.

Прохладный августовскій день встрѣтилъ ее дождемъ и слякотью. Въ рукахъ Авдотьи была бумажка съ адресомъ, врученная Марго еще Олимпіадой Львовной передъ отлетомъ дѣвочки съ Жаномъ Дюи изъ села Дерябкина.

Авдотья была грамотная, и ей ничего не стоило отыскать домъ, гдѣ жилъ генералъ Гродовцевъ. Но прежде, чѣмъ ѣхать туда, необходимо было пріодѣть Марго. Платье ея порядочно поистрепалось и пострадало во время катастрофы съ аэропланомъ; ботинки—не менѣе платья, а шляпа и вовсе пропала. Ее замѣнилъ платочекъ, подаренный еще въ селѣ Олимпіадой Львовной.

— Необходимо тебѣ пріодѣться поприличнѣе. Не въ деревню ѣдешь, а въ генеральскую семью,—сказала дѣвочкѣ Авдотья.

— Да, да,—немедленно согласилась Марго.—Только какъ же дѣлать съ деньгами? Я хотѣла отложить ихъ на обратный путь въ Парижъ?

— Ладно ужъ...—махнула рукой Авдотья,—коли пріѣдутъ за тобой твои знакомые изъ Парижа, значитъ, и деньги съ собой привезутъ. А вотъ одѣться поприличнѣе, говорю, надо.

— Хорошо, я сдѣлаю все, что слѣдуетъ. Отведите меня въ магазинъ,—покорно согласилась Марго.

— Ну, въ магазинъ-то не придется вести тебя, милая. Денегъ-то у тебя не больно густо. Въ рынокъ пойдемъ. Тамъ все и купимъ,—снова рѣшила Авдотья.

На рынкѣ, гдѣ продавались поношенное платье, обувь и шляпы, Марго удалось найти все, что ей нужно было. Дешевенькое теплое платьице, высокіе ботинки и скромная вязаная шапочка составляли теперь ея нарядъ. Кромѣ того расчетливой Авдотьѣ удалось пріобрѣсти пару дѣтскаго бѣлья на смѣну и простое, дешевое осеннее пальто для малютки. Денегъ, подаренныхъ Жаномъ Дюи, хватило вполнѣ. Осталось еще около полутора рубля, которые Марго и подарила Авдотьѣ.

Та сначала стала было отказываться отъ подарка, но потомъ уступила усиленной просьбѣ Марго и взяла.

— Развѣ, что дѣткамъ куплю гостинчиковъ. Они неподалече живутъ отселѣ... Рѣдко только видѣть ихъ приходится... Все время занята съ больными... Вотъ кабы сегодня повидать ихъ, гостинчиковъ имъ отнести,—улыбаясь говорила сидѣлка.

— Такъ идите къ нимъ... Посадите меня на извоз-

На рынкѣ Марго удалось найти все, что ей нужно было...

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

чика и ступайте... Я доѣду одна, — предложила Марго.

— Да куда же ты одна поѣдешь, такая крошка. Еще заплутаешься въ чужомъ городѣ,—запротестовала Авдотья.—Нѣтъ, ужъ довести-то тебя до мѣста я доведу.

И взявъ за руку, она повела Марго по шумнымъ петербургскимъ улицамъ.

Вотъ онѣ вышли на Невскій, сѣли въ трамвай, доѣхали до Литейнаго проспекта, а оттуда свернули уже пѣшкомъ на Моховую. На Моховой улицѣ и жили Гродовцевы.

— Вотъ домъ твоихъ генераловъ, — произнесла Авдотья, заходя, наконецъ, въ подъѣздъ большого зданія.

Маленькій мальчикъ, должно быть, сынъ швейцара, открылъ имъ дверь.

— Здѣсь генералъ Гродовцевъ проживаетъ?—обратилась къ нему Авдотья.

— Здѣся,—получился короткій отвѣтъ.

— Ну, съ Богомъ, подымайся по лѣстницѣ, Маргоша, а я къ дѣткамъ своимъ поспѣшу. Небось, однато дойдешь до двери.

— Въ какомъ этажѣ генеральская квартира будетъ, скажи-ка, красавчикъ?—снова обратилась къ мальчику Авдотья.

— Во второмъ,—отвѣчалъ «красавчикъ» со вздернутымъ, пуговицеобразнымъ носомъ.

— Ну, будь здорова, Маргоша. Живи съ Богомъ на новомъ мѣстѣ. Спасибо за подарокъ.—И Авдотья,

попрощавшись за руку съ малюткой, быстро вышла изъ подъѣзда, оставивъ Марго, какъ ей показалось, въ полной безопасности.

ГЛАВА XXI.

О томъ, чего менѣе всего ожидала малютка

Ди-ин-н-н-н-н-н-нь,—затрещалъ электрическій звонокъ въ квартирѣ.

Марго стояла на площадкѣ лѣстницы, прислушивалась къ звукамъ электрическаго звонка, и ждала, что вотъ-вотъ передъ ней откроется дверь.

Но не слышно было, чтобы кто-нибудь спѣшилъ къ двери. Въ квартирѣ было тихо и пустынно.

Марго позвонила еще разъ.

— Ди-ин-н-н-нь...

И снова прислушалась... Но снова было пустынно и тихо въ генеральской квартирѣ. Никто не шелъ на звонокъ.

Тогда Марго перегнулась черезъ перила лѣстницы и позвала того самого мальчугана, который только открылъ ей внизу дверь.

— Мальчикъ. Мальчикъ! Подите сюда.

Курносый «красавчикъ» съ недовольнымъ видомъ сталъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Чего вамъ надо?.. Зачѣмъ меня позвали?—проворчалъ онъ.

— Генералъ Гродовцевъ дома?—спросила его Марго на своемъ плохомъ, не вполнѣ понятномъ русскомъ языкѣ.

— А я почемъ знаю. Я намедни только изъ деревни пріѣхалъ. Мамка и тятька знаютъ. Вотъ вернутся изъ церкви, такъ ужо скажутъ. Подождите малость.

«Какой нелюбезный мальчикъ,—подумала Марго.—Какъ онъ грубо разговариваетъ со мною»...

Ей хотѣлось тотчасъ уйти, но пришлось дожидаться швейцара. На площадкѣ лѣстницы, передъ дверью генеральской квартиры, стояло мягкое кресло. Марго, набѣгавшаяся по рынку съ Авдотьей, была бы рада-радехонька отдохнуть въ мягкомъ креслѣ, но не рѣшалась сдѣлать этого безъ спроса.

— Можно?—указывая рукой на кресло, обратилась она къ мальчугану, не успѣвшему еще спуститься внизъ.

— Чего это?—не понялъ тотъ.

— Можно отдохнуть, посидѣть немножко?—объяснила Марго.

— Сиди, сколько угодно. На то кресло и поставлено, чтобы сидѣть на немъ...

— Да, да...—согласилась Марго и опустилась въ кресло, съ видимымъ удовольствіемъ забираясь въ него все глубже и глубже.

— Да ты изъ какихъ будешь? Чухонка или татарка?—освѣдомился мальчикъ, не безъ любопытства оглядывая Марго.

— Нѣтъ, я француженка изъ Парижа,—съ трудомъ понявъ его, отвѣтила дѣвочка.

— А-а!.. Я Парижъ знаю,—важно произнесъ мальчикъ.—Утромъ мамка меня туда за кипяткомъ посылала.

Марго засмѣялась невольно.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не тотъ Парижъ... Мой—дальше... Ты, должно быть, ходилъ въ чайную или въ гостиницу, которая называется «Парижъ», а я жила въ городѣ Парижѣ. Далеко отсюда, очень,—старалась она объяснить мальчику.

— А ты что-жъ это безъ языка сюда пріѣхала?—замѣтивъ, наконецъ, что дѣвочка неважно говоритъ по-русски, сердито обрушился на нее маленькій швейцаръ.

— Какъ безъ языка?—удивилась та.

— Да нешто это языкъ. Вѣдь понять-то тебя мудрено очень.

Сказавъ это, мальчикъ громко захихикалъ. Марго покраснѣла и ничего не отвѣтила. А тотъ, ворча себѣ подъ носъ, пошелъ внизъ.

Марго еще глубже усѣлась въ кресло и стала, терпѣливо ожидать возвращенія швейцара. Ноги, измученныя ходьбой, у нея болѣли; глаза слипались отъ усталости, голова сама клонилась на грудь, сонъ все властнѣе овладѣвалъ Марго, и не прошло и пяти минутъ, какъ она захрапѣла на лѣстницѣ въ удобномъ мягкомъ креслѣ.

Много ли, мало ли спала дѣвочка—она рѣшительно не могла сообразить, когда проснулась. А просну-

лась она отъ прикосновенія чьей то руки къ ея плечу. Она испуганно открыла глаза.

Передъ ней стоялъ толстый человѣкъ въ одеждѣ швейцара.

— Вы къ генералу Гродовцеву, барышня?—обратился онъ вѣжливо къ Марго.—Нѣтъ генерала здѣсь... Уѣхалъ онъ со всѣмъ семействомъ не то за границу, не то—въ имѣнье къ себѣ... Намъ неизвѣстно. Вернется только поздно осенью.

— Какъ? Какъ?—вырвалось у Марго.—Вѣдь онъ ждалъ насъ къ себѣ... Звалъ, приглашалъ... Мы нарочно ѣхали сюда.

— Кто ѣхалъ?—спросилъ, ничего не понимая, швейцаръ.

— Я и моя мама. Она въ гувернантки была приглашена къ генеральскимъ дѣтямъ... И я съ ней...

— Это вѣрно. Это я слышалъ, что передъ отъѣздомъ ожидалась сюда француженка съ дочкой. Да по дорогѣ случилось несчастье, обѣ будто погибли,—такъ писали въ газетахъ. Очень сожалѣлъ генералъ. А дѣти ихніе тоже... А потомъ взяли другую гувернантку. И недавно уѣхали...—закончилъ добродушно швейцаръ.

Точно громъ грянулъ надъ головой Марго.

«Взяли другую гувернантку»... «Уѣхали»... «Вернутся только осенью»,—звучали въ ея ушахъ страшныя, совсѣмъ неожиданныя слова.

— Что же мнѣ дѣлать теперь? Куда идти?—заплакала Марго и, какъ бы не понимая всего ужаса своего положенія, спустилась бѣгомъ съ лѣстницы, про-

шла мимо озадаченнаго сынишки швейцара, открывшаго передъ ней тяжелую дверь, и вышла на улицу.

ГЛАВА XXII.

На безлюдной улицѣ.

Выйдя изъ подъѣзда дома, гдѣ жилъ генералъ Гродовцевъ, Марго пошла направо, потомъ налѣво и прошла по какому-то длинному мосту, освѣщенному электрическими фонарями. По мосту взадъ и впередъ бѣгали вагоны трамвая.

Длинный мостъ кончился. Началась набережная. Здѣсь было гораздо тише и глуше, нежели по ту сторону рѣки. Здѣсь и дома были не такіе высокіе, какъ тамъ. Все чаще и чаще попадались среди каменныхъ домовъ маленькія деревянныя строенія. Здѣсь и народу было куда меньше, прохожіе одѣты были скромно, а подчасъ и очень бѣдно.

Пройдя еще немного, малютка Марго повернула въ какой-то переулокъ. Потянулись заборы, за ними склады дровъ... Марго все шагала и шагала по узенькимъ панелямъ. Она сама не знала, куда и зачѣмъ идетъ. Одной рукой она тѣсно прижимала къ груди свертокъ съ бѣльемъ, которое ей купила сегодня Авдотья.

У длиннаго полуразрушеннаго забора одного стараго дома, Марго увидѣла нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ на землѣ. Отъ всѣхъ пахло водкой; лица у нихъ были красныя, а глаза злые, злые. Они сидѣли молча, какъ будто кого-то поджидая. Марго стало страшно.

Она поспѣшила пройти мимо. Кругомъ было такъ глухо, что, казалось, будто улица эта не въ Петербургѣ, а въ какомъ-нибудь отдаленномъ провинціальномъ городишкѣ.

Неожиданно Марго услышала за собою слова:

— Эй, дѣвочка, остановись-ка... Подай копеечку...

Это говорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ на землѣ оборванцевъ, которые, замѣтивъ дѣвочку, поднялись съ своего мѣста и пошли за ней.

— Вчера изъ больницы выписался, дай на лѣкарство копеечку...—глухо проворчалъ другой изъ нихъ.

Испуганная француженка замерла на мѣстѣ. Вокругъ нея, словно изъ-подъ земли, выросла цѣлая толпа оборванцевъ.

Марго совсѣмъ растерялась, долго молчала и лишь черезъ нѣсколько минутъ жалобно произнесла:

— У меня нѣтъ денегъ... Пустите меня...

— Ха, ха, ха! Такъ мы тебѣ и повѣрили!—залился хриплымъ смѣхомъ одинъ оборванецъ.—Чтобы у такой разодѣтой маленькой барышни да не было ни копейки! Дудки, дудки! А это что у тебя?

— Это бѣлье... Немножко бѣлья,—прошептала въ страхѣ дѣвочка, вся холодѣя отъ ужаса.

— Для тебя, можетъ, это немножко, а намъ весьма

достаточно будетъ. Давай сюда, мы посмотримъ твой багажъ,—присталъ другой оборванецъ и выхватилъ у дѣвочки свертокъ.

— А кстати сними-ка и пальто, барышня, куда оно тебѣ, а намъ пригодится...—вмѣшалась приблизившись одна женщина.

Марго, ошеломленная, не двигалась съ мѣста, не могла проронить ни слова. А женщина, не дожидаясь, чтобы Марго исполнила ея приказаніе, быстро подскочила къ ней и въ одну минуту сорвала съ Марго ея новое пальто.

— Вотъ такъ славная штучка! На три года хватитъ,—засмѣялась она.—Не снилось моей Лизкѣ такой обновки, ей-ей не снилось.

Но тутъ высокій оборванецъ подскочилъ къ женщинѣ и сталъ вырывать у нея изъ рукъ пальто Марго.

— Съ чего ты взяла, что твоя дочка носить его будетъ?—закричалъ онъ сердито.—Сейчасъ же отнесемъ его и продадимъ, а деньги подѣлимъ поровну, чтобы никому обидно не было.

— Такъ я и позволю!.. Такъ я и позволю!—упрямилась женщина.—Такъ и отдамъ!.. Я отняла пальто съ дѣвчонки, значитъ, оно мое и баста!

— Какъ бы не такъ. Держи карманъ шире!

Оборванцы жарко заспорили, продолжая вырывать пальто другъ у друга. Ссорились и ругались. Ссора скоро перешла въ драку...

Проходившій городовой услышалъ шумъ, остановился и подалъ свистокъ. Появился другой городовой,

— Это бѣлье... Немножко бѣлья...—жалобно произнесла Марго. ..

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

а затѣмъ дворникъ. За нимъ второй, третій... Къ забору со всѣхъ сторонъ бѣжали люди...

Вдругъ высокій оборванецъ сильно дернулъ за руку Марго.

— Посмѣй только пикнуть, что съ тебя пальто сняли и отняли свертокъ... Изувѣчу тогда... убью.., А теперь бѣги отсюда, да живо... Бѣги бѣгомъ во всю прыть, не то тебѣ же хуже будетъ...

Сказавъ это, онъ такъ сильно толкнулъ Марго въ спину, что та отлетѣла отъ него на нѣсколько шаговъ.

Перепуганная угрозами оборванца, Марго бросилась бѣжать. Она мчалась теперь такъ быстро, какъ только позволяли ей силы.

Вотъ пролетѣла она одинъ переулокъ и еще одинъ... Передъ ней вдругъ какія-то деревья: не то садъ, не то роща... Наткнувшись въ темнотѣ на скамейку, Марго упала ничкомъ и, совершенно измученная пережитыми волненіями и бѣгствомъ, застыла такъ на широкой доскѣ скамейки, окончательно выбившись изъ силъ...

ГЛАВА XXIII.

Приключенія Марго продолжаются.

МАРГО лежала на скамейкѣ, не двигаясь.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ! — услышала она вдругъ собачій лай близко, близко отъ себя.

Огромный песъ мчался прямо къ скамейкѣ, на которой лежала Марго. Ей никогда не приходилось видѣть такую большую собаку.

Дѣвочка ужасно испугалась, вскочила со скамейки и бросилась бѣжать, издавая отчаянные крики.

За нею по пятамъ гналась страшная собака. Марго слышала, какъ собака дышала за ея спиною, какъ тяжело шлепали по аллеѣ мохнатыя лапы чудовища... Ноги, казалось, сами несли безъ оглядки мчавшуюся дѣвочку.

«Сейчасъ нагонитъ... Укуситъ... Загрызетъ...»—думала Марго и, не чувствуя усталости, продолжала мчаться впередъ.

Вдругъ она на что-то налетѣла. Это былъ широкій пень, торчавшій на краю дороги и не замѣченный бѣжавшей безъ оглядки дѣвочкой. Марго спотк-

нулась, взметнула руками и, вскрикнувъ еще отчаяннѣе, еще громче, чѣмъ прежде, растянулась плашмя посреди аллеи.

Въ тотъ же мигъ горячее дыханіе настигшей ее собаки обожгло ей руки и шею, а острые зубы вцѣпились въ платье дѣвочки.

— Ай!—вскрикнула не своимъ голосомъ Марго и закрыла глаза.

— Лордъ! Лордъ! Негодяй ты этакій! Не смѣй! На смерть напугалъ ребенка! Я тебѣ задамъ за это! Лордъ! — раздался надъ головой лежавшей дѣвочки незнакомый мужской голосъ.

Въ ту же минуту чьи-то сильныя руки приподняли ее съ земли и поставили посреди аллеи, и чьи-то озабоченные глаза съ тревогой заглядывали въ испуганное, блѣдное личико Марго.

— Что съ тобою, дѣвочка? Ты ушиблась? Испугалась?—произнесъ не то взволнованно, не то радостно высокій человѣкъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ и темно-рыжемъ широкомъ пальто.

— Ну, ничего, ничего... Ушибла колѣно? Не бѣда, заживетъ. Не плачь, не плачь, бѣдненькая... Вѣдь слезы горю не помогутъ. Лучше говори скорѣе, гдѣ живутъ твои родители. Куда мнѣ тебя отвести?

Марго довѣрчиво взглянула на высокаго человѣка, который съ ней говорилъ. Потомъ она перевела свой взглядъ на пса-великана, какъ ни въ чемъ не бывало растянувшагося у скамейки и добродушно похлопывавшаго по землѣ своимъ длиннымъ пушистымъ хвостомъ.

— Ха-ха! Ты любуешься моей собакой?—снова за-

говорилъ высокій человѣкъ. — Она только на видъ страшна, страшна своимъ ростомъ, но совсѣмъ не злая. Она еще очень молода и глупа, не можетъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Но это не важно. Скажи же, гдѣ твои родители, родные или знакомые?.. Я долженъ это знать, чтобы доставить тебя къ нимъ.

— У меня нѣтъ родителей...—вздохнула Марго.

— А родные?

— Тоже нѣтъ.

— Гм, гм... Есть... можетъ быть, друзья?

— Увы, они въ Парижѣ.

— Прекрасно! Прекрасно!—неожиданно произнесъ незнакомецъ. Да, это отлично, что ты одна-одинешенька на свѣтѣ, что у тебя нѣтъ ни родной души... Отнынѣ я самъ буду твоимъ воспитателемъ; четверо мальчиковъ будутъ твоими братьями и четверо дѣвочекъ—сестрами. Съ ними ты станешь расти и воспитываться съ этого дня... Мы дойдемъ сейчасъ до паровой конки, которая умчитъ насъ въ пригородъ Лѣсной. Тамъ находится мой домъ... А пока разскажи мнѣ, какъ ты попала сюда изъ Парижа и какимъ образомъ очутилась здѣсь на петербургскихъ улицахъ ночью одна.

Въ это время собака стала тереться у ногъ своего хозяина, мѣшая ему ходить.

— Лордъ, впередъ! Не тереться у моихъ ногъ! Живо впередъ!—прикрикнулъ онъ на собаку.

Лордъ вскочилъ, завилялъ хвостомъ и бросился впередъ.

Мистеръ Джонъ, какъ самъ себя назвалъ незнако-

мецъ, крѣпко взялъ за руку Марго и, приказавъ ей все правдиво и подробно разсказать о себѣ, повелъ ее къ мѣсту, гдѣ останавливается паровая конка.

Марго, довѣрившись своему спутнику, разсказала ему все, что случилось съ нею за послѣдніе мѣсяцы.

Во время разсказа мистеръ Джонъ держалъ себя очень странно: онъ то прищелкивалъ языкомъ, или пальцами, то какъ будто подпрыгивалъ на мѣстѣ, то вдругъ начиналъ потирать руки и весело улыбаться, несмотря на то, что все разсказываемое ему дѣвочкой было весьма печально.

— Хорошо, хорошо! Прекрасно! Нельзя желать ничего лучшаго...—бормоталъ онъ про себя.

Когда Марго закончила свой невеселый разсказъ, мистеръ Джонъ положилъ ей на плечо руку и сказалъ:

— Итакъ, тебѣ идти некуда, ты останешься у меня. Сколько тебѣ лѣтъ, пять или шесть?

— Нѣтъ, мнѣ скоро минетъ девять.

— Какъ? Такая букашка и тебѣ уже девять лѣтъ?

— Да, девять...

— Впрочемъ, и это хорошо! Тебѣ не холодно? Ты не устала?

Марго было очень холодно безъ пальто, которое стащили съ нея только что грабители. Она также очень устала, но постѣснялась сказать объ этомъ своему незнакомцу-спутнику.

Мистеръ Джонъ, однако, самъ понялъ, что ей холодно, что она утомлена, и, снявъ съ себя пальто, закуталъ въ него съ головою дѣвочку, поднялъ ее на руки и понесъ.

Они поспѣли какъ разъ во время. Паровикъ уже готовился двинуться съ мѣста.

Мистеръ Джонъ поднялся на площадку вагона, и оттуда приказалъ Лорду, оставшемуся на улицѣ, не отставать отъ конки. Собака, повидимому, поняла приказаніе своего хозяина. Черезъ двѣ или три минуты конка тронулась съ мѣста, а Лордъ съ громкимъ лаемъ стрѣлою помчался за вагономъ, гдѣ сидѣлъ его хозяинъ съ маленькой дѣвочкой.

ГЛАВА XXIV.

Воспитанники и воспитанницы мистера Джона.

ВЪ самомъ концѣ длиннаго переулка дачной мѣстности стоитъ небольшой домикъ. Здѣсь живутъ зиму и лѣто, круглый годъ. И круглый годъ въ нижнемъ этажѣ домика по вечерамъ горитъ висячая лампа подъ широкимъ зеленымъ абажуромъ, освѣщая восемь дѣтскихъ головокъ.

Это—воспитанники и воспитанницы мистера Джона, выдающаго себя за знатнаго англичанина, пріѣхавшаго изъ Лондона. Но многіе изъ сосѣдей знаютъ, что мистеръ Джонъ не только не знатный англичанинъ, но и вовсе не англичанинъ.

Впрочемъ маленькимъ дѣтямъ рѣшительно все равно кто ихъ хозяинъ: англичанинъ или турокъ, шведъ или грекъ, русскій или нѣмецъ. Онъ ихъ привелъ сюда въ теплую уютную дачу прямо съ глухихъ петербургскихъ улицъ, гдѣ они просили милостыню у прохожихъ, или изъ сырыхъ грязныхъ подваловъ, гдѣ они жили впроголодь среди взрослыхъ нищихъ. Онъ при-

велъ ихъ сюда и поселилъ здѣсь, предоставилъ имъ сытую и хорошую жизнь.

Воспитывалъ мистеръ Джонъ дѣтей по-своему. Онъ старался, чтобы дѣти знали грамоту и счетъ, и, въ то же время заботился объ ихъ здоровьи и училъ ихъ гимнастикѣ. Обыкновенно у мистера Джона жило восемь человѣкъ дѣтей. Случалось, что кто-нибудь изъ дѣтей, соскучившись жизнью въ дачномъ домикѣ, убѣгалъ отъ мистера Джона; тогда мистеръ Джонъ приводилъ новыхъ дѣтей, подобранныхъ на улицѣ или уведенныхъ изъ сырыхъ грязныхъ подваловъ, гдѣ они страдали отъ голода и холода. И съ этой цѣлью онъ уѣзжалъ въ городъ и бродилъ со своимъ «Лордомъ» по глухимъ улицамъ, выискивая безпріютныхъ малышей.

Въ тотъ вечеръ, когда Марго явилась сюда, четыре мальчика и четыре дѣвочки сидѣли за столомъ и занимались починкою платья.

Мальчики накладывали заплаты на свои куртки, дѣвочки штопали чулки. Старшему мальчику, черноглазому Сенѣ, котораго его товарищи и сверстницы прозвали татариномъ за бритую, какъ шаръ гладкую голову, было лѣтъ двѣнадцать. За нимъ слѣдовала дѣвочка Нюша-лѣвша, умѣвшая шить и писать лѣвой рукой. Былъ тутъ и Гаврюкъ, худенькій милый болѣзненный мальчикъ, котораго часто дразнили, называя барышней. Былъ плутоватый и лукавый Коля—буянъ и задира, котораго и прозвали Буяномъ. Былъ совсѣмъ маленькій семилѣтній Горька, отчаянный капризникъ и злюка, несмотря на свой юный возрастъ. Были, наконецъ, три дѣвочки: десятилѣтняя Дуня—

хорошенькая, очень гордая; Таня по прозвищу, Царевна-неулыба, и Ася, имѣвшая очень скверную привычку доносить своему хозяину и воспитателю обо всемъ, что ни дѣлалось въ домикѣ.

Дѣти, занятыя работой, то и дѣло, поглядывали на дверь.

— Что-то онъ долго нынче... Должно быть, кого-нибудь приведетъ,—промолвила Дуня.

— Нѣтъ, вѣрно, нынче никого не приведетъ: недавно только Гаврилку пріютилъ,—возразила Нюша, продолжая ловко работать иголкой.

— Эй вы, дѣвчонки, время самоваръ ставить. Маршъ которая-нибудь на кухню,—скомандовалъ вдругъ Коля-Буянъ.

— Командиръ какой, подумаешь!.. — обидѣлась Ася.—Нынче не наша очередь, вы, мальчишки, дежурные всю эту недѣлю.

— Вотъ и врешь!—вмѣшался Горька, вытягивая впередъ свою лисью остроконечную мордочку.—Прошлая недѣля была наша, а таперича вашъ чередъ!

— Какъ бы не такъ!—отрѣзала Ася.—Съ мѣста не двинусь и другимъ не велю!

— А я тебя силкомъ стащу съ мѣста!—закричалъ Коля-Буянъ.

— Попробуй!—угрожающе протянула Ася.

— Да не ссорьтесь вы, ради Господа,—вмѣшался Сеня-татаринъ.—Слушать тошно, каждый вечеръ ругаетесь, ну васъ! Пойду и поставлю самоваръ.

— Пойдемъ, Сеня, я пособлю тебѣ,—вскакивая съ своего мѣста, предложила Дуня.

Но Ася и Коля ничего уже не хотѣли слушать. Какъ два разъяренные пѣтушка наскакивали они другъ на друга. Коля-Буянъ, весь красный, съ круглыми злыми глазами, сжимая кулаки, подступалъ къ Ясѣ.

— И стащу тебя на кухню... за вихоръ стащу. И самоваръ ставить заставлю и кашу разогрѣвать!..— кричалъ онъ на всю комнату.

— Попробуй, тронь только...

— И попробую, и трону!

— А ну-ка, тронь...

— А вотъ, трону...

— А тронь...

— И трону!

— Ну...

— Вотъ!

Рука Коли-Буяна протянулась къ головкѣ Яси. Не успѣлъ мальчикъ дотронуться до нея, какъ Ася завизжала, закричала такъ, что всѣмъ страшно стало. Даже стекла какъ будто зазвенѣли отъ этого крика.

Въ тотъ же мигъ широко распахнулась дверь, и въ комнату, какъ вихорь, сначала влетѣлъ громадный «Лордъ», а за нимъ вошелъ мистеръ Джонъ, держа на рукахъ дѣвочку.

ГЛАВА XXV.

Странный хозяинъ.

ЧТО за гвалтъ? Замолчать сію же минуту,—загремѣлъ мистеръ Джонъ на весь домъ, едва переступивъ порогъ комнаты. А Яся при появленіи хозяина нарочно заплакала громче и жалобнѣе чѣмъ прежде.

— Яся, что ты? Кто тебя обидѣлъ?—озабоченно и тревожно обратился мистеръ Джонъ къ дѣвочкѣ и быстро спустилъ на полъ удивленно поглядывавшую на дѣтей Марго.

— Кто тебя обидѣлъ?—еще разъ обратился онъ къ Ясѣ.

— Колька-Буянъ... Меня хо-тѣлъ за во-ло-сы оттаскать... За ви-и-и-хорь схва-а-тилъ меня... Ми-и-истеръ Джонъ...—продолжая всхлипывать и надрываться въ слезахъ, обиженнымъ голосомъ пробурчала она въ отвѣтъ.

— Коля? Да? Николай, поди сюда!—грозно крикнулъ хозяинъ домика.—Поди-ка сюда!

Дѣти, толпившіяся вокругъ Марго и съ любопыт-

ствомъ ее разглядывавшія, рѣшили заступиться за товарища.

— Нѣтъ, нѣтъ, Коля не виноватъ нынче, мистеръ Джонъ. Онъ не трогалъ Яси, онъ только руку протянулъ, а она какъ завизжала...—торопливо поясняли они.

— Ровно поросенокъ,—высунувшись изъ-за плечъ своихъ сверстниковъ, прибавилъ Коля, до сихъ поръ прятавшійся отъ хозяина въ углу.

— Молчать! Я все знаю! Вы всегда всѣ обижаете Ясю!—прикрикнулъ на дѣтей мистеръ Джонъ и снова обратился къ Колѣ, который, испугавшись грознаго вида хозяина, опять юркнулъ въ уголъ.

— Маршъ сюда! Ты будешь наказанъ...

— Мистеръ Джонъ...—взмолился Буянъ.

— Тебѣ говорятъ... Сюда!

Не повторяя больше своего приказанія, мистеръ Джонъ шагнулъ къ Колѣ и схватилъ мальчика за плечи. Коля и опомниться не успѣлъ, какъ взлетѣлъ высоко на воздухъ, подброшенный хозяиномъ.

— Ступай наверхъ, если внизу не умѣешь уживаться!

— О, только не наверхъ, мистеръ Джонъ, только не наверхъ!—опять взмолился Буянъ плаксивымъ тономъ.

— Нѣтъ, наверхъ, наверхъ, сію же минуту!

И все еще высоко держа надъ головой Колю-Буяна, мистеръ Джонъ вскочилъ на стулъ, оттуда прыгнулъ на столъ и, напряженно вытянувъ руки, посадилъ мальчика на верхушку высокаго платяного шкапа, стоявшаго у самыхъ дверей.

— Вотъ такъ! Сиди тутъ, пока мы будемъ ужинать,—грозя пальцемъ, обратился онъ къ Колѣ.

Все это произошло такъ быстро, что никто и опомниться не успѣлъ. А черезъ минуту, какъ ни въ чемъ не бывало, мистеръ Джонъ уже былъ спокоенъ, добръ и ласково говорилъ дѣтямъ, указывая на Марго:

— Вотъ вамъ новая товарка и подруга. Кто ее обидитъ—будетъ наказанъ. Надѣюсь, никто изъ васъ не захочетъ отдыхать на шкапу во время ужина и обѣда. А теперь несите самоваръ и кашу, живо маршъ!

ГЛАВА XXVI.

Маленькая хитрость. Ночь въ домикѣ мистера Джона.

ДУНЯ, Нюша-лѣвша и Таня принесли изъ кухни дымящуюся миску съ кашей, тарелки и ложки, и поставили посреди стола. Дѣти и хозяинъ заняли свои мѣста и принялись съ аппетитомъ уничтожать вкусную похлебку.

Малютку Марго мистеръ Джонъ посадилъ возлѣ себя. Дѣвочка, пережившая за этотъ день столько волненій, до сихъ поръ совсѣмъ не чувствовала голода. Но ароматъ вкусной, жирной отъ масла гречневой каши напомнилъ ей о томъ, что она весь день ничего не ѣла. И Марго за ужиномъ не отставала отъ остальныхъ дѣтей, не сводившихъ глазъ съ тарелокъ.

Тотъ же вкусный ароматъ раздражалъ и наказаннаго Колю-Буяна. Онъ свѣсился головой со шкапа и съ жадностью поглядывалъ на миску, въ которой дымилась каша. Ѣсть ему хотѣлось страшно, но не было никакой надежды быть прощеннымъ до конца ужина.

Мистеръ Джонъ бывалъ неумолимъ въ такихъ случаяхъ и доводилъ наказаніе до конца.

Однако, Коля сталъ придумывать, чѣмъ все-таки смилостивить хозяина и добиться разрѣшенія сойти внизъ. Вдругъ блестящая мысль пришла въ голову мальчика. Онъ состроилъ самую несчастную рожицу, изобразилъ на своемъ лицѣ жалобную плачевную гримасу и громко застоналъ, схватившись обѣими руками за животъ.

— Ой-ой-ой... Больно... Ай-ай-ай, какъ больно! Ай-ай, ой-ой!

— Что такое случилось?—подскочилъ на стулѣ мистеръ Джонъ.

— Животъ заболѣлъ, мистеръ Джонъ,—раздалось въ отвѣтъ со шкапа.—Мочи нѣтъ, какъ болитъ.

— Гм... Гм... У тебя заболѣлъ животъ?

— Страсть, какъ болитъ... Ой-ой-ой!—застоналъ снова, Коля-Буянъ.

— Вотъ, какъ! Съ чего это вдругъ? Ну, ничего не подѣлаешь, слѣзай, разъ такъ болитъ.

Этого только и ожидалъ Коля. Съ ловкостью кошки, вцѣпившись обѣими руками въ карнизъ, спрыгнулъ онъ на полъ. Очутившись внизу и предполагая, что хозяинъ забылъ уже все, онъ подошелъ къ столу, взялъ свою ложку и протянулъ руку къ кашѣ.

— Нѣтъ, мой милый, этого нельзя. Разъ у тебя болитъ животъ, ты долженъ воздержаться отъ пищи,— остановилъ его мистеръ Джонъ.

— Но... но...—залепеталъ Коля, убѣдившись, что его хитрость ни къ чему не привела.

— Да,—повторилъ мистеръ Джонъ,—нельзя ѣсть кашу, когда животъ такъ болитъ. Сеня сейчасъ пойдетъ въ аптеку и принесетъ тебѣ касторoваго масла на десять копеекъ. Это будетъ тебѣ вмѣсто каши.

— Я касторки не хочу, не могу взять ее въ ротъ... Гадость это!—захныкалъ было Коля.

— Ну, любезный, если ты самъ не сможешь взять въ ротъ лѣкарство, — спокойно произнесъ мистеръ Джонъ,—такъ мы его тебѣ вольемъ. А теперь, Сеня, маршъ въ аптеку, а ты, Николай, ложись въ постель и жди лѣкарства! Больные не должны быть на ногахъ.

Дѣлать было нечего. Бѣдному Буяну пришлось лечь въ постель голоднымъ и, будучи совершенно здоровымъ, выпить отвратительное лѣкарство, принесенное изъ аптеки.

— Ничего, мой милый!—спокойно повторялъ, видя его гримасы во время пріема касторoваго масла, мистеръ Джонъ.—Пусть голодъ и касторка отучатъ тебя врать.

Ровно въ десять часовъ вечера тушили огонь въ домикѣ мистера Джона, и всѣ укладывались спать. Дѣвочки спали въ одной комнатѣ, мальчики съ хозяиномъ въ другой. Прислуги мистеръ Джонъ не держалъ; дѣти сами готовили себѣ обѣдъ, мыли и убирали комнаты, стирали бѣлье, штопали чулки, чинили одежду.

Лордъ исполнялъ обязанность ночного сторожа и послѣ ужина, который онъ всего аккуратно получалъ, отправлялся на дворъ стеречь домикъ.

Четыре очень скромныя жесткія кровати стояли возлѣ стѣнъ въ комнатѣ дѣвочекъ. Марго постлали постель на диванѣ. Отсюда она хорошо видѣла, какъ долго Нюша-лѣвша стояла на колѣняхъ и, отвѣшивая земные поклоны, усердно крестилась лѣвой рукой, видѣла, какъ куда-то, стараясь быть незамѣченной, прошмыгнула изъ комнаты бѣлобрысая Яся.

— Это она пошла на кухню. Каждый вечеръ ходитъ она туда, говоритъ, чтобы убирать посуду, а на самомъ дѣлѣ, только чтобы все хозяину разсказать, все, что дѣлается у насъ. Ужъ такая она сплетница,—шопотомъ сообщила Марго Дуня, присаживаясь на край дивана.

Между дѣвочками завязался разговоръ. Дуня начала разспрашивать Марго, кто она такая, откуда взялась и какъ попала къ мистеру Джону.

Марго разсказала все безъ утайки.

Къ нимъ присоединились Таня и Нюша-лѣвша и внимательно слушали невеселую повѣсть новенькой дѣвочки.

— Такъ вотъ ты кто! Не нищая, а барышня!— протянула Дуня удивленно.—Ну, дѣвочка, не ко двору ты придешься здѣсь. Трудно тебѣ будетъ у насъ. Ужъ коли нашей Танѣ, «Царевнѣ-Неулыбѣ», трудно—а она всего только дочка бѣдной швейки—такъ тебѣ, настоящей барышнѣ, и подавно не легко будетъ.

— Да отчего же?.. Бьетъ онъ васъ, мистеръ Джонъ? Наказываетъ развѣ часто?—не безъ волненія спросила Марго.

— Ну, нѣтъ, грѣхъ врать на него. Бить-то онъ не бьетъ, а наказывать—наказываетъ, ты сама вѣдь видѣла, какъ онъ на шкапъ сажаетъ, когда провинишься. Не провиниться же передъ нимъ нельзя...

— Да почему же?—снова спросила Марго у дѣвочки.

— А вотъ сама увидишь. Все у него по часамъ да по правиламъ: и гимнастика, и ученье, и работа. Работы же страсть сколько тутъ; отдыхаемъ только тогда, когда его дома нѣтъ,—отвѣтила Дуня.

— То ли дѣло было, когда мы на улицахъ милостыньку собирали, либо сапожными шнурками да булавками торговали! Жилось свободно, работа была легкая!—прибавила Нюша-лѣвша.

— Я убѣгу, убѣгу скоро отсюда, какъ Петька и другіе...—неожиданно произнесла Таня.

— Выдумала тоже!.. Кто тебя пуститъ! Яська узнаетъ, донесетъ, мистеръ Джонъ съ Лордомъ живо поймаютъ. Еще горше будетъ потомъ.

— Не будетъ горше, убѣгу,—упрямо твердила Таня.

— Да куда пойдешь-то? Мать твоя умерла; сирота ты круглая.

— Нищенкой буду, побираться стану, а только здѣсь не останусь ни за что. И тебѣ не совѣтую,—обратилась Таня къ Марго. Вотъ—ты побыла у насъ—развѣ замѣтила что хорошаго, а? Яська ябедничаетъ, несправедливо Кольку наказываютъ за нее, ѣда плохая, надо убирать посуду, готовить, стирать. Ну, а что завтра еще будетъ—погоди, милая, узнаешь.

— Тише, тише, Яська идетъ,—зашептали Нюша и Дуня, дергая за рукавъ Таню, и дѣвочки, шарахнувшись отъ дивана Марго, въ одинъ мигъ нырнули, каждая въ свою жесткую постель.

ГЛАВА XXVII.

Что было на другой день.

ШУМЪ, возня, разговоръ, кашель, раздававшіеся за стѣной, разбудили Марго отъ сна. Она раскрыла заспанные глаза и удивленно оглянулась вокругъ.

Солнце ярко свѣтило въ окно, незавѣшенное сторой. Четыре кровати, находившіяся въ комнатѣ, были сейчасъ пусты. Марго оглянула еще мало знакомую ей обстановку и сразу вспомнила все, что случилось наканунѣ съ ней. Вспомнила мистера Джона, огромнаго Лорда, домикъ за городомъ, новыхъ товарищей и товарокъ.

А шумъ за стѣной все продолжался и продолжался.

Марго стало страшно. Она никакъ не могла разобрать, что дѣлается въ слѣдующей комнатѣ.

Приподнявшись съ дивана, она посмотрѣла на дверь. Дверь оказалась пріоткрытой. Марго вытянула шейку и стала напряженно смотрѣть въ отверстіе.

Сначала ничего не было видно, только все еще слышались странные звуки, которые теперь казались громче и страннѣй...

Вдругъ Марго отшатнулась назадъ къ дивану, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ. За дверью показалось что-то большое, длинное, неуклюжее.

Марго смотрѣла на странное движущееся существо и готова уже была закричать отъ страха, но, узнавъ мистера Джона, успокоилась. Онъ ползъ по сосѣдней комнатѣ на четверенькахъ, съ краснымъ напряженнымъ лицомъ, ударяя себя правой рукой по спинѣ и испуская при этомъ громкое оханье и кряхтѣніе.

За мистеромъ Джономъ въ такомъ же положеніи ползъ Сеня-татаринъ, за Сеней—Коля-Буянъ, за Колей—Гаврюша, за нимъ—Горя... Потомъ точно такъ же гуськомъ двигались дѣвочки... Ася замыкала это странное шествіе на четверенькахъ. Когда Ася очутилась у пріоткрытой двери спальни, она повернула голову и увидала Марго, у которой были широко раскрыты отъ испуга и удивленія глаза.

— Мистеръ Джонъ,—вскочивъ на ноги, произнесла Ася громко,—новенькая дѣвочка проснулась и, вѣрно, испугалась насъ.

— Испугалась? Чего же? Вотъ-то маленькая глупышка!

Тутъ мистеръ Джонъ и дѣти прекратили гимнастику, вошли въ комнату дѣвочекъ и окружили лежавшую на диванѣ блѣдную, дрожащую Марго.

— Ты, кажется, испугалась, малютка? Не бойся ничего. То, что ты видѣла, не минуетъ и тебя, ты должна будешь продѣлывать то же самое. Это—такая гимнастика, очень полезная для здоровья. Всѣ живущіе у меня въ домѣ обязаны заниматься гимнастикой

самымъ аккуратнымъ образомъ каждое утро... Ну, теперь вставай. Тебѣ дадутъ, когда ты умоешься и одѣнешься, стаканъ молока съ хлѣбомъ, а затѣмъ начнется урокъ.

Марго оставалось только повиноваться. Дуня и Нюша-лѣвша помогли ей одѣться. Затѣмъ первая принесла ей молока и хлѣбъ, а вторая причесала въ двѣ косички ея черные непокорные локоны, нѣсколько дней уже не знавшіе гребешка.

Черезъ часъ Марго сидѣла уже за столомъ въ очень холодной комнатѣ, гдѣ зябли руки и ноги, точно зимою, и подъ руководствомъ мистера Джона зубрила буквы русской азбуки. Остальные, склонясь вдвоемъ или втроемъ чадъ одной книжкой, тоже заучивали буквы, склады, цѣлыя предложенія.

Мистеръ Джонъ перебѣгалъ отъ одного ученика къ другому, отъ одной своей воспитанницы къ другой.

— Ну, ну, не лѣнитесь! Не будьте разсѣяны, работайте, работайте хорошенько!—то и дѣло подгонялъ онъ дѣтей.

Семилѣтній Горя никакъ не могъ справиться съ трудною для него азбукою. Онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ и громко вздыхалъ на всю комнату. Неожиданно его звонкій голосъ нарушилъ тишину:

— Не могу болѣе, мистеръ Джонъ, у меня въ ухѣ что-то свиститъ.

— Что такое?—высоко поднимая брови, удивился мистеръ Джонъ.

— Въ ухѣ, говорю, свиститъ,—повторилъ, нимало не смущаясь Горя.

Нюша причесывала Марго ея черные локоны.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

— Какъ такъ?..

— Да такъ, свиститъ,—упирался, стоя на своемъ, мальчуганъ.

Дѣти дружно залились звонкимъ хохотомъ.

— Звенитъ, можетъ быть, хочешь ты сказать?— замѣтилъ строго мистеръ Джонъ.

— Не, свиститъ, пока что... Говорю свиститъ...— упирался, стоя на своемъ, мальчуганъ.

— А ну-ка, дай сюда твое ухо, я послушаю.

И мистеръ Джонъ, быстро шагнувъ къ Горѣ, наклонился надъ нимъ и сталъ осматривать его ухо.

— Нѣтъ, въ Гориномъ ухѣ нѣтъ никакого свиста!—сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ, поднялъ палецъ кверху и крикнулъ:

— Бездѣльникъ, живо ступай на шкапъ!

Черезъ двѣ-три минуты Горя уже былъ на шкапу. Сначала онъ тамъ сидѣлъ спокойно, но скоро началъ выражать нетерпѣніе.

— Спустите меня внизъ поскорѣе: я, кажется, проглотилъ паука!—закричалъ онъ вдругъ на всю комнату.

Мистеръ Джонъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на шкапъ и на Горю, задравъ голову кверху, какъ бы соображая, правду ли говоритъ шалунъ или нѣтъ. Потомъ объявилъ мальчику:

— Бездѣльникъ, совѣтую не забывать, что въ аптекахъ имѣется рвотное, чтобы извлекать изъ желудковъ негодныхъ мальчишекъ проглоченныхъ пауковъ.

Напоминаніе о лѣкарствѣ сразу останавливаетъ Горю. Онъ свѣшивается со шкапа и жалобно, нерѣшительно говоритъ:

— Мнѣ показалось только, что въ ухѣ свистѣло... И что паука проглотилъ, тоже показалось...

Дѣти смѣются; мистеръ Джонъ качаетъ головой.

— Урокъ оконченъ,—черезъ минуту объявляетъ онъ.—Ступайте на работу. Разъ, два, три, маршъ бѣгомъ!

ГЛАВА XXVIII.

Непріятныя обязанности. Петька вернулся.

СНАЧАЛА дѣти идутъ на кухню готовить обѣдъ. Кто растапливаетъ плиту, кто приготовляетъ щепки, кто кипятитъ воду.

Провизія принесена Дуней изъ лавки еще до урока. Рѣжется мясо, кладется въ кастрюлю, ставится на плиту. Марго поручено перемыть макароны. Около нея все время вертится Ася.

— Не такъ, не такъ... Надо сначала разломать надвое каждую макаронину, потомъ уже класть въ кастрюлю,—учитъ она Марго.

Но Марго, никогда не занимавшаяся стряпней, да, кромѣ того, усталая отъ продолжительнаго урока, плохо соображаетъ то, что ей говорятъ.

Ася сердито окидываетъ ее взглядомъ и, обращаясь къ мистеру Джону, заискивающе говоритъ:

— Мистеръ Джонъ, новенькая совсѣмъ не умѣетъ работать... Только зря провизію губитъ... Жалко глядѣть.

— А ты научи ее.

— Я-то учу, да толку не выходитъ.

Мистеръ Джонъ очутился передъ Марго.

— Слушай, дѣвочка, я долженъ предупредить тебя,—говоритъ онъ строго,—если ты хочешь, чтобы тебя кормили, поили, одѣвали здѣсь, то изволь работать и во всемъ повиноваться старшимъ дѣтямъ. Нужно тебѣ сказать: я не терплю бездѣльниковъ и лѣнтяевъ.

— Она и не лѣнится,—услышала Марго чей-то спокойный голосъ.—Яся напраслину на нее говоритъ.

Всѣ оглянулись, чтобы посмотрѣть, кто это сказалъ.

— Кто говоритъ это?—обвелъ дѣтей пытливымъ взглядомъ мистеръ Джонъ.

— Я сказала.

И, безстрашно глядя ему въ лицо, впередъ выступила Таня.

— Ага... Неулыба-Царевна заговорила. Жаль только, что невпопадъ,—спокойно, не повышая голоса, произнесъ мистеръ Джонъ.—Ну, если дѣвочка можетъ доносить на свою подругу, то значитъ, ей не мѣсто быть въ обществѣ этой подруги, а поэтому маршъ на шкапъ!

И въ одинъ мигъ хозяинъ подхватилъ Таню и почти бросилъ ее туда, гдѣ уже около получаса, примирившись со своей участью, сидѣлъ Горя.

— Ябедница,—прошепталъ кто-то у самаго уха Яси, но, кто именно произнесъ это,—она не могла разобрать.

Обѣдъ былъ уже готовъ. Дѣти быстро поѣли его.

Горю и Таню мистеръ Джонъ, продержавъ около часа на шкапу, простилъ, наконецъ, и позволилъ имъ присоединиться къ обѣдающимъ. Послѣ обѣда онъ заторопилъ всю свою маленькую команду идти на работу въ садъ.

Здѣсь дѣти должны были окапывать тяжелыми лопатами грядки съ овощами (часть сада была отведена подъ огородъ), полоть траву на дорожкахъ, взрыхлять землю вокругъ яблонь.

— Работа на чистомъ воздухѣ не должна считаться за работу, это одно только удовольствіе. Кто хочетъ заслужить ужинъ, долженъ трудиться, не покладая рукъ,—то и дѣло приговаривалъ мистеръ Джонъ, слѣдя за своими воспитанниками и воспитанницами, копошившимися на грядкахъ и дорожкахъ.

Марго было поручено полоть траву у самой аллеи сада. Непривычная къ работѣ, она очень скоро устала и выбилась изъ силъ. Оттого, что она долго сгибала спину, у нея ныла поясница и кружилась голова.

Нюша-лѣвша незамѣтно приблизилась къ дѣвочкѣ и шепнула:

— Я работаю лѣвою рукою такъ же скоро, какъ и правой. Стало быть, смогу полоть и за тебя и за себя. А ты посиди, отдохни вонъ тамъ за кустомъ, только чтобы Яська тебя не увидѣла. Я же за тебя окончу живо работу.

Марго съ благодарностью взглянула на подругу. Ей ничего не оставалось больше дѣлать, какъ послушаться Нюшу. Она изнемогала отъ усталости. А здѣсь, среди частыхъ кустовъ, не успѣвшихъ еще опасть въ

началѣ осени, она могла полежать и немного отдохнуть.

— Благодарю,—проронила она и незамѣтно отошла съ дорожки въ кусты.

Ей было видно, какъ заработала одинаково быстро и ловко обѣими руками «Лѣвша». Въ нѣсколько минутъ Нюша сдѣлала больше, нежели Марго въ полчаса.

А Марго въ это время лежала съ закрытыми глазами, думая о томъ, какъ бы хорошо было встрѣтиться съ доброй цвѣточницей Машей, или хотя бы найти ту мастерскую, гдѣ она работаетъ. Дѣлать цвѣты много легче, думалось дѣвочкѣ, нежели полоть траву и окапывать деревья и гряды.

Мистеръ Джонъ, такой требовательный и странный, очень пугалъ Марго своими необыкновенными выходками. Куда лучше ужъ было ей сдѣлаться цвѣточницей. Но какъ попасть туда? Адресъ цвѣточной мастерской она потеряла, помнила только со словъ Маши, что цвѣточная мастерская находится гдѣ-то у часовни Спасителя на Петербургской Сторонѣ. А гдѣ была часовня, какая такая Петербургская Сторона—Марго не знала.

— Такъ-то ты работаешь? Эка лѣнтяйка! Вотъ погоди, сейчасъ мистера Джона позову!—произнесъ неожиданно подлѣ нея торжествующій голосъ Яси, которая выскочила изъ-за кустовъ и очутилась противъ Марго.

— Мистеръ Джонъ, а мистеръ Джонъ!—закричала она во весь голосъ.—Идите сюда: новенькая-то, гля-

дите, что дѣлаетъ, бока отлеживаетъ замѣсто того, чтобы работать какъ всѣ!

Но мистеръ Джонъ на этотъ разъ никакого вниманія не обратилъ на слова своей любимицы. Все время очень внимательно слѣдившій за тѣмъ, какъ окапывали мальчики большую старую яблоню, онъ вдругъ насторожился, постоялъ съ минуту неподвижно и, сдѣлавъ скачокъ по направленію къ калиткѣ, бросился на улицу съ такой скоростью, какъ будто у него выросли внезапно крылья за спиной. Черезъ минуту онъ возвратился обратно, но не одинъ. Правой рукой онъ держалъ крѣпко за ухо какого-то мальчишку-оборванца, скорчившагося въ три погибели отъ боли.

Мальчишка, гримасничая и извиваясь всѣмъ тѣломъ, вопилъ:

— Не буду, мистеръ Джонъ, ей Богу, не буду... Не по своей винѣ убѣжалъ отъ васъ весною. Бывшіе товарищи сманили. Ей Богу же, не я виноватъ, а они. Смутили они меня, хозяинъ, а тамъ я простудился, заболѣлъ, въ больницу угодилъ. Утромъ только выпустили нынче... И тотчасъ же къ вамъ, значитъ, прибѣжалъ...

— А зачѣмъ же ты, бездѣльникъ, не прямо пошелъ, а за заборомъ притаился!—строго допытывался у мальчика мистеръ Джонъ.

— Боялся я шибко... Думалъ, осерчали вы на меня такъ, что и на глаза пустить не захотите.

— Ой, врешь ты, пріятель!

— Провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ, коли вру.

Въ то время, какъ мистеръ Джонъ такимъ образомъ переговаривался съ мальчикомъ, дѣти сбѣжались къ нимъ со всѣмъ сторонъ и съ любопытствомъ обступили такъ неожиданно появившагося мальчугана.

— Вернулся-таки. Опять вернулся. Теперь уже больше не побѣжитъ,—перешептывались они между собой.—Попадетъ ему теперь на орѣхи отъ мистера Джона.

Подошла вмѣстѣ съ другими къ пойманному мальчику и Марго, взглянула на него и неожиданно вскрикнула:

— Да вѣдь это Петька!

Дѣйствительно, то былъ Петька, мальчикъ изъ больницы, который хотѣлъ ночью унести у нея деньги изъ-подъ подушки.

Конечно, это былъ онъ..

Марго изъ сотни другихъ мальчиковъ узнала бы Петьку, его худое лицо, его маленькіе плутоватые, злые глазки и хриплый голосъ.

Петька между тѣмъ, при первомъ же взглядѣ на Марго, тоже сразу узналъ ее. Онъ покраснѣлъ, и лицо его сдѣлалось злымъ, презлымъ.

«Ага, это та самая дѣвчонка, которая меня воромъ прославила на всю больницу, — подумалъ уличный мальчишка.—Постой же, теперь ты у меня прославишься! Изъ-за тебя пришлось мнѣ нынче тайкомъ изъ больницы удрать. Мочи терпѣть не было: всѣ воровствомъ попрекали, такъ я-жъ тебя, голубушка, отличу за это. Не даромъ, видно, мы встрѣтились снова. Ужъ удружу я тебѣ, удружу!»

Петька, дѣйствительно, въ это утро убѣжалъ изъ больницы, гдѣ его держали вдали отъ остальныхъ дѣтей послѣ случая съ деньгами Марго. Быть одному и скучать въ одинокой палатѣ онъ не хотѣлъ. Воспользовавшись тѣмъ, что прислуга была занята уборкой палатъ, онъ вышелъ въ коридоръ, оттуда проскользнулъ въ гардеробную, гдѣ находилось его платье, и, самымъ невиннымъ тономъ сказавъ сторожу, что докторъ его выписалъ, попросилъ возвратить ему его рваный костюмъ.

Сторожъ, ничего не подозрѣвая, вернулъ Петькѣ его лохмотья, и онъ въ тотъ же мигъ незамѣтно ушелъ изъ больницы. Три-четыре часа плелся онъ по улицамъ, направляясь къ дачному домику мистера Джона. Но не желаніе опять попасть къ строгому англичанину привлекло сюда бѣглеца, а совсѣмъ другая цѣль.

ГЛАВА XXIX.

Клевета.

Лишь только Петькины глаза встрѣтились съ глазами Марго, мальчикъ заговорилъ:

— Ага, и француженка здѣсь. Вотъ кого не думалъ тутъ встрѣтить. Здравствуй, мамзель! Да какъ же ты сюда попала?

— А развѣ ты знаешь ее, Петръ?—удивился мистеръ Джонъ.

— Какъ же ее не знать: ее всѣ знаютъ,—захохоталъ Петька, и маленькіе глазки его насмѣшливо заблестѣли.

— То-есть, какъ это всѣ?—еще больше изумился мистеръ Джонъ.

— Гы, гы, — захихикалъ Петька, — вѣрно, она вамъ тутъ всѣмъ наплела, что ея мать подъ колесами поѣзда погибла, что на машинѣ сюда съ французомъ прилетѣла, что въ море упала и въ больницу чуть живая потомъ угодила. Наврала она все, не ея мать, а другой дѣвочки погибла, и не ее, а другую доставили въ больницу. А она, вотъ эта самая Маргошка, и не Маргошка даже, а другая. Была она въ боль-

ницѣ вмѣстѣ съ тою француженкою, которая и впрямь съ летательной машины свалилась... Та очень хорошая была, ее всѣ въ больницѣ любили, а это совсѣмъ другая, ябедница да воровка. Мнѣ добрый баринъ одинъ денегъ подарилъ, такъ она ихъ у меня выкрасть хотѣла. Еле-еле уберегли. Вотъ она какая! На всю больницу прославилась! — торжествующе заключилъ Петька.

Во время разсказа Петьки Марго то блѣднѣла, то краснѣла. Ложь и клевета гадкаго мальчишки были такъ неожиданны, что она едва вѣрила своимъ ушамъ.

Мистеръ Джонъ и дѣти смотрѣли на нее теперь крайне недружелюбно.

«Неужели повѣрили? Неужели повѣрили?»—думала бѣдная дѣвочка, и сердце у нея билось тревожно и шибко.

Оправдываться она не могла, не хотѣла. Она такъ сильно была взволнована безстыдной ложью мальчишки, что не въ состояніи была произнести ни одного слова.

— Петька лжетъ! — первый заявилъ Коля-Буянъ и незамѣтно для мистера Джона показалъ кулакъ вруну.

— Понятно, лжетъ!—вмѣшался Сеня-татаринъ.

— Лжетъ, лжетъ Петька! Какъ ему не стыдно!— закричали всѣ остальныя дѣти хоромъ.

— Ей Богу, не вру. Зачѣмъ мнѣ врать?—горячо защищался Петька.

— А почемъ знать, кто изъ нихъ вретъ: можетъ Петька, а можетъ и новенькая,—затянула вдругъ Яся,

взглянувъ враждебно на почему-то не полюбившуюся ей съ первой же встрѣчи Марго.

Мистеръ Джонъ пристально взглянулъ на Ясю, потомъ на Петьку и Марго и произнесъ:

— Не знаю, кто говоритъ правду, кто неправду. Можетъ, онъ вретъ, можетъ, она притворяется. Надо провѣрить ихъ обоихъ. Сейчасъ семь часовъ вечера, и я тотчасъ же отправлюсь въ больницу и все узнаю. Къ полночи буду здѣсь. И тогда берегись, Петръ, если ты солгалъ мнѣ... И ты, Марго, если нѣтъ въ твоихъ словахъ правды,—обратился онъ къ дѣвочкѣ, и лицо его приняло строгое выраженіе, при видѣ котораго Марго, вся задрожала.

Мистеръ Джонъ приказалъ дѣтямъ поужинать и лечь спать не позже десяти часовъ. За Петькой онъ велѣлъ слѣдить старшимъ мальчикамъ, Сенѣ и Колѣ, не спускать съ него глазъ... Затѣмъ онъ надѣлъ свой непромокаемый плащъ, позвалъ Лорда и, выйдя за порогъ домика, быстро зашагалъ по направленію къ паровой конкѣ, сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ въ городъ.

ГЛАВА XXX.

Утѣшеніе.—Что произошло въ тотъ же вечеръ позднѣе.

МАРГО, отказавшись отъ ужина, тихо-тихо плакала, запрятавшись въ дальній уголъ кухни. Здѣсь, вдали отъ остальныхъ дѣтей, она могла дать полную волю своему горю. Марго уже не сомнѣвалась, что дѣти повѣрили Петькиной клеветѣ и смотрятъ на нее, какъ на выдумщицу и лгунью. Ей было очень тяжело.

«Я никому никогда не причинила зла,—думала она, заливаясь тихими слезами, — почему же я терплю столько горя и страданій?.. Мистеръ Джонъ поѣхалъ въ больницу провѣрить, честная ли я дѣвочка... Какъ это больно! Конечно, тамъ никто не скажетъ про меня ничего дурного, но до его пріѣзда какими глазами смотрятъ на меня дѣти! За какую они меня считаютъ! Какой стыдъ!..»—Она продолжала всхлипывать.

— Ну вотъ, я же говорилъ, что она здѣсь,—раздался вдругъ тихій голосъ Гаврюши, вслѣдъ за тѣмъ, какъ отворилась дверь кухни.

Онъ, Дуня, Коля-Буянъ, Таня и Нюша-лѣвша въ одинъ мигъ окружили Марго.

— Не плачь, красоточка, — ласково произнесла Дуня, — ночью вернется нашъ мистеръ и разберетъ дѣло. Небось, Петька и сейчасъ уже замолчалъ; ему, кромѣ Яськи, никто не повѣрилъ и не вѣритъ.

— Ты не плачь, Маргоша, я его побью. Пусть на шкапу посижу въ наказаніе, а побью, ежели онъ вздумаетъ тебя обидѣть впредь, — съ увѣренностью произнесъ Коля.

— Я тебѣ ужинъ принесу въ спальню. Ступай-ка, да ложись — утро вечера мудренѣе, — посовѣтовала Нюша-лѣвша.

— Не плачь, Марго: все разберетъ и выведетъ начистоту мистеръ Джонъ, — убѣжденно увѣряла Таня.

Изъ словъ и обращенія съ нею дѣтей Марго поняла только одно: ей вѣрятъ и сочувствуютъ, а Петьку порицаютъ всѣ, за исключеніемъ одной развѣ Яси. Это успокоило ее и остановило слезы. Она охотно подчинилась совѣту дѣтей, поѣла принесенныхъ ей Дуней разогрѣтыхъ макаронъ и позволила Танѣ и Нюшѣ-лѣвшѣ уложить себя въ постель.

Долго Марго не могла заснуть. Она слышала, какъ укладывались въ сосѣдней комнатѣ по своимъ кроватямъ дѣти, слышала продолжительный безпокойный споръ Коли съ Петькой, закончившійся чуть ли не дракой, въ которую вмѣшались всѣ остальные мальчики. Слышала угрозы и обѣщанія Яси пожаловаться на всѣхъ мистеру Джону. Только черезъ полчаса все стихло, и домикъ погрузился въ сонъ.

Дѣвочки уснули раньше, нѣсколько позже водворилась тишина въ комнатѣ мальчиковъ. Скоро и въ той, и въ другой комнатѣ раздавался дружный храпъ.

Одна только Марго не спала. Она лежала съ широко раскрытыми глазами на своемъ жесткомъ диванѣ и пристально вглядывалась въ темноту.

Вдругъ она чутко насторожилась. За стѣной раздавался странный шорохъ, точно кто-то ходилъ по комнатѣ босыми ногами. А въ щель дверей пахнуло холодкомъ осенней ночи, стоявшей на дворѣ.

«Это, вѣрно, вернулся мистеръ Джонъ съ Лордомъ. Чтобы не разбудить дѣтей, онъ снялъ сапоги и ходитъ по комнатѣ босикомъ»,—подумала Марго. Она была такъ убѣждена въ возвращеніи хозяина, что нисколько не испугалась страннаго шороха въ сосѣдней комнатѣ. Но ей страшно хотѣлось узнать поскорѣе, что сказали про нее въ больницѣ. И вотъ, не совладавъ со своимъ нетерпѣніемъ, она тихо-тихо одѣлась и вышла изъ спальни, чтобы разспросить обо всемъ мистера Джона.

Но ни мистера Джона, ни Лорда въ сосѣдней комнатѣ не оказалось. Не успѣла Марго оглянуться, какъ услышала легкій свистъ въ сѣняхъ и сильнѣе, чѣмъ раньше, почувствовала холодный воздухъ, врывавшійся черезъ открытую дверь сѣней съ темной улицы.

Затаивъ дыханіе, Марго прошмыгнула къ двери и остановилась, чутко прислушиваясь къ тому, что дѣлается кругомъ. Изъ сада донесся до ея слуха таинственный разговоръ.

— Тсс! Тише!—говорилъ кто-то шопотомъ.

Минуту спустя раздался другой голосъ:

— Хорошо, что мы встрѣтили тебя нынче утромъ, Петька, когда ты бѣжалъ изъ больницы. Порядкомъ мы наголодались, да неизвѣстно, сколько бы еще голодать приходилось. Спасибо, что ты указалъ намъ на домикъ англичанина. А много у него добра?

— На васъ хватитъ... Дача-то вѣдь у него собственная, и въ сундукахъ много разной одежды да другихъ вещей припрятано.

— Что-жъ, веди насъ въ домикъ, нечего раздумывать!

— Да, да, надо торопиться, а то англичанинъ вернется—и все пропало!

— Идемъ же!

— Идемъ!

Разговоръ оборвался, и три темныя фигуры промелькнули мимо Марго и бросились въ сѣни, а оттуда въ первую комнату.

Въ одной изъ фигуръ Марго узнала Петьку; она осталась стоять на мѣстѣ, словно прикованная, ни жива, ни мертва со страху. Ей стало ясно вполнѣ, что Петька вернулся сюда, въ домикъ, по наущенію встрѣченныхъ имъ бродягъ, чтобы обворовать мистера Джона.

Какъ предотвратить это несчастье, Марго не знала. Она хотѣла было крикнуть и разбудить дѣтей, но тутъ же раздумала, такъ какъ это не могло бы помочь дѣлу: дѣти были еще слишкомъ юны и слабы, чтобы защитить имущество хозяина отъ ночныхъ воровъ, которые, за исключеніемъ Петьки, были взрослые и

на видъ сильные парни. Тогда Марго рѣшила немедленно бѣжать къ мѣсту, гдѣ останавливается паровая конка, и тамъ дождаться мистера Джона, предупредить о случившемся и поторопить его. Не теряя ни минуты времени, она опрометью кинулась изъ сѣней на крыльцо, оттуда въ садъ и, пробѣжавъ главную дорожку, сильно рванула калитку и выскочила на улицу.

— Куда? Стой! Стой! — неожиданно послышалось за ея спиной, и чья-то сильная рука схватила дѣвочку за плечо.

«Ахъ, это, вѣроятно, воры оставили въ саду карауленаго, — подумала Марго. — Это ужасно! Надо спастись, непремѣнно спастись!» Но какъ ни великъ былъ ея страхъ, она не растерялась. Она рванулась всѣмъ тѣломъ, низко нагнулась, дѣлая видъ, что падаетъ на землю. Державшая ее за плечо рука невольно разжалась и опустилась. Марго, метнувшись въ сторону, почувствовала себя снова на свободѣ.

Съ быстротой молніи она поднялась, бросилась впередъ и пустилась бѣжать по сонной, точно вымершей улицѣ, гдѣ на очень далекомъ разстояніи другъ отъ друга тускло свѣтили фонари.

За нею — она ясно слышала — гнались. Шлепали голыя пятки по землѣ, слышалось усиленное дыханіе, кто-то бранился и угрожалъ ей вслѣдъ.

Крикнуть и позвать на помощь Марго не могла: языкъ ей не повиновался, губы не шевелились — такъ она была потрясена. Она уже не думала о томъ, чтобы бѣжать навстрѣчу мистеру Джону и предотвра-

тить несчастье. Ей надо было, во что бы то ни стало, спастись отъ преслѣдователя, исчезнуть изъ виду.

Марго бѣжала, сама не зная куда. Улица осталась гдѣ-то совсѣмъ въ сторонѣ, дачи тоже. Впереди разстилалось поле. За полемъ чернѣлъ не то лѣсъ, не то паркъ. Туда и бросилась дѣвочка, не помня себя отъ страха и желая убѣжать какъ можно дальше отъ своего преслѣдователя.

Къ счастью, гнавшійся за нею человѣкъ потерялъ ее на минуту изъ виду. Онъ остановился, снова побѣжалъ, но уже не туда, куда спасалась Марго. Скоро погоня совсѣмъ прекратилась.

Полуживая отъ страха и усталости, Марго прибѣжала на опушку лѣса или парка и, обхвативъ руками стволъ перваго попавшагося дерева, прильнула къ нему, тяжело переводя дыханіе.

ГЛАВА XXXI.

Подъ мостомъ.

ПОДНЯЛСЯ порывистый вѣтеръ, хлынулъ проливной дождь. Холодныя тяжелыя капли били Марго въ лицо, руки и плечи. Разыгравшаяся осенняя непогода пронизывала ее до костей. Марго безпомощно оглянулась кругомъ.

Въ лѣсу или паркѣ, гдѣ она теперь находилась, царила полная темнота. Только вдали желтой точкой мерцалъ фонарь, едва-едва освѣщая деревья вокругъ себя. Этотъ же фонарь слабо освѣщалъ находившійся поблизости мостъ, перекинутый черезъ какую-то канаву.

Деревья мало защищали Марго отъ дождя, и у нея въ головѣ мелькнула мысль спрятаться подъ мостомъ, куда, казалось, не могъ проникать ливень и гдѣ, навѣрное, нашлось бы укромное мѣстечко для нея.

Всѣми силами стараясь не скатиться подъ откосъ канавы, дѣвочка, изнемогавшая отъ усталости, ощупью притащилась къ мосту, сѣла на корточки у его пе-

рилъ и заглянула подъ него. Но сверху ничего не было видно. Тогда съ величайшей опаской она соскользнула внизъ, придерживаясь обѣими руками за доски и бревна, служившія основаніемъ моста. Здѣсь дождь не могъ уже достать Марго. Одна только сырость до мгла царили подъ сводами моста. Канава, наполнившаяся дождевой водой, зіяла на разстояніи полуаршина. Слышно было бульканье водяныхъ струекъ. Но въ уголку, подъ одной изъ свай моста, Марго показалось относительно сухо и уютно.

Прислонивъ усталую голову къ толстому бревну, она присѣла отдохнуть и такъ и осталась въ полусидячемъ положеніи. О томъ, чтобы заснуть, нечего было и думать. Она боялась, что во время сна свалится въ воду, захлебнется и утонетъ. Поэтому она рѣшила просидѣть всю ночь до разсвѣта, стараясь даже не задремать. Но дѣтскія силы въ концѣ концовъ не выдержали, и она задремала и забылась чуткимъ и неспокойнымъ сномъ. Однако, недолго продолжался ея сонъ. Черезъ полчаса, не больше, она уже проснулась: что-то шершавое и мягкое щекотало ее вдоль руки...

ГЛАВА XXII.

Иванка Жаневъ и его Яшка.

МАРГО испуганно открыла глаза и оглянулась. Было раннее утро. Первые лучи разсвѣта успѣли уже проникнуть подъ мостъ, и она увидѣла какое-то мохнатое существо, осторожно поглаживавшее ея руку. Мохнатое существо показалось ей маленькимъ человѣкомъ-лилипутомъ, обросшимъ волосами, или сказочнымъ гномомъ-карликомъ.

«Это сонъ. Я вижу все это во снѣ», — подумала Марго и, снова закрывъ глаза, собралась заснуть опять. Но тихій молодой голосъ неожиданно прозвучалъ подлѣ нея:

— Не спи, дѣвочка. Уже скоро утро... Скажи, какъ ты попала сюда?

Малютка Марго вздрогнула отъ неожиданности и изумленными глазами взглянула на говорившаго.

Передъ ней, у самой канавы, подъ сводомъ моста, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ 16-ти, смуглый, черноглазый, одѣтый въ какія-то жалкія лохмотья, очень худощавый, но рослый и сильный на видъ. А около него,

продолжая осторожно и нѣжно гладить руку дѣвочки, суетилась, смѣшно мигая глазками, маленькая коричневая, съ забавной мордочкой, вертлявая обезьянка— то самое мохнатое существо, которое Марго приняла за человѣка-лилипута, обросшаго волосами.

Смуглый мальчикъ посмотрѣлъ на малютку, протянулъ ей довольно грязную руку и произнесъ привѣтливо:

— Здравствуй!..

Онъ очень мягко выговорилъ это слово. «Такъ русскіе не произносятъ слова, они говорятъ гораздо тверже»,—подумала Марго, и ей показалось, что этотъ мальчикъ непремѣнно иностранецъ, можетъ быть, даже французъ. Сердечно ея дрогнуло отъ радости при одной только мысли о томъ, что она здѣсь, на чужбинѣ, встрѣтила соотечественника. Дѣйствительно, смуглое, худощавое, подвижное лицо его съ черными, какъ вишни, глазами напоминало Марго лица мальчугановъ, которыхъ она частенько встрѣчала на улицахъ Парижа.

Набравшись храбрости, она уставилась глазами на мальчика и спросила по-французски:

— Ты не русскій, правда, не русскій?

Мальчикъ въ отвѣтъ отрицательно покачалъ головой, и это почему-то разсѣяло окончательно сомнѣнія Марго въ томъ, что мальчикъ французъ.

— О, какое счастье! Какое счастье! Мы соотечественники! — воскликнула дѣвочка и едва не заплакала отъ радостнаго волненія, которое ее охватило.

Но незнакомый мальчикъ ничего не понималъ и продолжалъ отрицательно качать головой.

Тогда Марго сознала свою ошибку и съ опечаленнымъ сердцемъ обратилась къ мальчику по-русски:

— Кто же ты? Не французъ? Какъ это жалко! А я думала, что встрѣтила родного человѣка.

Мальчикъ-незнакомецъ, услышавъ русскую рѣчь, сразу отвѣтилъ:

— Я болгаринъ. Я пришелъ въ Россію зарабатывать хлѣбъ съ моей сестрою и «Яшкою», — тутъ онъ кивнулъ въ сторону обезьянки, успѣвшей заняться блестящей мѣдной пуговицей на кофтѣ Марго. — Сестра, — продолжалъ онъ, — пѣла, я заставлялъ «Яшку» танцовать и кувыркаться. Мы ходили по дворамъ втроемъ: я, сестра и Яшка. Но сестра заболѣла и померла въ больницѣ. Теперь насъ осталось на свѣтѣ только двое — Яшка да я... Ну, а ты откуда родомъ? Видать, что не русская. Какъ ты сюда попала?

Лицо мальчика выражало самое искреннее участіе, а добрые черные глаза привѣтливо и мягко смотрѣли на дѣвочку. Это лицо, этотъ взглядъ подбодрили Марго и заставили ее разсказать своему новому знакомому обо всемъ, начиная съ дѣтства въ Парижѣ и кончая послѣдними днями здѣсь въ Петербургѣ.

— Зовутъ меня Марго, — закончила свой разсказъ дѣвочка.

— А меня зовутъ Иванка Жаневъ.

Иванка выслушалъ съ большимъ вниманіемъ дѣвочку. Когда она повторила ему о происшедшихъ съ

нею сегодня приключеніяхъ, онъ задумался немного и сказалъ:

— Знаешь ли, тебѣ къ твоему англичанину возвращаться не слѣдуетъ. Онъ, вѣрно, сумасшедшій какой-то и работой замучаетъ, и воспитаніемъ своимъ доканаетъ тебя. А вотъ что я тебѣ посовѣтую: сестра моя померла, можетъ быть, ты за нее со мною останешься? Станемъ вмѣстѣ по дворамъ ходить: ты пѣть, я Яшку показывать. А какъ денегъ наберемъ — на твою родину поѣдемъ. Ты говоришь, у тебя тамъ друзья есть. Такъ вотъ они тебя тамъ пріютятъ, а можетъ, и меня куда на мѣсто устроятъ; здѣсь-то у меня знакомыхъ нѣтъ ни души... А пока что, по дворамъ походимъ, денегъ насбираемъ. На родину съ деньгами-то куда лучше явиться, нежели съ пустымъ карманомъ. Какъ ты думаешь, а?

Марго вздрогнула. То, что говорилъ ей этотъ смуглый, черноглазый Иванка, какъ нельзя болѣе совпадало съ ея желаніями. Она была въ восторгѣ: жизнь маленькой бродячей пѣвицы, самостоятельный заработокъ, а главное, возможность попасть, наконецъ, на милую родину, въ Парижъ—заранѣе радовали ея сердечко... «Боже мой, — думала она, — какъ бы это было хорошо!»

Марго снова ожила и повеселѣла. Глазенки ея загорѣлись отъ удовольствія. Милый, хорошій этотъ Иванка! Не посылаетъ ли его ей на помощь сама судьба?

Но внезапно Марго опечалилась и притихла. А какъ же она будетъ пѣть? Она вѣдь не умѣетъ пѣть,

не знаетъ ничего, кромѣ своихъ дѣтскихъ французскихъ пѣсенокъ... И она тутъ же высказала свою тревогу Иванкѣ.

Тотъ только разсмѣялся въ отвѣтъ.

— Вотъ это-то и хорошо, что ты умѣешь пѣть только французскія пѣсенки. За это намъ будутъ больше денегъ давать. Будемъ говорить, что мы бродячіе французы—братъ и сестра. Ну, а теперь я тебѣ дамъ хлѣба, яйцо и огурецъ. Закуси хорошенько, и тронемся въ путь, не то твой англичанинъ тебя хватится и насильно водворитъ домой.

— Но его, навѣрное, побили бродяги, которые забрались въ домикъ, — выразила свое предположеніе Марго и задрожала всѣмъ тѣломъ отъ жалости къ своему случайному хозяину.

— Э, пустое!.. Никто его не побилъ, всѣ живы и цѣлы. Небось, купимъ газету завтра и все изъ нея узнаемъ. Я по-русски немного читаю, пойму, если тамъ будетъ напечатано. А пока поѣшь, и айда въ путь съ Богомъ! Ты Яшку только полюби моего. Хорошій онъ звѣрюшка. А умница такой, что другого человѣка умнѣй.

И, сказавъ это, Иванка притянулъ къ себѣ Яшку и поцѣловалъ его прямо въ мордочку.

Марго сдѣлала то же самое. Обезьянка отвѣтила дѣвочкѣ лаской на ласку и, прижавшись къ ея груди, терпѣливо ждала своей порціи завтрака.

Никогда еще Марго не показался такимъ вкуснымъ завтракъ. Она съ удовольствіемъ уничтожила хлѣбъ, огурецъ и яйцо. Иванка и Яшка не отставали отъ нея.

Закусивъ, дѣти вылѣзли изъ-подъ моста и направились въ путь.

— Надо выйти изъ этой мѣстности, пока не станутъ просыпаться люди, — рѣшилъ Иванка, сажая Яшку себѣ на плечо и протягивая руку Марго.

— Да, да, а не то мистеръ Джонъ не пуститъ,— подтвердила дѣвочка и бодро зашагала объ руку со своимъ пріятелемъ.

Дождь пересталъ. Утро наступало, стало совсѣмъ свѣтло. Выглянувшее солнце просушило мокрое платье дѣвочки. Марго съ Иванкой прибавили ходу. Она, несмотря на тревожно проведенную ночь, чувствовала себя бодрой и спокойной. Что-то улыбалось ей впереди ясной и свѣтлой улыбкой. Это была надежда снова въ ближайшемъ будущемъ увидѣть милый Парижъ и старыхъ добрыхъ друзей.

ГЛАВА XXXIII.

Малютка Марго—уличная пѣвица.

ВОТЪ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ Иванка, Марго и Яшка ходятъ втроемъ по дворамъ отдаленныхъ, глухихъ петербургскихъ улицъ. Дѣтямъ, конечно, хотѣлось бы заглянуть туда, гдѣ дома наряднѣе, жильцы богаче, но въ людныхъ оживленныхъ частяхъ города бродячимъ артистамъ строго-настрого запрещается давать уличныя представленія. Уже стоялъ дождливый и холодный сентябрь. Подступало самое ненастное время: слякоть, дожди, стужа.

Марго, когда согласилась стать уличной пѣвицей, совсѣмъ иначе представляла себѣ жизнь бродячихъ артистовъ. Ей казалось, что очень весело и забавно распѣвать пѣсенки, ходить то туда, то сюда и видѣть постоянно новыхъ людей. Но, увы! Дѣвочка скоро убѣдилась, что жестоко ошиблась. Приходилось тащиться въ дождь, въ стужу, проводить часто безсонныя ночи въ ночлежкѣ среди нищихъ и бродягъ, иногда просто въ сыромъ сараѣ или въ какомъ-нибудь пустырѣ подъ открытымъ небомъ. Такая жизнь, ко-

нечно, не сладка. Усталая, голодная Марго должна была распѣвать подъ дождемъ свои пѣсенки въ то время, какъ Яшка продѣлывалъ свои штучки, изображая барыню, прогуливающуюся подъ зонтикомъ, или мальчугана, ворующаго горохъ на огородѣ, или солдата, стоящаго на часахъ. Но старанья обезьянки и ея хозяевъ приносили очень мало пользы. Въ лѣтнее время или ранней осенью, когда солнышко еще грѣетъ и стоитъ очень ясная теплая погода, многіе взрослые и дѣти гостепріимно встрѣчаютъ бродячихъ артистовъ. Теперь не то. Холодъ и дожди загнали дѣтей въ дома. И если и собирается уличная публика послушать распѣваемыя Марго пѣсенки и поглядѣть смѣшныя штуки Яшки, то отъ этой публики доходъ невеликъ. Кто броситъ копейку, кто двѣ, этимъ и ограничивается заработокъ бродячихъ артистовъ.

Если бы не добрый и мягкій Иванка, малюткѣ Марго пришлось бы очень плохо. Обувь и платье ея износились, голодъ частенько мучилъ ее, а ночлегъ среди бродягъ и нищихъ страшно пугалъ. Но Иванка всячески охранялъ дѣвочку, насколько могъ, отъ разныхъ невзгодъ и случайностей, отдавалъ ей лучшіе куски, заботясь о ней, какъ братъ. На другой же день ихъ знакомства, мальчикъ на первый заработанный пятакъ купилъ газету. Онъ не ошибся, сказавъ Марго, что она изъ газеты узнаетъ о всемъ, что произошло въ домикѣ мистера Джона. Оказалось, что мистеръ Джонъ поспѣлъ во время, что умный мохнатый Лордъ искусалъ забравшихся въ домикъ воровъ, что ихъ отправили въ тюрьму и что самъ

мистеръ Джонъ былъ вызванъ въ полицію, гдѣ онъ долженъ былъ объяснить, какія у него призрѣваются дѣти и какого рода воспитаніе даетъ онъ имъ. Тутъ же въ газетѣ было напечатано, что мистеръ Джонъ, вмѣсто всякихъ объясненій, забралъ дѣтей и уѣхалъ съ ними куда-то изъ Петербурга.

— Вотъ видишь, какъ ты хорошо сдѣлала, что убѣжала оттуда, — сказалъ Иванка дѣвочкѣ. — Развѣ жизнь у твоего полоумнаго мистера была бы лучше, нежели наша?

Марго на это ничего не отвѣтила, но подумала, что и жизнь бродячей пѣвицы тоже далеко не легка.

Былъ ясный, но холодный день; Марго вся продрогла и съ трудомъ ходила по дворамъ и пѣла свои пѣсенки дрожащимъ голосомъ. А ходить и пѣть было необходимо: надо было заработать хоть нѣсколько копеекъ на хлѣбъ.

— Смотри, смотри мамочка, какая хорошенькая дѣвочка, какая смѣшная обезьянка! Позови ихъ, мамочка, пусть дѣвочка споетъ, а обезьянка покажетъ намъ свои фокусы!— раздался голосъ какихъ-то ребятишекъ у воротъ одного дома, когда Марго и Иванка проходили мимо, думая, гдѣ бы остановиться.

— Намъ пора домой, да и холодно на дворѣ, — отвѣтила мать.

Но дѣти пристали со своей просьбой, и матери ихъ пришлось согласиться и позвать во дворъ маленькихъ уличныхъ артистовъ.

Марго и Иванка очень обрадовались, заслышавъ неожиданное приглашеніе во дворъ.

— Пой хорошенько, Марго! Люди, видно, богатые, въ собственномъ, вѣрно, домѣ живутъ, не пожалѣютъ лишняго пятачка. Заработаемъ недурно на обѣдъ. Постарайся! — успѣлъ шепнуть Иванка своей маленькой спутницѣ.

Марго сама поняла, что тутъ надо постараться, и чуть замѣтно кивнула своей черной головкой въ знакъ согласія. Она запѣла старинную французскую пѣсенку, которую научила ее пѣть еще въ дѣтствѣ ея покойная мать и которая такъ нравилась ея парижскимъ друзьямъ и знакомымъ.

ГЛАВА XXXIV.

Марго хотятъ отнять у Иванко.

МАЛЮТКА Марго поетъ пѣсенку о красивой маленькой принцессѣ, которой надоѣла беззаботная жизнь въ королевскомъ дворцѣ и которая пожелала сдѣлаться простою крестьяночкою, чтобы узнать и посмотрѣть, какъ живетъ народъ.

«Жила-была на свѣтѣ маленькая принцесса.
Маленькая принцесса, которую любилъ народъ.
Жила-была маленькая принцесса,
Въ роскошномъ дворцѣ, среди богатствъ и сокровищъ,
Среди нѣжныхъ заботъ отца-короля...
Тра-ля-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!»

Поетъ Марго сегодня неважно. Ей нездоровится, хочется отдохнуть. Голосъ у нея хриплый, а лицо блѣдное. Она вся дрожитъ, хотя солнце выглянуло изъ-за тучъ, и стало довольно свѣтло и тепло.

Дѣти внимательно слушаютъ и смотрятъ на дѣвочку.

— Странно, странно,—произнесла ихъ мать, обращаясь къ старшей дочери, — дѣвочка — настоящая француженка. Это видно по всему. У нея и личико,

и выговоръ — все французское. Ну, а этотъ мальчикъ скорѣе похожъ на болгарина. Какимъ же образомъ они вмѣстѣ — не могу понять.

— Можетъ быть, мамочка, этотъ бродяжка увелъ, попросту укралъ ее у родныхъ,— шопотомъ замѣтила въ отвѣтъ дѣвочка.

— Ну, украсть такую дѣвочку довольно трудно,— сказала мать. — По росту она, правда, малютка, но по лицу ей нельзя дать меньше девяти десяти лѣтъ. А впрочемъ, я сейчасъ все это узнаю, — заключила она и поманила къ себѣ Марго.

Та подошла совсѣмъ близко.

— Ты — француженка? Парижанка? — протягивая двадцатикопеечную монету, обратилась къ ней ласково по-французски мать дѣтей.

— Да, мадамъ... Я француженка, изъ Парижа, — обрадованная тѣмъ, что слышитъ родную рѣчь, отвѣтила Марго.

— А этотъ юноша тоже?

— Да, это мой братъ... — невольно краснѣя, чуть слышно пробормотала Марго, помня свое съ Иванкой рѣшеніе называться братомъ и сестрой.

— Ага, молодой человѣкъ,— обратилась тутъ дама къ Иванкѣ по-французски,—я бы не совѣтовала тебѣ водить по дворамъ такую маленькую дѣвочку, да еще такъ легко одѣтую. Смотри, она совсѣмъ измучена, простужена и охрипла. Долго ли заболѣть!

Черные глаза мальчика безпокойно взглянули на даму. Разумѣется, онъ ничего не понялъ изъ ея словъ и виновато молчалъ.

Марго растерялась не меньше своего мнимаго брата.

А дама и дѣти все подозрительнѣе и подозрительнѣе поглядывали на юнаго болгарина.

— Какъ странно, что ты не понимаешь меня. Вѣдь я говорю правильно по-французски, а ты — парижанинъ, какъ и твоя сестра, — уже довольно строго обратилась снова дама къ Иванкѣ, который опять не понялъ ничего изъ того, что она ему говорила. Вмѣсто отвѣта, онъ незамѣтно подхватилъ съ земли Яшку, сунулъ его за пазуху, взялъ за руку Марго и, готовясь, повидимому, броситься въ бѣгство, лишь только окажется какая-нибудь опасность, — шагнулъ къ воротамъ.

«Ну, конечно, такъ оно и есть. Дѣвочка совсѣмъ чужая этому болгарину; онъ силою увелъ ее изъ родительскаго дома и не отпускаетъ, заставляя ее работать на себя. Надо, во что бы то ни стало, спасти дѣвочку»,—подумала дама и крикнула вдогонку Марго по-французски:

— Зачѣмъ ты мнѣ солгала, дѣвочка? Этотъ уличный бродяга не можетъ быть твоимъ братомъ, онъ даже не родной тебѣ.

Марго вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и пробормотала было что-то въ отвѣтъ. Но Иванка многозначительно сжалъ ей руку.

— Не разговаривай... Не отвѣчай ничего... Скорѣе уйдемъ отсюда... — успѣлъ онъ шепнуть своей спутницѣ и быстрѣе зашагалъ къ воротамъ.

Малютка Марго едва поспѣвала за нимъ.

А съ крыльца дѣти и ихъ мать кричали вслѣдъ:

— Не уходи, дѣвочка! Останься съ нами, мы поможемъ тебѣ! Мы выручимъ тебя. Подожди же!.. Постой!..

Но Иванка и Марго только прибавляли шагу и торопливо шли, не оглядываясь назадъ.

Неожиданно раздался позади нихъ свистокъ городового. Очевидно, дама, такъ заинтересовавшаяся судьбою уличной пѣвички, успѣла предупредить дворника, а тотъ полицейскаго, чтобы задержали дѣтей.

Иванка, блѣдный отъ волненія, быстро произнесъ, обращаясь къ Марго:

— Маргаритушка, эти люди хотятъ тебя взять отъ меня силою. Они думаютъ, что я тебя увелъ отъ родныхъ и мучаю, извожу чрезмѣрною работою. Я это понялъ по лицу и голосу этой непрошенной заступницы-барыни. Такъ вотъ, если хочешь, иди къ нимъ, оставайся съ ними, а я снова, вдвоемъ съ Яшкой, буду ходить по дворамъ. Сыта будешь, будешь въ теплѣ и уютѣ. Можетъ быть, они хорошіе, добрые люди. Ступай къ нимъ... — и, сказавъ это, Иванка разжалъ пальцы, выпуская руку Марго изъ своей.

Но, вмѣсто того, чтобы послѣдовать его совѣту, дѣвочка только крѣпче стиснула его пальцы и горячо зашептала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не оставлю тебя ни за что на свѣтѣ, Иванка. Ты сдружился со мной, когда я была совсѣмъ одинокая, затерянная, не знала, что дѣлать, что предпринять, и сталъ заботиться обо мнѣ, какъ

родной братъ. Нѣтъ, нѣтъ, Иванка, я тебя не оставлю; горе и радость — все будемъ дѣлить пополамъ.

— Ну, тогда поспѣшимъ, иначе насъ здѣсь сразу накроютъ,—рѣшительно произнесъ мальчикъ и зашагалъ быстрѣе, увлекая за собою Марго.

Раздался новый свистокъ полицейскаго, а за нимъ второй, третій... Кто-то спѣшилъ сзади, нагоняя дѣтей.

Та часть города, гдѣ находились сейчасъ наши юные уличные артисты, изобилуетъ пустырями, глухими закоулками и безлюдными улицами. Въ одинъ изъ такихъ переулковъ свернулъ Иванка со своей спутницей. Затѣмъ они повернули еще за уголъ и очутились подлѣ строившагося дома, окруженнаго лѣсами.

Было около двѣнадцати часовъ дня. Рабочіе отсутствовали: очевидно, пошли обѣдать; на постройкѣ не было ни души.

— Сюда! — скомандовалъ Иванка и прыгнулъ въ нижнее окно, вѣрнѣе, отверстіе окна строившагося дома.

Малютка Марго послѣдовала за нимъ. Здѣсь они оба притаились за кучей стружекъ и кирпичей.

Свистки замолкли. Погоня, повидимому, пробѣжала мимо.

— Слава Богу, спасены! — съ облегченіемъ вздохнулъ Иванка.— Только теперь надо смотрѣть въ оба. Братомъ и сестрой не всюду называться станемъ, а то и впрямь, какой же я тебѣ братъ, когда я ни слова не скажу по-французски. Того и гляди, узна-

ютъ и заберутъ. Ну, а теперь отдохнемъ и подкрѣпимся.—Иванка сталъ вынимать изъ кармана скудные запасы провизіи: хлѣбъ, вареныя яйца, купленныя въ лавочкѣ, и колбасу.

Иванка и Марго плотно поѣли, накормили обезьянку и дали ей полакомиться сахаромъ, всегда имѣвшимся въ самомъ ограниченномъ количествѣ въ карманѣ Иванки. Потомъ они прислонились къ стѣнѣ и собрались вздремнуть немного, вспоминая, что злая барыня дала имъ цѣлый двугривенный, на который они всѣ трое славно поужинаютъ гдѣ-нибудь въ дешевой столовой. Но черезъ нѣсколько минутъ послышались приближающіеся голоса рабочихъ, возвращавшихся съ обѣда.

Незамѣтно выскользнули дѣти изъ глубины строящагося зданія и побрели по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ, то и дѣло опасливо поглядывая по сторонамъ.

ГЛАВА XXXV.

Невольная разлука. — Мастерская бумажныхъ цвѣтовъ.

ПРОШЛО еще нѣсколько недѣль. Окончилась осень, незамѣтно наступила зима. Дождь и слякоть смѣнились снѣгомъ, метелями и морозами.

Иванка, Марго и Яшка совсѣмъ выбились изъ силъ. За эти нѣсколько недѣль они наголодались вдоволь. Всюду окна были наглухо закрыты, замазаны. Двойныя рамы мѣшали слушать пѣніе Марго, и заиндевѣвшія стекла не позволяли видѣть забавныя штуки Яшки. Никто и не пытался бросить имъ копейку, не желая открывать въ морозъ форточку.

Продрогшіе, измученные, голодные бродили по улицамъ окраинъ Петербурга Марго и Иванка, заходя то въ тотъ, то въ другой дворъ и нигдѣ не находя желаннаго заработка.

Они оба замѣтно осунулись и похудѣли. Осунулся и бѣдняга Яшка, не привыкшій къ стужѣ. Жалобно и грустно смотрѣли его круглые глазенки, и исхуда-

лыя лапки-руки моляще протягивались къ прохожимъ.

Марго не могла безъ слезъ смотрѣть на обезьянку. Она часто брала ее у Иванки, согрѣвала своимъ дыханіемъ и дѣлилась съ нею послѣднимъ кускомъ.

Теперь въ душѣ дѣвочки гасли послѣднія надежды. Она уже не вѣрила въ то, что увидитъ когда-нибудь Парижъ. Это казалось ей такимъ счастьемъ, о которомъ она не смѣла теперь и мечтать.

Голосъ ея совсѣмъ охрипъ отъ холода. Личико сдѣлалось краснымъ, неузнаваемымъ. Теперь уже никто не хотѣлъ слушать ея пѣсенъ. Да и не могла она пѣть. Единственнымъ кормильцемъ былъ теперь Яшка, который своими уморительными штучками привлекалъ иногда прохожихъ, протягивавшихъ Иванкѣ, кто сколько.

— Нѣтъ, я больше не могу идти... И рада бы, да не могу... Я такъ стѣсняю тебя, Иванка, оставь меня на улицѣ... Полицейскіе подберутъ меня и отвезутъ куда-нибудь... Ты видишь, я едва передвигаю ноги и только мѣшаю тебѣ. Когда я могла пѣть и помогала тебѣ зарабатывать, я не думала разставаться съ тобой. Но теперь я тебѣ только въ тягость. Оставь же меня, Иванка, мнѣ холодно, я измучена, я голодна... Я не могу больше ходить.

Еле-еле выговоривъ эти слова, Марго опустилась на тумбу въ одномъ изъ самыхъ глухихъ закоулковъ города. Она вся тряслась, зубъ на зубъ не попадалъ. Поношенное, дырявое платьице, разодранный платокъ и рваная обувь, конечно, мало защищали отъ холода

и вѣтра, свирѣпствовавшаго кругомъ и крутившаго въ воздухѣ огромные хлопья снѣга. Страдалъ отъ стужи невыносимо и Иванка, который былъ одѣтъ не лучше Марго. Одному только Яшкѣ было сносно — на груди у Иванки. Временами онъ высовывалъ изъ-за борта кафтана юнаго хозяина свою уморительную мордочку и тотчасъ же съ жалкою гримасою пряталъ ее обратно.

Иванка попробовалъ было утѣшить и подбодрить Марго.

— Полно, Маргаритушка, пересиль себя,—ласково убѣждалъ онъ дѣвочку,—не все же такая стужа держаться будетъ. Вотъ заработаемъ нѣсколько рублей и махнемъ на югъ, въ Одессу, либо къ Крымъ. Тамъ и переждемъ зиму. Я самъ боюсь, что холодъ убьетъ Яшку... Удирать надо отсюда поскорѣй. Яшка — существо деликатное, къ такой стужѣ не привыченъ, погибнетъ тутъ да и только. Ну, подбодрись, Маргаритушка, пойдемъ, милая.

— Куда пойдемъ? Уже ночь, насъ никто никуда не пуститъ.

— Такъ въ ночлежку пойдемъ, — убѣждалъ Иванка. — У меня есть еще десять копеекъ. Заплатимъ и насъ пустятъ переночевать.

— Это съ бродягами и нищими? Ни за что. Въ послѣдній разъ тамъ такъ было мнѣ страшно и противно, что я больше никогда не пойду туда, — рѣшительно проговорила дѣвочка.

— Маргаритушка, милая, куда же мнѣ отвести тебя? — тоскливо спросилъ Иванка.

Марго опустила голову и задумалась. Она думала, куда ей теперь пойти, гдѣ искать пріютъ и кусокъ хлѣба.

«Къ генералу Градовцеву нельзя идти,—мысленно говорила себѣ Марго. — Если даже онъ вернулся въ Петербургъ, то развѣ можно явиться къ нему въ такомъ видѣ — оборванной, грязной, озябшей? Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Но, можетъ быть, отыскать мнѣ цвѣточницу Машу, съ которой я подружилась въ больницѣ? Вѣдь Маша часто говорила, что въ мастерской, гдѣ она служитъ, всегда нужны дѣвочки-ученицы, а тѣмъ болѣе такія, которыя умѣютъ дѣлать цвѣты. Вотъ единственное спасеніе! Пойди туда! Только какъ найти, не зная адреса, эту мастерскую?»

Марго помнила смутно изъ словъ Маши только одно: мастерская находится гдѣ-то очень близко отъ часовни Спасителя, куда петербуржцы ходятъ молиться, ставить свѣчи и служить молебны. И захолодѣвшими на стужѣ губами Марго говоритъ о своемъ рѣшеніи Иванкѣ и проситъ его помочь найти мастерскую.

— Ну, если близъ часовни Спасителя, такъ найти совсѣмъ пустяшное дѣло, — утѣшаетъ ее Иванка, — но тутъ же пробуетъ еще разъ убѣдить дѣвочку. — Лучше бы ты, Маргаритушка, оставалась со мной и съ Яшкой...

Но Марго непоколебима на этотъ разъ.

— Нѣтъ, Иванка, хотя я и привязалась къ тебѣ, какъ къ родному, а не могу больше ходить съ тобой. Тебѣ и такъ трудно прокормить себя. Веди меня въ мастерскую, Иванка, помоги мнѣ найти...

— Поступай, какъ знаешь, развѣ я насильно могу держать тебя. А только я тебя, какъ сестричку полюбилъ, Маргаритушка, и ты мнѣ позволь навѣщать тебя въ твоей мастерской.

— Конечно, конечно, — обрадовалась Марго,— ты приходи почаще, Иванка, да?

— Коли пустятъ, буду часто приходить. А теперь обопрись на мою руку и постарайся дойти какънибудь. До часовни Спасителя путь далекій. Дойдешь ли ты, а?

— Дойду... Постараюсь... — пролепетала Марго, у которой ноги подкашивались и зубы стучали мелкой дрожью.

Опять пустились въ путь измученныя дѣти. Вѣтеръ попрежнему шумѣлъ и свирѣпствовалъ, немилосердно обдавая ихъ своимъ ледянымъ дыханіемъ и облѣпляя огромными хлопьями снѣга.

Марго дотащилась до какого-то моста. Длинный мостъ, казалось, не имѣлъ конца. По немъ, то и дѣло, пробѣгали красные трамваи, освѣщенные электричествомъ; проносились экипажи, извозчичьи сани. Пѣшеходовъ было мало въ эту непогоду на улицахъ. Долго шли дѣти, пока не окончился длинный мостъ. Съ моста они свернули на набережную и, пройдя по ней значительное разстояніе, свернули въ переулокъ. Черезъ нѣкоторое время показалась часовня, окруженная оградой. Она была уже закрыта на ночь. Повернули въ слѣдующую улицу. Передъ однимъ изъ деревянныхъ домовъ-особняковъ Иванка остановился. При свѣтѣ уличнаго фонаря онъ прочелъ надпись на

прибитой у подъѣзда доскѣ: «Мастерская искусственныхъ цвѣтовъ Е. Д. Нештъ».

— Здѣсь вотъ, вѣрно, твоя мастерская,—обратился онъ радостно къ Марго, буквально повисшей у него на рукѣ, и вдругъ испуганно вскрикнулъ:

— Маргаритушка, да что это съ тобою? Очнись! Опомнись!

Но Марго не отвѣчала ни слова. Ея глаза сомкнулись отъ слабости, голова запрокинулась назадъ, и она медленно стала опускаться на тротуаръ, занесенный снѣгомъ.

ГЛАВА XXXVI.

Цвѣточная мастерская Евангелины Денисовны Нештъ.

Ей дурно! Ей дурно! Помогите! Она умираетъ!— закричалъ Иванка изо всѣхъ силъ, тряся безчувственную Марго.

— Ты чего здѣсь шумишь? Что тебѣ надо? Вотъ погоди, я тебя въ участокъ отправлю сейчасъ, — услышалъ за собою Иванка свирѣпый голосъ, и словно изъ-подъ земли выросъ передъ нимъ дворникъ въ овчинномъ тулупѣ, только что мирно дремавшій у воротъ.

— Дѣлайте со мной, что хотите, — залепеталъ въ отвѣтъ Иванка, — только отнесите эту дѣвочку къ хозяйкѣ цвѣточной мастерской. Это ея новая ученица. Ей было приказано нынче придти поступить въ мастерскую, да вотъ ей сдѣлалось дурно отъ усталости и холода.

Иванка зналъ, что онъ говоритъ неправду, но рѣшилъ соврать, чтобы Марго пустили въ мастерскую въ такой поздній часъ.

Дворникъ долго соображалъ, повѣрить ли мальчику или нѣтъ. Наконецъ, онъ проворчалъ:

— Ладно, ладно... Дѣвчонку-то я сдамъ Нештихѣ, а тебѣ совѣтую убираться: что-то ты мнѣ больно не нравишься.

Иванка волей-неволей долженъ былъ удалиться. Но, уходя, онъ еще долго стоялъ за угломъ улицы, желая узнать, доставлена ли по назначенію безчувственная Марго или нѣтъ.

Его сомнѣнія тотчасъ разсѣялись. Онъ увидѣлъ, какъ дворникъ, очевидно, повѣривъ, что Марго — ученица изъ мастерской мадамъ Нештъ, понесъ ее на крыльцо и нажалъ кнопку звонка, какъ раскрылась дверь мастерской и какъ дворникъ шагнулъ въ сѣни со своей ношей.

Мальчику не оставалось больше ничего дѣлать, какъ поплестись по направленію къ ближайшему ночлежному дому.

Бѣдный Иванка почувствовалъ теперь полное одиночество и глухую тоску, разставшись съ Марго, къ которой привыкъ, какъ къ родной сестрѣ.

«Въ первый же праздникъ навѣщу ее. А пока за что бы взяться мнѣ?.. Заставить впредь работать Яшку въ такую стужу, значитъ, и его потерять»,— подумалъ Иванка. И, испуганный этой мыслью, онъ нѣжнѣе прижалъ къ своей груди обезьянку и быстрѣе зашагалъ по улицѣ.

— Что это? Что за дѣвочка? Откуда ты несешь ее, Матвѣй?—закричала мадамъ Нештъ, или Нештиха, какъ ее называли во дворѣ жильцы и служащіе, вы-

бѣжавъ въ прихожую на звонокъ и увидѣвъ безчувственную дѣвочку на рукахъ дворника.

— Чья эта дѣвочка? Какъ она сюда попала?— повторяли за своей хозяйкой заглянувшія въ прихожую мастерицы и четыре дѣвочки, одинаково одѣтыя въ ситцевыя платья, бѣлые передники и пелеринки— ученицы-цвѣточницы.

Дворникъ Матвѣй, ничего не понимая и ничего не отвѣчая, внесъ все еще находившуюся въ глубокомъ обморокѣ Марго въ комнату и положилъ ее на первый попавшійся диванчикъ.

— Замерзла, видно, ваша новая ученица,—обратился онъ послѣ этого къ хозяйкѣ мастерской.

— Какая ученица? Что такое? Нѣтъ у меня никакой новой ученицы. Унесите ее туда, откуда взяли. Кажется, она уже умерла, — ужасно волнуясь, говорила хозяйка.

— Ахъ, нѣтъ, она жива,—низко наклоняясь надъ безчувственной Марго, произнесла Зина, старшая мастерица.

Другія дѣвушки, а за ними и дѣвочки подошли ближе взглянуть на Марго, и вдругъ самая маленькая изъ ученицъ, десятилѣтняя бѣлокурая Маша, неожиданно крикнула:

— Да вѣдь это — Марго, та самая дѣвочка, съ которой я лежала въ больницѣ и о которой я разсказывала вамъ, Евангелина Денисовна. Она хорошо умѣетъ дѣлать цвѣты и хотѣла поступить въ нашу мастерскую.

— Она хорошо умѣетъ дѣлать цвѣты?—спросила

мадамъ Нештъ, и лицо ея сразу прояснилось.—Дѣвочка девяти лѣтъ и умѣетъ хорошо дѣлать цвѣты? Неужели?

— Да, Евангелина Денисовна, да... да...

Расчетливая хозяйка задумалась. Дѣвочкѣ-ученицѣ платить жалованья не надо; дѣвочекъ-учениць только кормятъ и одѣваютъ, такъ что если эта новенькая умѣетъ хорошо дѣлать цвѣты, то отчего не принять ее. Мадамъ Нештъ сразу заговорила совсѣмъ инымъ тономъ.

— Вы можете идти, Матвѣй... Вотъ вамъ двугривенный на чай за то, что доставили дѣвочку. Геня, Роза, Филя, Маша, кто-нибудь скорѣй несите изъ моей комнаты нашатырный спиртъ и теплую фланель... Да вскипятите воду, согрѣть надо эту несчастную. Бѣдняжка, какая она вся синяя, какъ она закоченѣла!

Дѣвочки-ученицы, всѣ четверо, бросились исполнять порученіе хозяйки. А черезъ нѣсколько минутъ Нештъ при помощи мастерицъ уже растирала фланелью закоченѣвшее тѣло Марго, лила ей въ ротъ горячій чай и подставляла баночку съ нашатырнымъ спиртомъ къ носу.

Мало-по-малу, дѣвочка стала приходить въ себя. Вотъ она вздохнула, вотъ потянулась, пошевелила рукою и спросила по-французски, раскрывая свои большіе черные глаза:

— Гдѣ я?

Нештъ, знавшая немного по-французски, отвѣтила, насколько можно смягчая свой строгій голосъ и придавая привѣтливое выраженіе своему лицу:

— У своихъ, дѣвочка... У друзей, которые не причинятъ тебѣ никакого зла.

Но Марго уже не слышала того, что ей отвѣчали. Тяжелое путешествіе въ мятель такъ обезсилило дѣвочку, что она потеряла послѣднія силы и уснула крѣпкимъ тяжелымъ сномъ.

ГЛАВА XXXVII.

Затѣя проказницы Гени.

ЯСНОЕ январское утро. Солнце весело заглядываетъ въ окно цвѣточной мастерской мадамъ Нештъ. На длинномъ рабочемъ столѣ лежатъ грудами куски тонкаго и толстаго шелку, атласа, бархата, куски проволоки и бумаги. Все это идетъ на выдѣлку искусственныхъ цвѣтовъ.

За столомъ сидятъ цвѣточницы: старшія мастерицы Зина, Ольга и Лиля и дѣвочки-ученицы — Маша, Роза, Геня, Филя и Марго.

Маша—та самая, что лежала въ больницѣ вмѣстѣ съ Марго. Она самая тихая и кроткая изъ ученицъ. Роза—спокойная, трудолюбивая и очень аккуратная нѣмочка, дальняя родственница мадамъ Нештъ. Геня, наоборотъ, лѣнтяйка, проказница. Она часто дерзитъ не только мастерицамъ, но и самой хозяйкѣ. Филя—простая деревенская дѣвочка, недавно только пріѣхавшая въ городъ и поступившая къ Евангелинѣ Денисовнѣ. Ей чаще всего поручаются кухонныя обязанности и уборка комнатъ. Своей неуклюжестью, растерянностью и недогадливостью она потѣшаетъ всю мастерскую.

Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ Марго занимается въ цвѣточной мастерской Евангелины Денисовны Нештъ. Хозяйка очень ею довольна. Юная француженка своей работой превзошла всѣ ожиданія мадамъ Нештъ. Маленькіе пальчики Марго, казалось, были прямо созданы для выдѣлки искусственныхъ цвѣтовъ. У нея выходили такія славныя нѣжныя розы, такія воздушныя хрупкія лиліи, такая красивая сирень, Иванъ-да-Марья, ландыши и незабудки, что заставляли только любоваться.

Мадамъ Нештъ, глядя на работу Марго, сіяла отъ удовольствія. Дѣвочка оказалась настоящей находкой для ея мастерской. Хозяйка и къ Машѣ стала относиться лучше за то, что та посовѣтовала Марго поступить въ мастерскую. Съ появленіемъ Марго хозяйка разсчитала одну изъ мастерицъ, такъ какъ маленькая француженка вполнѣ замѣняла ее въ работѣ. Это было очень выгодно для хозяйки: мастерицѣ она платила жалованье, а ученицѣ не давала ни гроша. Евангелина Денисовна была очень скупа и воспользовалась умѣньемъ дѣвочки, чтобы освободиться отъ лишней и дорогой мастерицы.

Строгая ко всѣмъ, хозяйка сразу полюбила Марго. Зато три мастерицы и Геня сразу ее возненавидѣли. Мастерицы — за то, что Марго являлась причиной увольненія ихъ четвертой товарки, да еще изъ зависти къ умѣнью француженки. А Геня возненавидѣла просто за то, что Марго стала сразу любимицей хозяйки, которую сама Геня терпѣть не могла. Геня дерзила, грубила хозяйкѣ; хозяйка то и дѣло ее наказывала.

Но наказанія не помогали, и Геня, отбывъ ихъ, проказничала, грубила и дерзила снова. Прогнать же Геню изъ мастерской Евангелина Денисовна не рѣшалась: Геня была очень ловкая проворная дѣвочка. Она знала городъ, какъ свои пять пальцевъ, и куда бы ни посылали ее, исполняла всевозможныя порученія быстро, ловко и умѣло, какъ никто другой. Безъ Гени, казалось, трудно было бы обойтись въ мастерской.

Ясное январское утро. Въ мастерской стало шумно и весело. Работа цвѣточницъ пріостановилась на время. Хозяйка куда-то ушла, а ея отсутствіемъ всегда пользуются мастерицы и ученицы. Онѣ побросали работу и не безъ интереса слѣдятъ за Геней, которая пристала къ простоватой Филѣ и не даетъ ей покою.

— Филя, а Филя,—говоритъ Геня дѣвочкѣ,—что у насъ на обѣдъ готовится нынче?

— Картошка, стало быть, — спокойно отвѣчаетъ Филя.

— А хозяйкѣ что?

— А хозяйка кисель будетъ хлебать.

— Ха-ха-ха! Хлебать—вотъ такъ слово!—залились смѣхомъ цвѣточницы.

— А ну васъ!—махнула рукой Филя.

— А кисель кто варитъ?—продолжала допытываться Геня.

— Васса стряпуха, стало быть,—почесывая голову, такъ же спокойно отвѣчаетъ Филя.

— А не ты?

— Не я.

— А ты хочешь удружить хозяйкѣ, Филя?

— Хочу, отчего не хотѣть.

— Такъ свари ей сама кисель нынче. Ты знаешь, она его любитъ больше всего, а удастся тебѣ угодить ей, такъ она тебѣ хорошо отплатитъ: косынку новую подаритъ и еще что-нибудь.

— Я сварю, отчего не сварить,—согласилась простоватая Филя.

— Стало быть свари. Только ты, вмѣсто сахару, соли въ кисель подсыпь побольше, она съ солью страсть какъ любитъ,—продолжала Геня.

— Ладно, подсыплю.

— Ну, вотъ и хорошо! Ложки четыре всыпь на одну тарелку, и косынка твоя. — Филя молчаливо согласилась, ничего не подозрѣвая, и мастерицы покатились со смѣху.

— Нѣтъ, нѣтъ, Филя, не дѣлай этого!—неожиданно крикнула съ своего мѣста Марго.—Тебѣ попадетъ отъ мадамъ. Ты не понимаешь, Филя, что кисель съ сахаромъ вкусно, а кисель съ солью гадость, которую никто не можетъ ѣсть. Геня шутитъ, а ты ей повѣрила.

— Да, повѣрила, — тупо улыбаясь, произнесла Филя.

Въ тотъ же мигъ поднялась со своего мѣста Геня и, покраснѣвъ отъ злости, накинулась на Марго.

— А тебя кто просилъ носъ совать не въ свое дѣло, а? Ты всегда сунешься и все испортишь! Покажу тебѣ какъ совать носъ...

— Маргариточка не можетъ иначе, такъ какъ изво-

литъ быть хозяйской любимицей,—насмѣшливо протянула мастерица Зина, которая тоже плохо относилась къ Марго, завидуя ея умѣнью и дружбѣ съ Евангелиной Денисовной.

— Что и говорить, мастерица—первый сортъ, изъ французской школы. Искусница такая, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ описать,—замѣтила въ сторону Марго другая мастерица, Ольга.

— Малъ золотникъ да дорогъ,—протянула по адресу Марго третья мастерица Лиля, и тутъ же пропѣла тоненькимъ голоскомъ:

Маргариточка-цвѣточекъ
Скромно въ полѣ расцвѣла.
И сама не замѣчала.
Какъ своей работой сводила всѣхъ съ ума.

Насмѣшки сыпались на маленькую француженку. Марго густо покраснѣла. Слезы готовы были брызнуть у нея изъ глазъ.

Тогда обычно тихая и кроткая Маша не выдержала и возвысила голосъ, заступаясь за свою любимую подругу:

— За что вы обижаете Марго? Злыя вы, нехорошія! Завистливыя вы! Не можете ей простить того, что она лучше всѣхъ васъ работаетъ, что у нея цвѣты лучше вашихъ выходятъ. Гадкія вы, злыя! При мадамъ вы такъ не смѣли бы нападать на нее.

— Ахъ ты, дѣвчонка!—вскочивъ со своего мѣста, закричала Зина.—Да я тебя за уши отреплю, если ты...

Она не договорила, потому что какъ разъ въ это

время раздался въ передней звонокъ. Роза побѣжала отворять дверь.

Евангелина Денисовна вошла въ мастерскую.

Разговоры сразу прекратились и всѣ углубились въ работу.

ГЛАВА XXXVIII.

Бѣлыя розы. Кисель съ солью. Несчастье.

ВОТЪ что,—произнесла Евангелина Денисовна, входя въ комнату,—я получила очень важный заказъ отъ одного большого магазина. Надо сдѣлать вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ съ зелеными листиками и шипами, точь въ точь какъ настоящія. Я хочу, чтобы цвѣты дѣлала одна Марго, вѣтки же и листья сдѣлать поручаю вамъ, мастерицы. Повторяю, заказъ очень важный, надо исполнить его поскорѣе, а потому приступите къ этой работѣ сегодня же.

— Марго,—позвала Евангелина Денисовна дѣвочку,—смотри, чтобы розы вышли какъ можно изящнѣе. Постарайся и отличись. Магазинъ, заказавшій мнѣ цвѣты, считается однимъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ. До сихъ поръ искусственные цвѣты выписывались имъ изъ Франціи, теперь же магазинъ хочетъ на пробу заказать ихъ намъ. Такъ постарайся угодить магазину, очень тебя прошу.

— Я постараюсь, мадамъ... — произнесла Марго, польщенная и сконфуженная новымъ вниманіемъ со стороны хозяйки.

Мастерицы многозначительно переглянулись между собой. А Геня прошипала тоненькимъ голоскомъ:

Маргариточка наша умница разумница,
Про это знаетъ вся улица,
Пѣтухъ да курица,
Котъ да кошка,
Да я немножко...

— Что ты тамъ бурчишь, Геня?—обратилась госпожа Нештъ къ дѣвочкѣ.

— Я пѣсенку пою. Господи, неужели и пѣсенки нельзя спѣть. Вотъ жизнь-то каторжная!—плаксиво протянула Геня.

— Чѣмъ глупости пѣть, лучше ступай на кухню да поторопи Вассу съ обѣдомъ,—строго обратилась къ ней хозяйка.

Той только и надо было этого. Она быстро вскочила съ мѣста и кинулась за дверь.

* * *

Обѣдали всѣ вмѣстѣ. На почетномъ концѣ сидѣла сама хозяйка; по обѣ стороны ея помѣщались мастерицы и дѣвочки. Подавала обѣдъ Васса, ей помогала Филя.

Хозяйка была сегодня довольна и привѣтлива, что случалось съ ней довольно рѣдко. Радовалъ ее и выгодный заказъ большого торговаго дома и возможность поручить этотъ заказъ Марго, которая, по предположенію Евангелины Денисовны, могла вполнѣ успѣшно выполнить его.

Подлѣ хозяйки, на стулѣ, сидѣлъ большой бѣлый сибирскій котъ Нини. Этого Нини Евангелина Денисовна любила и берегла пуще глаза. Не разъ попа-

дало той или другой дѣвочкѣ за то, что тѣ не давали во-время молока коту, или ненарокомъ наступали ему на лапку, на хвостъ, либо спугивали Нини съ мѣста. Нини былъ настоящимъ царькомъ въ цвѣточной мастерской мадамъ Нештъ. Въ то время, какъ цвѣточницамъ было строго-настрого воспрещено подходить къ столу, гдѣ лежали матеріи для выдѣлки цвѣтовъ, съ грязными руками, Нини могъ спокойно, когда ему вздумается, расположиться на кускахъ бархата, атласа, шелка и кисеи. И ѣлъ онъ съ одной тарелки съ хозяйкой и спалъ на одной подушкѣ съ Евангелиной Денисовной.

— Никто не смѣетъ обижать Нини. Кто попробуетъ сдѣлать это, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной,— не разъ строго говорила цвѣточницамъ мадамъ Нештъ. Филя была спеціально приставлена въ няньки къ Нини.

Сейчасъ Нини сидѣлъ подлѣ хозяйки, обвязанный, какъ ребенокъ, салфеткой вокругъ шеи. Это дѣлалось для того, чтобы какъ-нибудь не запачкалась бѣлоснѣжная шерстка всегда чистенькаго и пушистаго кота.

Съѣли супъ, на второе подали отварное мясо съ варенымъ картофелемъ. Хозяйкѣ принесли отдѣльное блюдо—кисель.

Кисель былъ любимымъ блюдомъ Евангелины Денисовны. Она заранѣе уже улыбалась отъ удовольствія, при видѣ Фили, несшей тарелку съ дымящимся кушаньемъ. Отъ киселя шелъ паръ и вкусный ароматъ сушеной черной смородины. Предвкушая насла-

жденіе, мадамъ Нештъ поставила передъ собой тарелку и взялась за ложку.

Вдругъ ложка выпала изъ руки хозяйки, а лицо ея, улыбавшееся и довольное еще за минуту до этого, внезапно исказилось гримасой отвращенія.

— Какая гадость! Тьфу! Тьфу! Тьфу!—то отплевываясь, то зажимая ротъ салфеткой, забормотала Евангелина Денисовна съ покраснѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ.

— Кто варилъ кисель? Васса? Позовите Вассу,— приказала она, едва переводя духъ.

Появилась Васса, толстая, высокая женщина, въ засаленномъ полосатомъ передникѣ.

— Что это за ужасъ? Попробуйте!—протягивая ей ложку съ киселемъ, негодующимъ тономъ говорила хозяйка.

Та попробовала киселя съ ложки и тоже стала отплевываться и строить невольныя гримасы.

— Ахъ, она негодная дѣвчонка! Видѣла я, какъ сыпала она что-то у плиты!—возмущеннымъ тономъ заговорила Васса.—Думала я, сахаръ это она, чтобы подсластить, угодить хозяйкѣ, а тутъ иное, вишь, совсѣмъ дѣло вышло. Ахъ, ты негодница, негодница, постой ты у меня!—грозила кухарка кому-то толстымъ пальцемъ.

— Кто негодница?—ничего не понимая, спросила хозяйка.

— Да Генька ваша... Прибѣжала торопить меня обѣдъ подавать, а сама такъ и юлитъ, такъ и юлитъ,—жаловалась Васса.

Евангелина Денисовна даже въ лицѣ измѣнилась.

— Геня, поди сюда!—коротко и зловѣще позвала она дѣвочку.

Всѣ замерли на своихъ мѣстахъ, всѣ поняли, что не сдобровать теперь проказницѣ Генѣ, и каждая втайнѣ пожалѣла дѣвочку. Но Геня, какъ ни въ чемъ не бывало, встала со своего мѣста и подошла къ хозяйкѣ, и въ лицѣ ея не замѣчалось ни малѣйшаго страха, ни малѣйшаго смущенія.

— Это ты насыпала соли вмѣсто сахара?

— Да, я,—спокойно, къ общему удивленію, отвѣтила Геня.

— Нечаянно?

— Нѣтъ, кажется, нарочно.

О, это было уже слишкомъ. Полное лицо Евангелины Денисовны поблѣднѣло, какъ полотно. Руки у нея затряслись.

— Ага!—произнесла она такъ значительно, что мастерицы и дѣвочки вздрогнули поневолѣ.—Подойдика сюда поближе и повтори то, что сказала сейчасъ.

Нимало не смущенная Геня придвинулась на шагъ къ хозяйкѣ и произнесла вторично:

— Я сдѣлала это нарочно.

Тогда хозяйка протянула ей тарелку съ киселемъ, сунула въ руку ложку и тономъ, не допускающимъ возраженій, произнесла коротко:

— Ѣшь!

Геня слегка подалась назадъ.

— Ѣшь сама эту гадость, разъ ты хотѣла угостить меня ею,—еще суровѣе произнесла госпожа Нештъ.

— Держите, держите ее!—кричала хозяйка...

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

Геня молча, съ покорнымъ видомъ, взяла ложку, зачерпнула ею изъ тарелки горячаго киселя и поднесла было ко рту. Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное.

Лѣвая рука Гени опустилась, полная до краевъ горячей алой жидкости тарелка выскользнула и упала прямо на бѣлоснѣжнаго Нини, безмятежно возсѣдавшаго на своемъ стулѣ подлѣ хозяйки.

— Мя-а-а-а-а... — отчаянно заоралъ несчастный ошпаренный и испуганный котишка и волчкомъ закружился на одномъ мѣстѣ.

— А, такъ-то ты, дрянная, безжалостная дѣвчонка!—взвизгнула Евангелина Денисовна и, схвативъ на руки кота, залѣпленнаго алой кисельной жижей, понеслась вдогонку за Геней.

Та, со скоростью стрѣлы, бросилась отъ разъяренной Евангелины Денисовны. Получилась суета и шумъ невообразимый.

— Держите ее, держите!—кричала хозяйка, все больше и больше отставая отъ ускользавшей отъ нея дерзкой дѣвчонки.

— Карррaулъ, меня хотятъ заставить теперь съѣсть самого кота!—вопила Геня въ свою очередь.

— Мя-а-а-а-а... — продолжалъ неистово мяукать несчастный Нини. А мастерицы и дѣвочки давились со смѣха.

— Заказчицы пришли,—заявила съ порога Васса, прекративъ этимъ сразу всю происходившую здѣсь суматоху.

Все еще красная отъ гнѣва и трясущаяся отъ

злобы, хозяйка быстро передала Нини одной изъ дѣвочекъ, приказавъ сдѣлать примочку пострадавшему коту и хорошенько вымыть его и, пригрозивъ Генѣ небывалымъ наказаніемъ, поспѣшила къ заказчицамъ.

ГЛАВА XXXIX.

Снова Иванка и Яшка.

— СМОТРИТЕ, смотрите! Кто это такой?

— Батюшки, никакъ трубочистъ!

— Негръ, вѣрнѣе.

— Миленькія, да онъ не одинъ. Глядите, изъ-за пазухи голова торчитъ чья-то.

— Да, голова, и лохматая.

— Полно вамъ сочинять! Это просто мальчикъ съ обезьяной,—вмѣшалась мастерица Ольга.

— Ну, конечно, мальчикъ съ обезьяной,—согласились сразу цвѣточницы.

Посреди кухни стоялъ Иванка: изъ-за пазухи у него выглядывала потѣшная мордочка Яшки. Онъ только что съ чернаго хода пришелъ въ цвѣточную мастерскую и попросилъ Вассу вызвать Марго.

Но Васса, которую появленіе оборваннаго болгарина порядкомъ напугало, вызвала сюда, вмѣсто Марго, трехъ старшихъ мастерицъ. За ними заглянули въ кухню Геня, Роза и Маша. Одна только Марго продолжала сидѣть на своемъ обычномъ мѣстѣ въ

мастерской и усердно работала надъ вѣнкомъ, который поручила ей Евангелина Денисовна.

Вѣнокъ былъ уже почти готовъ. Прекрасныя нѣжныя розы казались настоящими живыми цвѣтами. Имъ недоставало только аромата. Каждый лепестокъ цвѣтка, казалось, жилъ, улыбался своей свѣжестью. Ожиданія хозяйки вполнѣ оправдались. Марго блестяще выполнила заказъ, работа, занявшая цѣлыя двѣ недѣли времени и труда, была почти закончена. Оставалось прикрѣпить послѣдній цвѣтокъ. Марго такъ увлеклась окончаніемъ работы, что не замѣтила, какъ опустѣла мастерская, не слышала голосовъ, доносившихся изъ кухни. Самой мадамъ Нештъ не было въ это утро въ мастерской. Она поѣхала по дѣламъ и раньше вечера не могла возвратиться, поэтому цвѣточницы чувствовали себя свободными. Онѣ окружили Иванку и съ любопытствомъ разглядывали его и Яшку.

— Кто ты такой?

— Откуда?

— Зачѣмъ пришелъ сюда?

— Зачѣмъ тебѣ Марго?

— Ты говоришь, что она тебѣ сестрой приходится?

— А заставь твою обезьянку показать намъ всѣ ея фокусы.

Иванка только улыбался въ отвѣтъ, то и дѣло обнажая свои бѣлые зубы да сверкая своими черными глазами. Ему было очень пріятно, что всѣ эти дѣвушки такъ гостепріимно встрѣтили его. Отъ дворника Матвѣя онъ уже успѣлъ узнать, что новенькая

живетъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ и что сама Нештиха ею очень довольна. Ему страшно захотѣлось повидать свою прежнюю спутницу. Чтобы заручиться расположеніемъ цвѣточницъ, Иванка спустилъ на полъ Яшку и приказалъ ему продѣлать все, чему онъ наученъ.

Въ эту минуту вернулась изъ лавки Филя. Выпучивъ отъ страха и удивленія глаза, она остановилась у порога и дико посмотрѣла на никогда невиданное ею животное.

— Совсѣмъ, какъ человѣкъ...—пугливо проронила она.

— Какой же это человѣкъ, Филя? Да вѣдь это маленькій чортикъ,—возразила ей самымъ серьезнымъ тономъ Геня.

— А-а-а!—взвизгнула, присѣдая на полъ, Филя.—Маленькій чортикъ, стало быть...

— Стало быть, онъ самый, Филя.

— А-а-а-а-а... Помилуй насъ, Господи! Царица Небесная! Владычица Богородица!.. Нечистый и есть. Глазами-то какъ вращаетъ... Тьфу, чуръ меня, чуръ, чуръ, прости Господи! — шептала въ ужасѣ Филя, мечась по кухнѣ и ища мѣсто, куда бы ей спрятаться.

— Глупая ты, глупая, Филя! Неужели ты обезьянъ на картинкахъ никогда не видала?—урезонивали дѣвочку старшія мастерицы, между тѣмъ какъ Геня покатывалась со смѣху.

— Такъ, стало быть, облизьяна это?—съ робкимъ недовѣріемъ произнесла Филя.

Геня продолжала хохотать.

Впрочемъ, теперь она смѣялась не надъ одной только Филей, но и надъ самимъ Яшкой, который въ это время, одною рукою держа палку, какъ ружье, другою преважно козырялъ цвѣточницамъ, маршируя передъ ними какъ настоящій солдатъ. Потомъ подобравъ шлейфъ своей красной юбки и развернувъ бумажный зонтикъ надъ головой. Яшка изображалъ важно прогуливавшуюся по саду барыню.

— Ха-ха-ха!—заливались мастерицы.

— Хи-хи-хи!—вторили имъ дѣвочки.

Этотъ смѣхъ привлекъ вниманіе Марго. Она оставила работу и быстро прошла изъ мастерской въ кухню и замерла, оживленная и радостная, на порогѣ.

— Иванка! Яшка!—громко воскликнула дѣвочка.

Въ тотъ же мигъ Яшка далеко отбросилъ отъ себя зонтикъ и однимъ прыжкомъ очутился на груди Марго. Худенькія его лапки, похожія на человѣческія руки, нѣжно обхватили голову дѣвочки, а круглые, мигающіе глазки, казалось, выражали желаніе что-то сказать.

— Иванка, мой милый Иванка! Какъ я рада тебя видѣть!—лепетала радостно Марго.

Иванка въ свою очередь приблизился къ дѣвочкѣ и крѣпко пожалъ ей руку.

— Я радъ тебя видѣть здоровой, Маргаритушка,— произнесъ не безъ волненія мальчикъ.

— Отчего ты такъ долго не приходилъ?—съ укоромъ взглянула на него Марго.

— Я былъ въ больницѣ. Простудился и заболѣлъ, —пояснилъ мальчикъ.—И Яшка былъ нездоровъ тоже, его взялъ къ себѣ больничный докторъ, держалъ его до моего выздоровленія. А теперь мы снова здоровы оба.

— Ты будешь теперь часто приходить ко мнѣ, Иванка?—спросила Марго, заглядывая въ глаза своего друга.

— Если позволитъ твоя хозяйка, то каждый праздникъ.

— Ну, смотри же приходи завтра, какъ разъ праздникъ будетъ.

— Непремѣнно приду.

Друзья снова пожали другъ другу руку, не замѣчая насмѣшливыхъ улыбокъ мастерицъ и Гени. Потомъ Марго поцѣловала не переставшую забавно гримасничать мордочку Яшки, и они разстались.

ГЛАВА XL.

Маленькая мастерица.

НЕЧЕГО сказать, хорошъ паренекъ!—заговорили въ мастерской послѣ ухода Иванки.

— Неужели же всѣ французы такіе?

— Да это не французъ, а болгаринъ.

—А какъ же онъ нашей француженкѣ доводится братомъ?

— Всѣ ницiе—братья между собой.

— Марго, а Марго! Съ какихъ это поръ ты, француженка, съ болгариномъ побраталась?

— Разскажи, душенька, да позабавнѣе. Мы сказки да бредни страсть какъ слушать любимъ.

Потокъ насмѣшекъ такъ и лился на голову Марго. Мастерицы забыли, вѣрно, какъ смѣшилъ и забавлялъ ихъ болгаринъ съ его обезьяной, и теперь всячески, по уходѣ Иванки, издѣвались надъ нимъ.

Марго страдала за себя и своего друга. Напрасно добрая Маша, наклонившись къ уху подружки, убѣждала ее не обращать вниманія на злыхъ мастерицъ, — Марго волновалась такъ, что было жалко смотрѣть на нее.

Возвращеніе домой хозяйки сразу прекратило эту травлю.

Первое, что увидѣла возвратившаяся Евангелина Денисовна, войдя въ мастерскую, былъ бѣлый очаровательный вѣнокъ, лежавшій передъ Марго на столѣ. Мадамъ Нештъ тщательно осмотрѣла не только каждый цвѣтокъ, но и каждый лепестокъ, нѣжно и удивительно искусно склеенный изъ атласа, шелка и бархата. И не могла скрыть охватившаго ее восторга.

— Ну, Марго,—съ сіяющимъ лицомъ обратилась она къ дѣвочкѣ, — этой работой ты дѣйствительно отличилась. Вѣнокъ сдѣланъ отлично, и я могу гордиться тѣмъ, что онъ выполненъ въ моей мастерской. А ты, милая, которая одна, безъ посторонней помощи его изготовила, не можешь оставаться у меня простой ученицей. Съ этого дня я назначаю тебѣ жалованье десять рублей въ мѣсяцъ и дѣлаю тебя младшей мастерицей, несмотря на то, что ты еще маленькая десятилѣтняя дѣвочка. Надѣюсь, ты довольна такимъ рѣшеніемъ?

Довольна ли она? Ахъ, Марго показалось, что все это она видитъ и слышитъ во снѣ—и похвалы хозяйки и завистливые взгляды мастерицъ. Въ ея маленькой душѣ расцвѣли новыя радостныя надежды. Разъ ей назначили жалованье, она будетъ помогать Иванкѣ, будетъ откладывать и копить деньги на поѣздку въ Парижъ.

«Парижъ... Парижъ... Милая родина... Дорогой Поль... Добрый дѣдушка Ришаръ... Неужели я увижу васъ всѣхъ?»—пронеслось въ головѣ Марго.

Между тѣмъ, лишь только Евангелина Денисовна вышла изъ комнаты, какъ мастерицы заволновались, заговорили всѣ сразу.

— Вотъ и праздникъ! Дождались! Того и гляди, всѣхъ насъ повыгонитъ Нештиха, одну любимицу свою въ помощницахъ у себя оставитъ. Выискала мастерицу!..

— Ужъ это какъ пить дать будетъ, выгонитъ изъ-за Маргошки всѣхъ до одной.

— А вѣнокъ хорошъ, слова противъ этого сказать нельзя,—шепнула, подзадаривая всѣхъ, Геня.

— Молчи, Генька, уши нарву!—разсердилась мастерица Ляля.

— Что-жъ, уши оборвете, да толку-то мало: я-то буду безъ ушей, а вѣнокъ свой Маргариточка въ магазинъ потащитъ, и новая мастерица между вами будетъ,—не унималась Геня.—Еще, пожалуй, ее за старшую надъ вами поставятъ.

— Ну, это дудки... Не позволимъ мы.

— Что вы тамъ шепчетесь. Работать сейчасъ. Какіе могутъ быть разговоры въ рабочее время!—снова неожиданно появляясь на порогѣ мастерской съ картонкой въ рукахъ, строго прикрикнула Евангелина Денисовна на разболтавшихся цвѣточницъ.—Евгенія, ты что тамъ опять баламутишь?—еще строже обратилась она къ Генѣ.

— Что вы на меня поклепъ возводите, Евангелина Денисовна!..—плаксивымъ тономъ пропищала та.—Я тихонько сижу, никого не трогаю, никому не мѣшаю. Зря только обижаете...

— Молчать!

— Не могу я молчать, когда зря обижаете!

— Сію минуту молчи!

— Хочу, да не могу. Самъ языкъ болтается, никакъ не удержать,—къ общей потѣхѣ отвѣтила Геня.

— Вотъ я тебя накажу, тогда онъ перестанетъ болтаться,—разсердилась хозяйка.

— А я кричать стану. Всѣ сосѣди соберутся и увидятъ, какъ вы бѣдную сиротку мучаете, всѣмъ на васъ нажалуюсь тогда.

— Ступай въ уголъ сейчасъ, дерзкая дѣвчонка!—закричала Евангелина Денисовна.

— Въ который, мадамъ? Здѣсь четыре угла, по дорогѣ заблудишься.

Геня съ каждой минутой становилась все рѣзче и смѣлѣе. Она знала, что хозяйка побоится бить ее въ присутствіи мастерицъ.

Евангелина Денисовна буквально задыхалась отъ гнѣва.

— Гадкая дѣвчонка. Ты у меня дождешься! Выгоню тебя на улицу!—продолжала она кричать на всю мастерскую.

— А я по улицѣ пойду и каждому встрѣчному разсказывать стану, какъ вы здѣсь насъ бѣдныхъ мучаете, истязаете. Ни слова не утаю. То ли будетъ любо-дорого!—тянула въ отвѣтъ разгнѣванной хозяйкѣ плаксивымъ голосомъ изъ угла Геня.

Мастерицы фыркали, смѣялись украдкой. Дѣвочки замирали отъ страха за участь Гени.

Но видъ очаровательнаго вѣнка изъ бѣлыхъ розъ,

вышедшаго изъ-подъ рукъ Марго и снова попавшагося на глаза госпожѣ Нештъ, былъ такъ хорошъ, что Евангелина Денисовна махнула на этотъ разъ рукой на всѣ дерзости Гени и занялась укладываніемъ вѣнка въ принесенную картонку.

* *
*

— Госпожа мастерица идетъ, кланяйтесь ей пониже!

— Отъ горшка два вершка, а туда же! Важничаетъ!

— Подумаешь, есть чѣмъ гордиться!

Такъ насмѣхались мастерицы, наскоро одѣваясь въ передней и искоса поглядывая на Марго, зачѣмъ-то вышедшую въ переднюю.

Неожиданно предъ ними, словно грибъ, выросла вертлявая фигура Гени.

— Тошнехонько вамъ, чай, что Маргошку, эту карлицу самую, вамъ въ товарки навязали?—лукаво поблескивая глазами, спросила она дѣвушекъ самымъ невиннымъ тономъ.

— Не твое дѣло! — сердито отрѣзала Ольга, не глядя на нее.

— А вы потише со мною, миленькая... Авось Генька пригодится. Не плюй въ колодецъ—пригодится воды напиться, — снова захихикала Геня. — А хотите, дѣвицы, чтобъ и вѣнка не стало и чтобы Маргошка въ мастерицы не попала?

— Да какъ же ты сдѣлаешь это? — изумленно воскликнули всѣ три мастерицы.

— Да ужъ это мое дѣло. Только никто изъ васъ меня не выдастъ?

— Понятно, не выдадимъ! Ума ты рехнулась, что ли?

— Ну, такъ по рукамъ... Я вамъ услужу, а вы меня за это отъ хозяйки защищайте. Будете?

— Будемъ, будемъ защищать! Не бойся, Геня.

— Ну, теперь ступайте по домамъ, и намъ, дѣвочкамъ, время спать ложиться. Да, кстати, обѣщалъ, что ли, этотъ нищій мальчуганъ придти завтра въ праздникъ къ Марго?

— Обѣщалъ, обѣщалъ, какъ же.

— И съ обезьянкой своей?

— И съ обезьянкой, да.

— Ну, стало быть, какъ Филя-простофиля говоритъ, дѣло въ шляпѣ. Спокойной ночи; послѣзавтра придете, и дѣло будетъ уже сдѣлано,—и Геня быстрой птицей выпорхнула изъ прихожей, промчалась по мастерской и исчезла въ полутемной заставленной шкапами комнатѣ, гдѣ спали дѣвочки-ученицы, жившія на всемъ готовомъ у мадамъ Нештъ.

ГЛАВА XLI.

Что случилось на слѣдующій день.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Мастерская убрана по праздничному. Мадамъ Нештъ хлопочетъ по хозяйству, часто заглядываетъ на кухню, потому что кухарка Васса отпущена за городъ, къ дочери.

— Филя, надо сбѣгать за провизіей въ лавку, а то закроютъ. Уже одиннадцатый часъ, а вѣдь сегодня воскресенье!—сказала Евангелина Денисовна.

— Иду,—покорно отвѣтила Филя.

— Подожди, я тебѣ дамъ записку, вѣдь въ лавкѣ беремъ по запискамъ, развѣ не знаешь! Эхъ ты, голова!—и мадамъ Нештъ, доставъ бумагу и карандашъ, принялась писать лавочнику, какой и сколько провизіи отпустить Филѣ. Написавъ, она сказала:

— На, теперь ступай!

Филя одѣлась, взяла со стола записку и пошла въ лавку. Но каково было удивленіе мадамъ Нештъ, когда черезъ пять минутъ дѣвочка вернулась обратно безъ провизіи.

— Не даютъ... Смѣются... Прогнали!—жалуется Филя, подавая хозяйкѣ обратно записку.

Евгенія Денисовна взглянула и ахнула. Это былъ не заказъ на провизію, а стишки, написанные коряВымъ почеркомъ Гени:

Ахъ ты, Филя-простофиля,
Деревенщина моя...
Вышла въ лавку покупать,
Проситъ мяса ей продать,
Хлѣба, овощей и лука,
Только денегъ не несетъ,
Дарóмъ весь товаръ беретъ.
Филѣ вы не довѣряйтесь,
Филю вы остерегайтесь,
Ей товару не давайте,
Вонъ изъ лавки выгоняйте

Дѣйствительно, Филю выгнали изъ лавки и проводили насмѣшками.

Геня сумѣла ловко подмѣнить хозяйкину бумажку листкомъ со стишками, сочиненными ею самой. Геня вообще была мастерица сочинять стишки о томъ, о семъ. И попало же за это Генѣ. Пользуясь отсутствіемъ мастерицъ, хозяйка больно наказала ее ремнемъ. Но Геня зажала ротъ, стиснула зубы и не испустила ни единаго крика.

Ахъ, что было потомъ... Подвернулся въ недобрый, видно, часъ подъ руку Генѣ бѣлый прелестный сибирскій котикъ,—и вмигъ превратился въ чернаго полосатаго звѣрька: Геня не пожалѣла угля изъ печки.

Это случилось въ отсутствіе Евангелины Денисовны, уѣхавшей куда-то въ гости. Не было дома и дѣвочки Маши, отпущенной къ старой бабушкѣ въ богадѣльню. Въ квартирѣ были только Геня, Филя и Марго.

Въ двѣнадцать часовъ пришелъ Иванка. Марго сильно обрадовалась мальчику. Она поручила Филѣ заняться Яшкой, а сама, усадивъ Иванку въ кухнѣ на табуретѣ, угощала его своей порціей воскреснаго завтрака, предусмотрительно оставленнаго ею для дорогого гостя.

Пока Иванка угощался непривычнымъ для него вкуснымъ кушаньемъ, Марго разсказывала ему о своей работѣ, о похвалахъ хозяйки, о положенномъ ей жалованьѣ и о зависти мастерицъ.

— Обижаютъ онѣ меня, Иванка,—говорила дѣвочка, — да все это вздоръ, терпѣть можно. Мадамъ меня цѣнитъ, любитъ, мастерицей сдѣлала, жалованье положила, Теперь копить на дорогу будемъ, и тебѣ голодать не придется, я съ тобой подѣлюсь.

Иванка съ аппетитомъ завтракалъ, гладилъ по головѣ Марго и ласково говорилъ ей:

— Ты потерпи, ужъ потерпи, Маргаритушка.

— Разумѣется, буду терпѣть...

— Очень это все хорошо, Маргаритушка,—улыбаясь и сіяя глазами, говорилъ Иванка. — Ты въ мастерицахъ работать будешь, я дѣла свои поправлю. На улицѣ теплѣе погода стала, глядишь, можно снова работать съ Яшей... Насбираемъ денегъ и махнемъ въ Парижъ.

— Ахъ, Иванка, вотъ радость-то будетъ!

И Марго стала весело строить планы относительно будущаго путешествія въ Парижъ.

ГЛАВА XLII.

О томъ, что произошло въ рабочей комнатѣ.

МЕЖДУ тѣмъ, Геня и Филя, вдоволь набѣгавшись и натѣшившись съ Яшкой, усѣлись за рабочій столъ въ мастерской. Посреди этого стола стояла закрытая и тщательно увязанная картонка съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ, такъ искусно сдѣланныхъ Марго. Рядомъ съ нею лежалъ на столѣ другой вѣнокъ, старенькій, довольно потрепанный и засаленный, служившій образцомъ для цвѣточницъ. Тутъ же стоялъ стаканъ съ краской, которою мастерицы подкрашивали изрѣдка листья и вѣтки искусственныхъ цвѣтовъ. Изъ стакана торчала длинная кисточка.

— Филя,—обратилась съ самымъ невиннымъ видомъ Геня къ своей простоватой подругѣ, — ты знаешь уже теперь, что за звѣрь этотъ самый Яшка?

— Знаю, стало быть, облизьяна,—кивнула головой Филя.

— А знаешь, чѣмъ обезьяны отличаются отъ другихъ звѣрей?

— Чево это?—не поняла Филя.

— Фу ты, глупая какая! Спрашиваю тебя: знаешь, чѣмъ отъ другихъ животныхъ отличаются обезьяны.

— Не,—простодушно отвѣтила Филя.

— Да тѣмъ, что онѣ человѣка любятъ передразнивать.

— Не понимаю...

— Сейчасъ поймешь. Вотъ возьми кисточку и покрась зеленой краской цвѣты на этомъ вѣнкѣ и ты увидишь, что Яшка то же самое станетъ дѣлать.

— Что?

— Ахъ ты, Господи!—разсердилась Геня на безтолковую дѣвочку.—Ну, вотъ, смотри...

Тутъ она взяла старенькій, потрепанный вѣнокъ и, макнувъ кистью въ зеленую краску, стала выводить ею по каждому цвѣтку, по каждому листику.

Яшка, въ это время внимательно разсматривавшій себя въ зеркало, стоявшее въ углу мастерской, вдругъ прекратилъ свое занятіе и шаловливо прыгнулъ на столъ. Тутъ онъ сталъ усердно слѣдить за каждымъ движеніемъ Гени, красившей цвѣты.

Геня, выкрасивъ нѣсколько цвѣтковъ, какъ бы случайно выронила кисточку изъ рукъ. Въ тотъ же мигъ кисточка и вѣнокъ очутились въ лапкахъ Яшки. Съ уморительными ужимками обезьянка принялась макать кисть въ стаканъ съ краской и водить ею по листьямъ и цвѣтамъ старенькаго вѣнка.

Геня и Филя помирали со смѣху, глядя на Яшку.

Вдругъ лицо Гени приняло серьезное, сосредоточенное выраженіе.

— Ты бы, Филя, пошла въ кухню, посмотрѣла бы, что тамъ дѣлаетъ тотъ мальчуганъ. Не стащилъ бы чего. За этими нищими надо смотрѣть въ оба. А я сейчасъ слѣдомъ за тобой приду.

Филя, побаивавшаяся бойкой и живой Гени, безпрекословно подчинялась ей во всемъ. И сейчасъ она покорно вышла на кухню по первому ея слову.

Этого только и надо было Генѣ. Оставшись одна, она быстрымъ движеніемъ вырвала изъ рукъ Яшки старый вѣнокъ и сбросила его на полъ. Затѣмъ такъ же быстро развязала картонку, вынула новый вѣнокъ и словно нечаянно бросила его на столъ передъ Яшкой.

Обезьянка, разумѣется, не стала раздумывать, тотчасъ же снова макнула кисточку въ зеленую жидкость и принялась усердно водить ею по нѣжнымъ шелковистымъ лепесткамъ бѣлыхъ искусственныхъ розъ.

Съ затаеннымъ волненіемъ Геня слѣдила за этой работой. У нея отъ радости глаза заблистали. Она далеко не ожидала такого успѣха отъ своей затѣи. Когда она обѣщала мастерицамъ подвести Марго, то думала поступить совсѣмъ иначе; просто дать Яшкѣ поиграть работой Марго и предоставить ему возможность попортить хорошенькій вѣнокъ. А тутъ выходило нѣчто лучшее. Испорченный помятый вѣнокъ всегда можно было бы починить и возстановить, а выкрашенныя въ зеленый цвѣтъ розы нельзя уже ни подъ какимъ видомъ передѣлать въ бѣлыя.

«Зеленыя розы. Ха-ха-ха! Ихъ можно только развѣ увидѣть во снѣ!»—торжествовала мысленно Геня, слѣдя за работой Яшки.

Обезьянка все продолжала безжалостно превращать нѣжные бѣлые цвѣты въ яркозеленые, не понимая, какое горе этой работой приноситъ маленькой дѣвочкѣ, которая такъ нѣжно заботилась о ней.

Когда послѣдняя бѣлая роза превратилась въ безобразно-зеленую, Геня грубо столкнула на полъ обезьянку и тихо позвала Филю, придавъ наскоро своему лицу испугъ и отчаяніе:

— Филя! Филя! Иди сюда!

Филя быстро прибѣжала на ея зовъ.

— Ну, что тамъ на кухнѣ?

— Ничего, все цѣлехонько... Калякаютъ тамъ себѣ на кухнѣ...—начала она и вдругъ съ выпученными со страху глазами присѣла на полъ.

— Батюшки-свѣты! Царица Небесная! Цвѣтки-то, цвѣтики! Батюшки! Кто-жь это ихъ такъ?

Въ одинъ мигъ Геня очутилась подлѣ причитывавшей дѣвочки и зажала ей рукою ротъ.

— Нишкни! Молчи! Ни одного слова! Чтобы никто не зналъ... ни единая душа, слышишь? Я пошла убирать Нештихину комнату, пришла и вижу: картонка раскрыта, обезьяна эта противная надъ вѣнками трудится, старый испортила, за новый принялась. Вѣдь это Маргошкина вина. Завтра сдавать надо... Мадамъ узнаетъ—бѣда! Маргошку убьетъ и насъ заодно съ нею... Скажетъ—не уберегли. Ужъ лучше молчать. Уложимъ и завяжемъ какъ было.

Авось не замѣтятъ, а тамъ въ магазинъ отнесутъ и сдадутъ. Пока узнается—много пройдетъ времени, и я придумаю что-нибудь. Только ты молчи... Христа ради, не сознавайся, что при насъ обезьяна напроказничала. Скажемъ, ушли изъ комнаты, а она и отдѣлала работу по-свойски. И старый вѣнокъ покажемъ.

— Господи Іисусе Христе, вотъ несчастье-то!—попрежнему лепетала вся бѣлая отъ испуга Филя.

— Молчи, тебѣ говорятъ!—прикрикнула на нее Геня.—Да чтобы Маргошка-то не узнала. Смотри—молчи!

— Господи Іисусе... Стало быть, буду молчать.

— То-то же... Не то и себя и меня погубишь.

— Ладно ужъ...

— Ну, а теперь пойдемъ къ нимъ, не то догадаются сразу.

Тутъ Геня быстро уложила обезображенный вѣнокъ въ картонку, тщательно накрыла его тонкой папиросной бумагой и, увязавъ картонъ бечевкой, какъ ни въ чемъ не бывало, подхватила за ошейникъ Яшку и потащила его на кухню, гдѣ мирно, ничего не подозрѣвая, Марго бесѣдовала съ Иванкой.

Филя покорно послѣдовала за Геней.

ГЛАВА XLIII.

Ужасное открытіе.

Ну, дѣвочка, смотри, неси картонку осторожнѣе. Вотъ тебѣ двугривенный на извозчика, боюсь, что ты не найдешь сама магазина. Васса донесетъ картонку и усадитъ тебя. Адресъ магазина я скажу ей. Посылаю тебя, Марго, а не другую дѣвочку, чтобы въ магазинѣ увидѣли мою искусную мастерицу. Ну, живо! Деньги они сами пришлютъ, ты можешь ихъ не дожидаться.

Съ этими словами Евангелина Денисовна проводила Марго до дверей мастерской. Васса вынесла за нею картонку. Спустились съ крыльца, вышли на улицу.

— Извозчикъ! — позвала Васса. — Невскій, Торговый Домъ «Жоржъ»...

«Жоржъ»! Такъ значитъ, вѣнокъ заказалъ торговый домъ «Жоржъ». Это—наша парижская фирма. Тамъ служитъ дѣдушка Поля. Можетъ быть, я узнаю въ здѣшнемъ отдѣленіи что-нибудь о нихъ...—радостно и взволнованно подумала Марго и остановилась

какъ вкопанная, забывъ, что Вассѣ поручено посадить ее на извозчика.

— Ладно ужъ, ладно, поѣзжай! Да держи обѣими руками картонку-то. Не приведи Господь, еще уронишь невзначай,—напутствовала Марго Васса, сажая ее въ извозчичью пролетку.

Извозчикъ тронулъ, и Марго поѣхала.

Пока извозчикъ плелся по пустыннымъ еще въ это раннее утро улицамъ столицы, Марго мечтала о томъ, какъ она разспроситъ въ магазинѣ о господинѣ Ришарѣ.

«Навѣрное, его всѣ знаютъ. Вѣдь онъ цѣлые тридцать лѣтъ работаетъ тамъ», — наивно думала Марго, забывая, что служащихъ въ торговомъ домѣ «Жоржъ» очень много и что имена ихъ всѣхъ не могутъ быть извѣстны петербургскимъ приказчикамъ фирмы.

Вотъ Марго проѣхала длинный-длинный мостъ, огромную площадь и скоро выѣхала на Невскій. Еще нѣсколько минутъ, и извозчикъ осадилъ лошадь передъ роскошнымъ магазиномъ съ огромными зеркальными витринами. Швейцаръ распахнулъ дверь передъ дѣвочкой, и Марго не безъ волненія вошла въ магазинъ.

Въ первомъ отдѣленіи, налѣво, продавалось мужское платье: пальто, фраки, сюртуки, пиджаки, брюки, а затѣмъ и бѣлье.

Съ трудомъ придерживая тяжелую картонку, дѣвочка повернула направо, гдѣ, привлекая взоры пестротою красокъ, виднѣлись дамскіе наряды, платья,

капоты и манто. Какъ разъ за ними пестрѣли красивыми алыми, голубыми, розовыми, синими и лиловыми оттѣнками гирлянды, вѣнки, пышно составленные букеты и просто отдѣльные цвѣты. Это было отдѣленіе искусственныхъ цвѣтовъ.

Марго туда и поспѣшила.

— Monsieur,—обратилась она къ вышедшему къ ней изъ-за прилавка приказчику,—я принесла заказъ изъ цвѣточной мастерской мадамъ Нештъ.

— Ага, очень хорошо,—улыбнулся приказчикъ.— Но какъ вы могли донести сюда картонку? Такая маленькая дѣвочка и такая большая коробка.

— О, я совсѣмъ не маленькая,—улыбнулась въ свою очередь и Марго,—мнѣ уже десять лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я бы не далъ больше восьми.

Въ эту минуту къ Марго подошелъ нарядный господинъ въ бѣломъ жилетѣ и съ брильянтовымъ перстнемъ на мизинцѣ.

— Маленькая цвѣточница? Та самая, о которой мнѣ говорила мадамъ Нештъ? Та самая искусная мастерица?—произнесъ по-французски нарядный господинъ—управляющій магазиномъ и протянулъ руку Марго.

Та отвѣтила реверансомъ и пожала протянутую руку. Управляющій показался ей очень милымъ и славнымъ человѣкомъ. Онъ такъ привѣтливо встрѣтилъ Марго, что это дало дѣвочкѣ смѣлость спросить о Ришарѣ, дѣдушкѣ Поля.

— Monsieur, не знаете ли вы Рене Ришара? Онъ

служитъ въ вашей же фирмѣ въ Парижѣ...—робко освѣдомилась Марго.

— Нѣтъ, дитя мое, я не знаю никакого Ришара,— отвѣтилъ управляющій.—Покажите вашу работу; мадамъ Нештъ очень хвалила ее, она говорила мнѣ, что вы самая искусная маленькая цвѣточница въ мірѣ. Итакъ, покажите, покажите вашъ вѣнокъ.

Подошли другіе приказчики и барышни-продавщицы, свободные отъ работы въ этотъ ранній утренній часъ. Всѣ они съ удивленіемъ поглядывали на Марго.

— Какъ, такая малютка и считается лучшей цвѣточницей госпожи Нештъ? — перешептывались они между собою.

Кто-то изъ барышень погладилъ Марго по головѣ, кто-то потрепалъ ее по щекѣ.

— Прелестная дѣвочка!—прошептала кассирша.

Польщенная всѣми этими похвалами, Марго быстро развязывала картонку. Вотъ ея ловкіе пальчики освободили картонъ отъ бечевки, приподняли крышку коробки, нетерпѣливо отбросили бумагу и вынули изъ картонки вѣнокъ.

— Ахъ!—дружно вырвалось у всѣхъ.

— О, какое безобразіе! Какой ужасъ!—подхватили приказчики и приказчицы, взглянувъ на то, что держала дрожащими руками Марго.

Дѣйствительно, это было безобразіе.

Глаза Марго широко раскрылись отъ ужаса и удивленія. Лицо стало бѣлѣе бумаги и задрожавшіе пальчики выронили обезображенный вѣнокъ на полъ.

— О, я не виновата! Не виновата ни въ чемъ!..— успѣла прошептать на-смерть ошеломленная дѣвочка и, закрывъ лицо руками, громко разрыдалась.

ГЛАВА XLIV.

Два разговора по телефону.

Только что добродушныя, привѣтливыя, ласковыя лица, окружавшія Марго, мигомъ преобразились. Съ негодованіемъ и отвращеніемъ смотрѣли теперь приказчики и приказчицы то на Марго, то на безобразный, выкрашенный въ зеленую краску, вѣнокъ. Управляющій магазиномъ сразу пересталъ быть тѣмъ любезнымъ, привѣтливымъ человѣкомъ, какимъ онъ показался Марго всего нѣсколько минутъ тому назадъ. Онъ схватилъ ее за плечи и закричалъ изо всѣхъ силъ, пользуясь отсутствіемъ покупателей:

— О, негодная, скверная дѣвчонка, ты хотѣла обмануть насъ! Ты хотѣла подсунуть никуда негодную вещь вмѣсто обѣщаннаго вѣнка. О, ты будешь строго наказана за это. Сейчасъ же вызову сюда по телефону госпожу Нештъ. А можетъ быть, это ея продѣлки, это она подучила тебя?

Управляющій сердился и кричалъ такъ, что весь магазинъ сбѣжался на эти крики. Кто защищалъ и выгораживалъ Марго, кто обвинялъ и бранилъ ее

хуже управляющаго. Потомъ подошелъ сѣдой высокаго роста французъ-приказчикъ изъ отдѣленія дамскихъ нарядовъ, прослужившій здѣсь чуть ли не всю свою жизнь, и сталъ внимательно прислушиваться къ возмущенному голосу управляющаго. Онъ положилъ руку на черненькую головку рыдавшей дѣвочки и ласково произнесъ:

— Перестаньте плакать, дитя мое. Объясните намъ лучше, кто могъ это натворить?

Но развѣ Марго могла что-нибудь объяснить. Развѣ она знала; кто такъ злостно подшутилъ надъ ней. Среди рыданій она могла только пролепетать:

— О, только не я... Не я испортила вѣнокъ, увѣряю васъ, monsieur, нѣтъ, нѣтъ... Я и сама не знаю, кто... Если бы знала и видѣла это раньше—могла ли бы я принести его въ такомъ видѣ сюда? Я—честная дѣвочка, я не обманщица, не лгунья... Спросите monsieur Ришара, вашего сослуживца изъ парижскаго отдѣленія... Напишите ему, онъ вамъ отвѣтитъ... Онъ знаетъ меня...

— Monsieur Ришара, стараго Рене Ришара?— неожиданно переспросилъ французъ-приказчикъ.

— Да, да... Онъ знаетъ меня...—еще разъ, рыдая, подтвердила Марго.

Сѣдой господинъ кивнулъ головой и незамѣтно скрылся.

А черезъ нѣсколько минутъ въ отдаленномъ углу магазина въ крошечной телефонной будкѣ уже заработалъ аппаратъ:

— Алло! Соедините меня, цожалуйста, съ гости-

ницей «Франція». Готово? Благодарю васъ. Это гостиница «Франція»? Семьдесятъ четвертый номеръ дома? Нѣтъ? Они ушли? Такъ, когда вернутся, скажите имъ, чтобы сейчасъ же пріѣхали въ магазинъ «Жоржъ». Передадите? Пожалуйста.

Пока сѣдой французъ-приказчикъ переговаривался по одному телефону, не помнившій себя отъ ярости управляющій, соединившись по другому телефону съ мастерской госпожи Нештъ, изливалъ все свое негодованіе и бѣшенство Евангелинѣ Денисовнѣ.

— О, это невозможно, мадамъ! Вѣнокъ испорченъ совсѣмъ. Ваша посланная хотѣла всучить намъ совершеннно ненужную безобразную вещь. Мы за нее не можемъ платить деньги. Пріѣзжайте сейчасъ же за нею сами, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ!

— Что такое?.. О, Боже мой! Вѣнокъ?.. Ничего не понимаю... Сейчасъ пріѣду...—отвѣчала по телефону мадамъ Нештъ.

А Марго въ это самое время плакала горькими, неутѣшными слезами. Въ этихъ слезахъ застала ее примчавшаяся въ магазинъ мадамъ Нештъ.

То блѣднѣя, то краснѣя, мадамъ Нештъ схватила въ одну руку картонку съ злополучнымъ вѣнкомъ, другою цѣпко обхватила испуганную, внезапно переставшую плакать и какъ бы впавшую въ тупое молчаливое отчаяніе Марго и потащила ее къ выходу.

Осмотрѣвъ вѣнокъ, мадамъ Нештъ стала на себя не похожа. Блѣдная, съ поджатыми губами, съ прыгающими круглыми глазами она, не говоря ни слова,

вышла изъ магазина, сѣла на извозчика, взяла на колѣни злополучную картонку и, посадивъ Марго рядомъ съ собою, коротко приказала извозчику какъ можно скорѣе ѣхать. За всю дорогу она не обмѣнялась ни однимъ словомъ со своей маленькой спутницей. Только не доѣзжая нѣсколькихъ саженей до подъѣзда дома, Евангелина Денисовна разомкнула, наконецъ, губы и произнесла, обращаясь къ совершенно измученной всѣмъ пережитымъ Марго:

— Я тебѣ покажу, дѣвчонка, какъ портить заказы и подрывать довѣріе къ моей мастерской! Я тебя такъ проучу, что долго помнить будешь...

Малютка Марго задрожала, какъ листъ, услышавъ эти слова.

Въ тотъ же мигъ извозчикъ остановилъ лошадь у подъѣзда, и Евангелина Денисовна, грубо схвативъ за руку Марго, почти втащила ее на крыльцо, а оттуда въ прихожую мастерской. На обращая вниманія на выскочившихъ къ нимъ навстрѣчу мастерицъ, она такъ же грубо проволокла Марго черезъ рядъ комнатъ и втолкнула дѣвочку въ полутемную ванную комнату, находившуюся подлѣ спальни. Здѣсь она приблизила къ лицу дѣвочки свое искаженное яростью лицо и прошипѣла со злобой:

— Сиди здѣсь пока до вечера. Когда уйдутъ мастерицы, я раздѣлаюсь съ тобою, дрянная, скверная дѣвчонка! Узнаешь ты тогда, какъ нарочно портить тебѣ порученный хозяйкой заказъ.

И она ушла, хлопнувъ громко дверью и закрывъ ее на замокъ.

ГЛАВА XLV.

Маленькая мученица.

ПОТЯНУЛИСЬ ужасные часы для бѣдной Марго. Голоса въ мастерской постепенно стихали. Медленно наступалъ вечеръ. Должно быть, на дворѣ уже было темно.

Но въ темной ванной комнатѣ оставалось все по-прежнему, безъ перемѣнъ. Медленно сочилась по капелькамъ вода изъ крана, наводя ужасное уныніе на и безъ того истерзанную всѣмъ случившимся дѣвочку.

Марго чувствовала, что нѣчто ужасное ожидаетъ ее, неповинную ни въ чемъ. Плакать она не могла, уже давно выплакавъ всѣ слезы.

Съ трепетомъ прислушивалась она къ звукамъ, долетавшимъ до мѣста ея заключенія. Вотъ донесся отрывистый голосъ Ольги, засмѣялась Зина... Что-то крикнула Ляля, гдѣ-то хлопнули дверью. Должно быть, это мастерицы расходятся по домамъ.

Наконецъ, все стихло. Не надолго, однако. За дверью ванной послышались тяжелые торопливые

шаги хозяйки... Щелкнулъ замокъ, и дверь широко распахнулась.

Крупныя капли пота выступили на лбу Марго. Она вся затрепетала.

На порогѣ ванной комнаты стояла Евангелина Денисовна. Лицо хозяйки было злобно и блѣдно попрежнему. Глаза точно прыгали, губы дрожали. Она протянула руку и крѣпко схватила Марго.

— Пойдемъ, дѣвочка, миленькая, хорошенькая, пригоженькая... — издѣваясь надъ обезумѣвшей отъ страха француженкой, дѣланно ласковымъ тономъ затянула она.—Пойдемъ, я попотчую тебя самымъ превосходнымъ, самымъ вкуснымъ угощеніемъ. Останешься довольна, крошечка моя, будь увѣрена!

И, рванувъ дѣвочку, она протащила ее темнымъ коридоромъ въ спальню и бросила на свою широкую и высокую постель... Потомъ быстро рванулась обратно къ двери, заперла ее на ключъ и, схвативъ со стула очевидно приготовленный уже заранѣе широкій ремень, подскочила къ Марго.

Пронзительный, полный дикаго отчаянія и ужаса крикъ огласилъ въ тотъ же мигъ мастерскую.

Къ крику, поднятому Марго, присоединился за дверью другой... Кричали сразу нѣсколько голосовъ:

— Мадамъ! Мадамъ! Мадамъ! Отворите! Васъ спрашиваютъ какіе-то господа! Они ждутъ въ передней!

— Что?

Злая, сердитая, Евангелина Денисовна съ трудомъ разбирала, что ей говорили Геня, Маша и Роза тамъ,

за дверью. Недовольная тѣмъ, что ей помѣшали расправиться съ дѣвочкой, хозяйка отшвырнула ремень и пошла къ порогу комнаты.

Но ее уже предупредили. Кто-то стучалъ кулакомъ въ дверь, и незнакомый голосъ кричалъ за нею по-французски:

— Отворите сейчасъ же, сію же минуту! Иначе будетъ худо!

Этотъ голосъ, страшно знакомый Марго, дошелъ до слуха полубезчувственной дѣвочки. Собравъ послѣднія силенки, она вскочила съ кровати и, шатаясь, побѣжала къ двери, опережая хозяйку.

— Пустите меня, пустите меня! — лепетала она, но крѣпкія руки Евангелины Денисовны снова схватили ее за плечи.

Въ тотъ же мигъ кто-то сильно рванулъ дверь съ наружной стороны. Дверь затрещала... Слабая задвижка не выдержала и, подавшись, выскочила изъ гнѣзда.

— Какъ вы смѣете врываться?—начала было хозяйка, но въ тотъ же мигъ слова ея покрылись отчаянно радостнымъ, полнымъ восторга и надежды крикомъ Марго, стрѣлою ринувшейся впередъ.

— Дѣдушка Ришаръ! Поль! Милые! Дорогіе!..

На порогѣ спальни дѣйствительно стоялъ дѣдушка Ришаръ рядомъ съ сѣдымъ французомъ—приказчикомъ изъ магазина, а изъ-за спинъ обоихъ взрослыхъ выглядывало милое, встревоженное личико Поля.

Не помня себя отъ радости, Марго кинулась въ объятья старика Ришара, потомъ подлетѣла къ Полю, лепеча на своемъ родномъ языкѣ сквозь слезы:

— Дѣдушка Ришаръ, Поль! Какимъ образомъ вы здѣсь со мною?.. Милые... Хорошіе... Поль, дѣдушка, какъ вы здѣсь очутились? О, Боже, Боже! Въ такую минуту! Возьмите меня отсюда скорѣе. Меня мучаютъ, истязаютъ здѣсь... Я не могу больше, не могу... Вы за мною? Это—не сонъ? Это правда?

И она замерла въ объятьяхъ подхватившаго ее на руки старика Ришара.

О, какія это были сладкія минуты! Руки подоспѣвшаго Поля сжимали тѣсными объятіями шею Марго, и милый голосокъ ея маленькаго друга шепталъ на ухо дѣвочкѣ слова, полныя ласки и любви:

— Да... да... Уѣдемъ... Увеземъ тебя, Марго... Голубка, крошка... Для этого мы и пріѣхали изъ Парижа. Дѣдушка взялъ отпускъ, и мы пріѣхали... Мы искали тебя повсюду и не могли найти... Недѣлю живемъ уже въ гостиницѣ, всюду ищемъ тебя, всѣхъ разспрашиваемъ... И вотъ, наконецъ, сегодня, совершенно случайно, господинъ Вилье телефонировалъ дѣдушкѣ, что нашелъ тебя. Мы ему все разсказали о тебѣ, когда онъ зашелъ къ намъ въ гостиницу. Ахъ, Марго, какъ мы счастливы, что нашли тебя... Сегодня, сейчасъ же увеземъ тебя отсюда... А потомъ въ Парижъ.

— И Иванку тоже?—робко освѣдомились малютка.

— Кто это Иванка?

Марго разсказала.

— Да, да, и его, и его, разъ онъ твой другъ!—обрадовался Поль.

Въ то время, какъ дѣти восторженно переживали

радость встрѣчи, оба старика—Ришаръ и его пріятель—строго упрекали хозяйку за ея жестокое обращеніе съ дѣтьми, грозя довести обо всемъ до свѣдѣнія общества, заботящагося о дѣтяхъ, у которыхъ нѣтъ родныхъ и близкихъ.

Госпожа Нештъ совсѣмъ струсила. Ее нельзя было узнать. Перепуганная неожиданнымъ появленіемъ незнакомцевъ, она только, улыбаясь, кланялась и присѣдала, забывая оправдать передъ ними себя и свой поступокъ съ Марго.

Потомъ господинъ Ришаръ повезъ Марго къ себѣ въ гостиницу, гдѣ онъ временно остановился съ внукомъ Полемъ.

Мастерицы и Геня старались не смотрѣть на уѣзжавшую Марго. Одна только Маша нѣжно простилась съ нею, обливаясь слезами.

Изъ гостиницы, по просьбѣ Марго, послали разыскивать Иванку. Онъ пришелъ въ тотъ же день, по черному ходу, въ гостиницу, оборванный, грязный, но такой милый, что сразу понравился обоимъ парижанамъ—и дѣдушкѣ и внуку. Его встрѣтили, какъ стараго друга, одѣли и накормили вмѣстѣ съ Яшкой.

А черезъ нѣсколько дней всѣ четверо: дѣдушка Ришаръ, Поль, Марго и Иванка съ его неизмѣннымъ Яшкой уѣзжали въ далекую Францію, въ Парижъ.

Ихъ провожали только двое людей: старый приказчикъ изъ цвѣточнаго магазина и цвѣточница Маша.

Былъ чудесный февральскій день. Ласково сіяло ликующее солнце. На вокзалѣ сновала пестрая, суетливая толпа.

И впервые за послѣдній годъ своей коротенькой жизни со дня смерти матери Марго почувствовала себя вполнѣ спокойной и счастливой. Теперь она уже не могла себя считать одинокой: съ нею были ея друзья — дѣдушка Ришаръ, милый маленькій Поль, славный Иванка и забавный Яшка, запрятанный въ корзинку, такъ какъ никто изъ публики не пожелалъ бы ѣхать вмѣстѣ съ такимъ безпокойнымъ небезопаснымъ пассажиромъ.

Иванка улыбался радостной улыбкой и чуть ли не вслухъ мечталъ:

«Парижъ—не Петербургъ. Тамъ и климатъ другой. Тамъ мы съ Яшкой не замерзнемъ зимой, если будемъ ходить по улицамъ. Да и добрый баринъ Ришаръ обѣщалъ пріютить насъ у себя, а мнѣ найти мѣсто мальчика въ магазинѣ».

И Иванка былъ счастливъ не менѣе своей названной сестренки, Марго.

Маша-цвѣточница закивала и заулыбалась сквозь слезы своей уѣзжавшей подругѣ... Марго замахала платкомъ. Поѣздъ тронулся.

Поль обнялъ Марго и смотрѣлъ на исчезавшіе постепенно дома и улицы Петербурга.

Глазами, затуманенными радостными слезами, смотрѣла на нихъ и Марго. Вмѣстѣ съ послѣдними домами исчезавшаго постепенно чужого города исчезали и ея прежнія несчастья, происшедшія здѣсь... Начиналась новая жизнь, радостная, свѣтлая, среди добрыхъ друзей, на милой и дорогой родинѣ, въ родномъ Парижѣ.

Публичная Библиотека в Ленинграде

РНБ РУССКИЙ ФОНД
34.86.5.42